

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

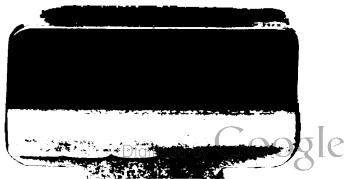
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Digitized by Google

Г.Д. 2/20.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

Ч 809

Платонъ Кулаковскій.

*Кулаковскій Платонъ
Andreevich*

ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ

ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

ВЪ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

МОСКВА.

Типографія бывш. Ф. Б. Миллера, Машковъ пер., д. Миллера.
1882.

PG
1217
K18
A96

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие Стр. VII

Глава I. Обзоръ новой Сербской литературы
до Вука Караджича.

Первые сербскіи книги въ XVIII вѣкѣ. Перепечатка
русскаго букваря въ Рынникѣ. Издание Жефаровича. Ор-
фелинъ и его изданія. Павель Юлинадъ. Ioannъ Раичъ и
его сочиненія. Славяно-сербская школа писателей. Гав-
рииль Стефановичъ; языки его сочиненій. Досией Обра-
довичъ: его жизни и сочиненія. Вліяніе ихъ на послѣдую-
щихъ писателей. Первые попытки драматическихъ произ-
веденій въ сербской литературѣ. Якововичъ и его коме-
діи. Общая характеристика сербской литературы и ея
языка до Вука Караджича

1

Глава II. Вукъ Караджићъ и его литературная
дѣятельность.

1. Происхожденіе и воспитаніе Вука Караджича. Его
жизнь въ Сербіи и переѣздъ въ Вѣну. Знакомство съ Ко-
питаромъ. Вліяніе Копитара на Вука Караджича. Издание
Пѣсници и Писменицы. Работы надъ словаремъ и сви-
зи Вука Караджича съ Лукіаномъ Мушницкимъ

37

2 Поездка Вука Караджича въ Россію. Его женильба.
Постыденіе Сербіи, и начало связей съ княземъ Мило-
шемъ. Поездка Караджича въ Германію. Интересъ въ

Германіи къ сербскому языку и народной поэзіи. Издание сербскихъ сказокъ. Мелкая статьи Караджича и его критика романа Видаковича: Любомиръ въ Элизіумѣ. Первый переводъ Нового Завѣта на Сербскій языкъ и его судьба. Переводы грамматики и пѣсень сербскихъ на иностранные языки. Новое издание Караджича сербскихъ пѣсентъ въ Лейпцигѣ. Возрастающія значеніе и слава Вука Караджича. Русская пенсія Вуку Караджичу 77

3. Календари-альманахи Вука Караджича: Даница. Общий ихъ характеръ. Статьи въ Даницахъ исторического и географического содержанія. Біографія Эмануэля. Жизнеописаніе князя Милоша на русскомъ и сербскомъ языкахъ. Характеръ этихъ книгъ. Знакомство Вука Караджича съ Ранке. Сочиненіе послѣднаго о сербской революціи и статья о волненіяхъ въ Босніи Заслуги и участіе Вука Караджича въ этихъ трудахъ Ранке. Караджичъ—членъ комиссіи для составленія законовъ въ Сербіи. Письмо его къ князю Милошу. Матеріальное положеніе Вука Караджича. Поязданія въ Петербургъ и Черногорію. Сочиненія: Montenegro und die Montenegriner. Правительствующій Советъ Сербскій 89

4. Издание Караджича болгарскихъ словъ и пѣсень и его замѣчанія о болгарской ореографіи. Статьи филологического содержанія въ Даницахъ. Литературный споръ Караджича съ Хаджичемъ. Сербская Матица и ея отношеніе къ дѣятельности Караджича. Сербская автогипс. Издание Опита Сличноречности Луки Милованова и замѣчанія Караджича о сербскомъ удареніи и размѣтрахъ сербскаго языка. „Примјери српско-славенскога језика“. Второе изданіе словаря, его отличія отъ первого. Переводъ Нового Завѣта. Замѣчанія на него и критическая статья В. Лазича, Никанора Груича, Срезневскаго, Гильфердинга. Недостатки этого перевода 120

5. Новые изданія сербскихъ пѣсень. Мињія Йкова Гримма о сербскихъ пѣсняхъ и Вукъ Караджичъ. Издание пословицъ и сказокъ. Ковчежић. Издание посмертныхъ трудовъ Вука Караджича. Поязданія Караджича по сербскимъ землямъ. Связи его съ учеными и писателями. Отношеніе Сими Милутиновича и Станка Враза къ Караджичу. Бранко Радичевичъ и его стихотвореніе Пут. Юрій Даничичъ. Симпатіи Вука Караджича къ князю Милошу. Смерть Вука Караджича 159

Глава III. Значение Вука Караджича въ Сербской литературѣ. Его предшественники и исторія реформы сербскаго литературнаго языка и сербской ореографіи.

Заслуги Вука Караджича, какъ собирателя и издателя народныхъ произведений и какъ преобразователя сербскаго литературнаго языка и его ореографіи. Предшественники его: Ореолинъ, Досией Обрадовичъ, Яновичъ, Соларичъ. Отношеніе австрійскаго правительства въ XVIII вѣкѣ къ кирилицѣ и славянскому языку. Миѣніе Терланца объ языке сербской литературы. Павелъ Кенгеладъ и церковно-славянскій языкъ его сочиненій. Вукъ Караджичъ и его мнѣнія о потребностяхъ сербскаго литературнаго языка. Его выборъ герцеговинскаго нарѣчія. Миѣнія Саввы Текели и Степанча. Соглашеніе сербовъ и хорватовъ относительно единства языка ихъ литературы. Система ореографіи Вука Караджича. Савва Меркайль и его брошюра: сало дебелога ера. Защитники ъ. Правила Степанча объ употребленіи ъ въ сербской ореографіи. Общая оценка дѣятельности Вука Караджича 179
Приложение 235—250
Списокъ трудовъ и изданій Вука Караджича 237
Биографическія свѣдѣнія о Савве Меркайль 245
Биографическія свѣдѣнія о Лука Миловановѣ 246
Биографическія свѣдѣнія о Павле Кенгельцу 247

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Значение дѣятельности Вука Караджича въ сербской литературѣ на столько важно, что автору предлагаемаго труда нѣть надобности объяснять, почему онъ поставилъ себѣ задачу освѣтить, насколько ему было возможно, исторію этой дѣятельности. Но Вукъ Караджичъ еще лице близкое къ нашему времени: въ сербской литературѣ теперь дѣйствуютъ его ближайшіе ученики и многіе помощники въ его трудахъ, еще не издана его переписка со многими замѣчательными дѣятелями въ области славяновѣдѣнія, еще не собраны свидѣтельства современниковъ и не достаточно освѣщена дѣятельность современныхъ ему писателей. Самая личность Копитара, съ которымъ Вукъ Караджичъ былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ, далеко еще не освѣщена, а попытка Словенской Матицы и почтенного словенскаго ученаго о. Іосифа Марна (Kopitarjeva Spomenica) не дала отвѣта на вопросы, имѣющіе самое важное значеніе для нашего труда. Переписка Копитара съ Добровскимъ лишь теперь появляется по частямъ, благодаря стараніямъ гг. Яги-ча, Мицлошича и Патеры. Авторъ предлагаемаго труда, не претендую на полноту и всестороннюю оцѣнку дѣятельности Вука Караджича, по указаннымъ причинамъ, имѣль главною цѣлью разсмотрѣть значеніе Вука Караджича, какъ реформатора сербскаго литературнаго языка и сербской ореографіи.

Для правильнаго освѣщенія какъ дѣятельности, такъ и самой личности писателя иногда на столько же важно правдивое ихъ изображеніе, на сколько важна правильная оцѣнка

предшествовавшей ему литературной эпохи. Въ этомъ отнѣшніи исторія сербской литературы для позслѣдованія литературного движения въ XVIII вѣкѣ сдѣлала еще мало, а между тѣмъ при изученіи предшествующей Вуку Караджичу эпохи дѣятельность его, какъ преобразователя сербскаго литературнаго языка и ореографіи, получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, которое обыкновенно дается. Заслуги Вука Караджича въ сербской литературѣ нисколько не умалляются отъ признанія того факта, что его предшественники указали всѣ тѣ необходимыя новизны, которыя онъ умѣль систематизировать и приложить.

Попытка, сдѣланная г. Ковачичемъ (въ Slovinc'ѣ за 1881 годъ), освѣтить дѣятельность Вука Караджича, представляетъ лишь собраніе и перепечатку матеріаловъ, при чемъ этотъ трудъ страдаетъ значительною неполнотою вслѣдствіе трудности имѣть подъ руками всѣ сербскія изданія. Сверхъ того отступленія и параллели съ итальянскими писателями, часто не имѣющія связи съ данными вопросами, и патріотическая тенденція, почтенная въ авторѣ-сербѣ, работающемся въ Дубровникѣ, иногда совершенно закрываютъ отъ читателей самое назначеніе труда г. Ковачича.

Для историка русской литературы дѣятельность Вука Караджича имѣеть тотъ особый интересъ, что съ этого времени ослабляются связи между сербской и русской литературами, и вліяніе послѣдней уступаетъ мѣстомъ вліяніямъ западно-европейскихъ литературъ.

Въ заключеніе этихъ немногихъ словъ предисловія позволимъ себѣ выразить надежду, что историки сербской литературы не замедлятъ собрать и издать матеріалъ для всестороннаго освѣщенія замѣчательнѣйшей эпохи сербской славесности, началомъ и центромъ которой была дѣятельность Вука Караджича.

ГЛАВА I.

Обзоръ новой сербской литературы до Вука Караджича.

Начало возрождения сербской литературы относится къ первой половинѣ XVIII вѣка, когда Сербы, переселившіеся въ южные предѣлы Австріи изъ старого своего гнѣзда—Старой Сербіи,—гдѣ турецкій гнетъ сдѣлался для нихъ невыносимымъ, начали на новыхъ мѣстахъ своего поселенія первыя попытки въ области литературы.—Это было время весьма трудное въ жизни сербскаго народа. Австрійскіе походы на Турцію, правда, иногда освобождали на нѣкоторое время цѣлые сербскія области, но это освобожденіе было лишь временное, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ очень скоро Австріи всякий разъ приходилось отдавать Турціи обратно все, что подпадало подъ ея власть за Дунаемъ и Савой. Такой обратный переходъ сербскихъ земель въ руки Турокъ лишь ухудшалъ тяжелое положеніе Сербовъ, населяющихъ эти области. Сербы, поселившіеся въ Австріи были ограждены разнаго рода привилегіями, которыхъ однако австрійское правительство старалось обходить весьма старательно, а впослѣдствіи и совершенно забыло. Отсутствіе школъ, гдѣ бы могло обучаться сербское юношество, недозволеніе австрій-

скаго правительства Сербамъ открыть свою типографію, недостатокъ въ книгахъ церковныхъ, затрудненія всякаго рода въ сношеніяхъ съ Россіей и добываніи оттуда книгъ, печатанныхъ кириллицей,— все вліяло на то, что книги были большою рѣдкостью и пользовались особеннымъ почитаніемъ въ сербскомъ народѣ.

Первые печатныя книги въ половинѣ XVIII вѣка, съ которыхъ начинаетъ свою исторію сербская библіографія, по своему содержанію принадлежать по преимуществу къ числу церковныхъ или трактующихъ о предметахъ религіозныхъ. Сербскія книги въ то время печатались, до основанія сербской типографіи Курцбека въ Вѣнѣ (1771 г.), почти исключительно въ Венеціи. Впрочемъ, вѣкоторыя изданія, съ особыми цѣлями или случайно, выходили и въ другихъ городахъ. Такъ, въ Римѣ въ 1753 г. былъ изданъ букварь кирилловской и глаголической азбуки, въ Москвѣ въ 1754 году владыка Черногорскій Василій Петровичъ напечаталъ свою *исторію о Черной Горѣ*, а архіепископъ Карловацкій Навель Ненадовичъ приказалъ въ 1755 году перепечатать славянскую грамматику Мелетія Симонитскаго въ Рымнику для пользованія сербскаго юношества. Въ Венеціи сербская печатня основана была грекомъ Дмитріемъ Феодосіемъ въ 1758, для чего онъ выписалъ изъ Россіи церковный и гражданскій, а изъ Рима—глаголический шрифты *). Ранѣе, чѣмъ въ Венеціи, именно въ 1705 г., была основана стараніями рымницкаго епископа Ансіма Ивиренулу славянская типографія, въ которой печатались славянскія цер-

*) Соларичъ. Поминакъ книжескій, стр. 54.

ковные книги для румынскихъ церквей, такъ какъ служба въ нихъ происходила на славянскомъ языке. Въ этой-то типографии былъ перепечатанъ одинъ изъ русскихъ букварей, привезенныхъ Максимомъ Суворовымъ, который былъ вызванъ митрополитомъ Моисеемъ Петровичемъ для основанія школы при Бѣлградской митрополіи вскорѣ послѣ Пожаревацкаго мира (1718 г.). Эта перепечатка известна въ изданіи 1727 года. Она носить заглавіе: Первое обученіе отрокомъ въ немъ же букви и слоги, также краткое толко-ваніе законнаго десятословія, молитвы Господня; сим-вола вѣры и десяти блаженствъ. Второе напечатан-ное, повелѣніемъ и благословеніемъ и всякимъ ижди-веніемъ ясно въ Богу Господина Моясея Петровича, Православнаго Архіепископа и митрополита Бели-града и иныхъ странъ, въ епископіи Рымнической, лѣто Господне „Лука. Иліа от Чернаводы Типографъ“ *). Этотъ букварь — первая до сихъ поръ известная книга, напечатанная для Сербовъ въ XVIII вѣкѣ, — поэтому съ нея слѣдуетъ и начинать новую серб-скую библіографію.

Такъ какъ первыя школы у Сербовъ возникли при ближайшемъ содѣйствіи русскихъ учителей, приглашенныхъ сербскими митрополитами, то и первыя учебныя книги были тоже русскія, привезенные съ собою этими учителями изъ Россіи. Богослужебныя и церковныя книги почти до нашего времени приходили на православный славянскій югъ исключительно изъ Россіи, духовныя лица, искавшія высшаго богословскаго образованія, уходили въ Россію и тамъ поступали въ русскія семинаріи и Академіи,—и по-

*) Гласник, XLVI, стр. 236.

нятно, что славянскій языкъ русской редакціи церковныхъ книгъ получилъ широкое распространеніе среди всего православнаго славянства.

Между первыми книгами новой сербской литературы выдается *Стемматографія Жефаровича*, „илирическо-rossіанскаго общаго зографа“, какъ онъ себя наываетъ, изданная въ 1741 году. Она представляетъ переводъ съ нѣмецкаго, сдѣланный вѣроятно самимъ Жефаровичемъ, какъ свидѣтельствуетъ одно изъ заглавій этой книги: „Изображеніе оружій иллирическихъ ауторомъ Пауломъ Риттеромъ въ діалектѣ латинскомъ изданное на свѣтъ и по его урядженію на Славено-Сербскій языкъ преведенное второе изданіе“. Эта книга вся рѣзана на мѣди. Стемматографія Жефаровича состоить изъ изображеній различныхъ царей, князей и санктуарій сербскихъ,—за ними идетъ изображеніе гербовъ всѣхъ славянскихъ странъ и сосѣднихъ земель. Всѣ эти изображенія сопровождаются подписями въ стихахъ *). Жефаровичъ издалъ двѣ книги, въ Вѣнѣ, и обѣ были рѣзаны на мѣди: Стемматографію въ 1741 г. и Поученіе святительское къ новопоставленному іерею въ 1742 г.

*.) Для образца приведу подпись къ гербамъ Босніи и Москвы изъ этой рѣдкой книги.—Гербъ Босніи—крестъ:

Червленъ, по крестъ чврнововать въ щитѣ имать Босна,

Сребро земля изадеть поля златоносна,

Крестъ народу чврнововать, ияже скорби родить,

Но Богъ, крестъ ииѣ давый, крестомъ да свободить.

Подпись къ гербу Москвы: двуглавый орелъ съ Великомученикомъ Георгіемъ.

Двоеглавнимъ орлемъ златымъ Москва оукрашена,

Къ народу къ супостатомъ окомъ приложена,

Народъ держитъ правило, мечемъ супостати

Побѣждаетъ, отъ страха врагъ не смѣть стати.

За весьма небольшимъ исключениемъ, всѣ сербскія книги, печатавшіяся тогда въ Вѣнѣ и Венеціи, принадлежать первовной словесности, и почти всѣ писатели начинали свою дѣятельность — трудами, относящимися къ этой области литературы. Это были поученія, наставленія, церковныя правила, акаѳисты и т. д., весьма часто лишь переводы съ русскаго на особый типъ славяно-сербскаго языка, тогда устанавливавшійся въ начинающейся сербской словесности. Между сербскими писателями этого времени особенно выдается Захарій Орфелинъ, родомъ изъ Вуковара (род. 1726 г.). Имя Орфелина онъ принялъ впослѣдствіи, составивъ его изъ Orpheus и Linus, перенесяши много разнаго рода непріятностей во время своего учительствования *). Впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ секретарей Митрополита Карловачкаго Павла Ненадовича. Затѣмъ онъ переселился въ Венецію, сталъ тамъ заниматься искусствами и быть сдѣланъ даже членомъ Вѣнскай Академіи Художествъ. Первымъ его сочиненіемъ носять исключительно духовный характеръ. Такъ въ 1757 г. онъ издалъ „краткое о Богоподобающемъ тѣлу и крови Христовой поклоненіи и времени того наставленіе“, въ слѣдующемъ году „Ортодоксосомолоія сиръчъ православное исповѣданіе каѳолической и апостолскія церкви восточныя и т. д.“ Въ это время стали появляться въ сербской литературѣ первые учебники, и Орфелинъ въ 1767 году напечаталъ „Первые начатки латинскаго языка“, — которые онъ перевелъ съ русскаго. Къ этому то времени относится и изданіе Орфелиномъ букваря съ церковною и граждан-

*) Safarik Gesch. des Serbischen Schriftthums стр. 308.

скою азбуками *). Его *Великий календарь*, напечатанный въ первый разъ въ 1783 г., выдержалъ нѣсколько изданій; Орфелину же приписывается „Житіе и славные дѣла Государа Императора Петра Великаго“, вышедшее въ Венеціи въ 1772 г. въ двухъ томахъ **). Въ 1768 году Орфелинъ дѣлаетъ попытку періодическаго изданія подъ заглавіемъ: „Славено-Сербскій Магазинъ“, то есть собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ (въ Венеціи, въ типографіи славено-Греческой благочестивой Димитрія Феодосіева.)“ „Славено-Сербскій Магазинъ“ заслуживаетъ вниманія какъ потому, что онъ былъ напечатанъ тражданскимъ шрифтомъ, въ то время мало употребительнымъ у Сербовъ,—такъ и по языку, въ которомъ замѣтно нѣкоторое стремленіе автора приблизиться къ простому сербскому выражению, и по своему составу. Онъ состоитъ по преимуществу изъ перепечатокъ съ русскаго и переводовъ статей морально поучительныхъ въ духѣ литературы того времени. Въ предисловіи Орфелинъ замѣчаетъ, что время, когда писались книги исключительно на латинскомъ языке,—прошло, и что теперь научные сочиненія издаются на живыхъ языкахъ: ***); это было первое заявленіе правъ сербскаго языка на свою собственную литературу. По замыслу Орфелина, Славено-Сербскій Магазинъ долженъ быть имѣть характеръ научно-практическаго сборника, въ которомъ Сербскій читатель могъ бы найти поученія мораль-

*.) Стоянъ Новаковичъ ошибочно отыскалъ изданіе этого букваря въ 1776 г. (см. его Библіографію № 64.), такъ какъ объ этой книгѣ сдѣланъ уже отзывъ въ Магазинѣ 1768 года.

**) Šafarik. ibidem. Стр. 423.

***) Магазинъ, стр. 4 и 5.

ные, наставлениі практическія и вообще интересныя свѣдѣнія. Попытка эта основать періодическое изданіе остановилась, впрочемъ, на первомъ же выпускѣ.

Къ этому же времени относятся и первые переводы беллетристическихъ произведеній съ французскаго — на славенскій языкъ. Навелъ Юлинацъ, бывшій нѣкоторое время русскимъ консуломъ въ Неаполѣ, напечаталъ въ Вѣнѣ въ 1776 году славянскій переводъ повѣсти Мармонтеля — *Велизарій*. Этотъ же Юлинацъ первый сдѣлалъ попытку написать исторію Сербскаго народа, и въ 1765 году онъ напечаталъ: Краткое введеніе въ исторію происхожденія Славяно-Сербскаго народа, — трудъ, при составленіи которого онъ пользовался хроникою Юрія Бранковича, но который не имѣетъ значенія ни въ исторіографіи, ни въ исторіи сербской литературы вообще. Гораздо важнѣе трудъ известнаго сербскаго историка и писателя Йоанна Раича (1726—1801).

Йоаннъ Раичъ родился въ Карловцахъ и здѣсь же учился сначала у учителей въ то время вызванныхъ изъ Россіи митрополитомъ Викентіемъ Йоанновичемъ, устраивавшимъ школу. Затѣмъ онъ провелъ семь лѣтъ у одного учителя Райковича, у которого онъ научился по славянски. Послѣ онъ поступилъ въ юезуитскую коллегію въ Коморанѣ, гдѣ онъ не могъ окончить курса, такъ какъ отъ него потребовали принять католичество, — почему онъ и перебѣхалъ въ Шопронь (Oedenburg) и поступилъ въ тамошнюю евангелическую школу. Въ 1753 г. онъ былъ уже въ Кіевѣ, пройдя часть дороги въ Россію пѣшкомъ. Тутъ онъ поступилъ въ Духовную Академію и пробылъ въ ней 4 года, употребивъ одинъ годъ на посвѣщеніе Москви. Затѣмъ вернувшись въ Карловцы,

онъ желалъ сдѣлаться учителемъ, но разныя непріятности заставили его отказаться отъ этого намѣренія, и Раичъ вторично отправился въ Кіевъ, откуда черезъ Царьградъ поѣхалъ на Аeonъ. Онъ хотѣлъ воспользоваться рукописными богатствами Хиландарскаго монастыря для задуманной имъ тогда Сербской исторіи. Но грубые и невѣжественные Хиландарскіе монахи не дали ему возможности воспользоваться библіотекою монастыря, и потому, пробывъ лишь два мѣсяца на Аeonѣ, Раичъ вернулся въ Карловцы въ самомъ концѣ 1758 г., проѣхавъ чрезъ Македонію и Сербію и посѣтивъ на пути знаменитый Дечанскій монастырь. Съ этого времени по 1762 г. Раичъ былъ учителемъ сначала въ Карловцахъ, затѣмъ переехалъ въ Темешваръ къ епископу Викентію Видаку, у которого онъ провелъ полтора года „обольщенъ и празденъ“ (*). Затѣмъ онъ провелъ 9 лѣтъ въ Новомъ Садѣ, гдѣ преподавалъ богословіе въ духовномъ училищѣ въ теченіе, четырехъ лѣтъ, и гдѣ написалъ свою исторію, окончивъ ее въ 1768 г. (**). Здѣсь же онъ составилъ, нѣсколько учебниковъ по богословскимъ наукамъ. Въ 1772 г. онъ постригся въ монахи въ монастырѣ Ковыльскомъ, и вскорѣ сталъ въ немъ настоятелемъ и архимандритомъ. Съ тѣхъ поръ до смерти (1801 г.) Раичъ жилъ все время въ этомъ монастырѣ и 15 разъ отказался отъ лестнаго для него предложения сдѣлаться епископомъ, отдавшись цѣликомъ занятіямъ научнымъ и труду литературному***). Многіе его труды остались ненапечатаны.

(*) Гласник I, 172. автобіографічнія замѣтки Раича.

(**) Šafarik. ibidem. стр. 305.

(***) Бовчъ. Памятнаго мужемъ у Славено-сербскомъ книжеству славными стр. 31. Лѣтоц. Матицы Сербской, кн. 50, стр. 50—58.

ными и лишь впослѣдствіи появлялись въ отрывкахъ въ печати *). Трудомъ, который ему доставилъ извѣстность и значеніе, была его — „Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ напаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ“ — вышедшая въ Вѣнѣ въ 4 томахъ въ 1794—1795 гг. Въ этомъ его сочиненіи исторія югославянъ впервые была изложена въ извѣстной системѣ: это не была уже хроника, обычная форма историческихъ сочиненій предшествующихъ Раичу историческихъ писателей. У Раича недоставало критической подготовки для исторического труда, но за то онъ впервые свелъ въ некоторую систему историческія свѣдѣнія о прошедшемъ югославянъ, и эта „Исторія Славянскихъ народовъ“ долгое время была единственнымъ источникомъ, откуда Сербы черпали свѣдѣнія о своемъ прошедшемъ. Языкъ, которымъ Раичъ написалъ свою *Исторію*, былъ „славено-сербскій“ или лучше русско-славянскій съ весьма небольшою примѣсью сербскихъ словъ и выражений. Этотъ языкъ исторіи Раича сдѣлался на долго образцовымъ для писателей славяно-сербской школы. Но Раичъ писалъ и на языкахъ, болѣе близкомъ къ живому сербскому нарѣчію: таково его: собраніе разныхъ недѣльныхъ и праздничныхъ нравоучительныхъ поученій въ 3 частяхъ (1793 г.). Онъ пробовалъ свои силы и въ драматическомъ родѣ литературныхъ произведеній: въ 1798 была напечатана его „Трагедія сирѣчь печальная повѣсть о смерти последнаго Царя Сербскаго Уроша Пятаго“, а въ 1791 г. воспѣвалъ войну Австріи съ Турцией въ стихотвореніи: „Бой змая съ орловы“.

*) Напр.: отрывки изъ его труда: Исторія о раздѣленіи восточне и западне церкве. Лѣтоп. Мат. Серб. вып. 90 и 91. за 1854 и 1855.

Языкомъ Сербскихъ писателей того времени былъ славянскій языкъ русскихъ церковныхъ книгъ, обыкновенно съ примѣсью сербскихъ словъ, формъ и выражений,—но чѣмъ менѣе было этой примѣси, тѣмъ слогъ писателя считался лучшѣ. Этотъ языкъ назывался *славено-сербскимъ*, а писатели, доказывавшіе исключительныя права этого *славяно-сербскаго* слова въ сербской литературѣ,—*славено-сербами*. Какъ увидимъ, школа *славено-сербовъ* вела сильную борьбу противъ сербскаго народнаго языка въ литературѣ и относилась враждебно ко всѣмъ нововведеніямъ Вука Караджича, задержавъ на время побѣду національнаго направлѣнія въ сербской литературѣ.

Сочиненія и писатели въ XVIII в., признававшіе права народнаго языка на литературу въ сербской письменности, составляютъ лишь исключенія. Первымъ изъ писателей этого рода былъ Гавріилъ Стевановичъ, монахъ, учившійся у Кипріана Рачанина, одного изъ сопутниковъ патріарха Арсенія III при его переселеніи изъ Печи въ Австрію. Дѣятельность его относится къ первой половинѣ XVIII вѣка (1716—1747). Онъ оставилъ много сочиненій на чисто-сербскомъ языкѣ, по преимуществу догматическаго и церковнаго характера. Будучи знакомъ съ языками русскимъ и польскимъ, онъ переводилъ съ нихъ весьма много „на просты езикъ србскій“ и „за селяне и просте люде“. Всѣ его сочиненія остались въ рукописи. Между прочимъ онъ переводилъ полемическія проповѣди архіепископа черниговскаго, Лазаря Барановича *).

*) Гласникъ, XXXIV, статья Витковича: о книжевномъ раду Іеремонаха Гаврила Стевановича стр. 150—177.

Другимъ, но несравненно болѣе важнымъ исключениемъ изъ числа сербскихъ писателей XVIII вѣка,— былъ Досиѣй Обрадовичъ (1739—1811).

Сербскіе писатели, ставя себѣ въ заслугу *высокочленость*, издавали книги, въ которыхъ трактовали о вопросахъ, часто совершенно чуждыхъ потребностямъ Сербскаго народа. Какъ по содержанію, такъ и по языку ихъ сочиненія не были понятны даже всему еравнителю образованному классу народа, но народъ инстинктивно понималъ значеніе книги и взиралъ на эти сочиненія, какъ на национальное сокровище.*). Народъ цѣнилъ языкъ писателей славено-сербской школы, какъ языкъ церкви, и на самихъ писателей взиралъ съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на защитниковъ народной вѣры и сербской національности.

Въ это время полнаго господства литературы, давшей отъ жизни и пониманія народа, чуждой ему по языку, выступаетъ дѣятелемъ за полъ сербской словесности знаменитый Досиѣй Обрадовичъ. Какъ личность, такъ и дѣятельность этого сербскаго писателя въ высшей степени замѣчательны и важны по своему вліянію какъ на все послѣдующее развитіе сербской литературы, такъ и на развитіе національного самосознанія и рационалистическихъ воззрѣній у Сербовъ. Поэтому остановимся на немъ подробнѣе:

Дмитрій, въ монашествѣ Досиѣй, Обрадовичъ родился въ Чаковѣ, въ Темешварскомъ Банатѣ. Отецъ его былъ кожевникъ и торговалъ мѣхами и кожами. Дмитрій Обрадовичъ рано лишился отца, котораго

(*.) Subbotić. Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbisch. Literatur., стр. 9

память онъ чтилъ, основываясь на отзывахъ соседей, всегда хвалившихъ покойника. Мать его, оставшись вдовою съ четырьмя дѣтьми, вышла вторично замужъ и вскорѣ умерла. Девяти или десяти лѣтъ Дмитрий Обрадовичъ со своими братьями былъ взятъ въ домъ дяди Груицы, а сестра Юльянка осталась у дѣда, гдѣ вскорѣ и умерла. Впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ свою сестру и въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій замѣчаетъ, что онъ, быть можетъ, и не сдѣлался бы странникомъ, еслибы была жива сестра, къ которой онъ чувствовалъ глубокую привязанность. Еще при жизни матери онъ началъ ходить въ школу, — и вспоминаетъ о добротѣ къ нему его учителя Добры, подарившаго ему для чтенія новый часословъ. Вскорѣ однако онъ былъ взятъ на воспитаніе другимъ родственникомъ, который, видя склонность Дмитрія къ ученію, задумалъ приготовить его во священники. Отъ чтенія часослова, Дмитрій перешелъ къ чтенію Псалтиря и наконецъ сталъ учить *латиницу*: это были обыкновенные ступени тогдашняго обученія. Въ Чаковѣ было много румынъ и грековъ, и румынскій языкъ былъ настолько же употребителенъ, насколько и сербскій, — поэтому Дмитрій, владѣя румынскимъ языкомъ, сталъ читать книги, писанные на румынскомъ языкѣ. Онъ забирался въ церкви въ алтарь и тамъ читалъ сборникъ румынскихъ прообразовъ на румынскомъ языкѣ. Тутъ онъ познакомился и съ житіями святыхъ, такъ сильно повлиявшими на его дальнѣйшую судьбу.

Эта ревность къ церкви и чтенію церковныхъ книгъ нравилась его дядѣ, который готовилъ его во священники, но впечатлительный мальчикъ, подъ влияніемъ житій святыхъ, — задумалъ сдѣлаться мона-

комъ. Воображеніе, восплемененное чтеніемъ о подвигахъ пустынниковъ и подвижниковъ, рисовало ему прелесть пустынножительства, и Дмитрій сталъ мечтать о египетскихъ и аравійскихъ пустыняхъ. Онъ сталъ посѣщать ближне къ Чакову монастыри съ цѣлью найти для себя пещеру. Ему однако не нравилось, что „монахи этихъ монастырей ъдятъ и пьютъ, какъ другіе люди“, и онъ сталъ думать о пустыняхъ и дальнихъ монастыряхъ.

Теперь его дядя замѣтилъ, что его надежды сдѣлать изъ Дмитрія священника, — разбиваются, и онъ сталъ объяснять племяннику неумѣтность его стремленій. Но онъ не могъ разбить доводовъ начитавшагося церковныхъ книгъ и поученій племянника, и вскорѣ Дмитрій бѣжалъ изъ Чакова съ игуменомъ Дечанскаго монастыря, отправлявшимся въ свой монастырь въ Турцію. Дмитрій Обрадовичъ уже предвкушалъ сладость пустынножительства, но весьма недалеко отъ Чакова ихъ нагналъ его дядя, который и возвратилъ домой юнаго подвижника. Въ разсказахъ о запустѣніи церквей и трудностяхъ монашескаго житія въ Турціи Дмитрій видѣлъ лишь искушеніе его твердости, и онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ сдѣлаться монахомъ.

Возвратившись въ Чаково, Дмитрій сталъ учиться по гречески. Но учитель Сербской школы, которую посѣщалъ Дмитрій, замѣтивъ его отсутствіе въ школѣ, высѣкъ его, и онъ былъ принужденъ прекратить свои занятія греческимъ языкомъ. Страсть Дмитрія къ изученію греческаго языка была однако лишь остановлена и впослѣдствіи снова возвратилась.

Наконецъ дядя рѣшилъ своего племянника отдать въ мастерство, надѣясь, что собственный опытъ

жизни у чужихъ людей уничтожить охоту Дмитрія къ странствованію: Съ этою цѣлью онъ отвезъ его въ Темешваръ, гдѣ и отдалъ его къ выдѣлывателю ковровъ. Здѣсь Дмитрію, которому часто поручалась счетная и письменная часть въ торговлѣ, приходилось отправляться на разные базары съ товаромъ своего хозяина. На базарахъ онъ видѣлъ настоящую практическую жизнь, которая мало по малу заслоняла его прежнія мечты,—но все свободное время онъ по прежнему посвящалъ чтенію проповѣдей и житій. Необыкновенная любознательность Дмитрія не давала ему покоя, и онъ сталъ думать, какъ бы выучиться нѣмецкому и итальянскому языкамъ, которыхъ онъ часто слышалъ на базарѣ въ Темешварѣ.

Случай позволилъ ему слышать разсужденіе одного епископа—Георгія Поповича, о бракѣ, о жизни, о монахахъ, о вѣрѣ и т. д. Весь этотъ разговоръ епископа съ окружающими Досиоей Обрадовичъ передаетъ въ описаніи своей жизни *). Епископъ, нападая на отступленія въ церкви, вошедши въ нее въ позднѣйшія времена, указываетъ, что монашество въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, отжило свое время. Сборы, которые дѣлаются монахами, унижая монашество, ведутъ къ тому, что народъ считаетъ монаховъ такими же грабителеми, какъ и Турокъ. Епископъ указывалъ, что въ первые вѣка христіанства и епископы были женаты, и подробно разсуждалъ о высокомъ призваніи женщины, какъ матери и воспитательницы поколѣній. Онъ говорилъ о бракѣ, какъ о предметѣ особаго почитанія. Эти мысли епископа, которыхъ Досиоей передавались въ своей авто-

*.) Животъ и приключения (43—73).

біографії—сообразно со всієй п'ятью своєї книги,— сильно повліяли на юного мечтателя. Дмитрій стає забывать всі свої мечти о пустынномительстві.

Но въ это время онъ познакомился съ шапочникомъ Феодоромъ, который ему много рассказывалъ о монастыряхъ во Фрушкй горѣ и между прочимъ сказалъ, что и теперь въ одной изъ пещеръ живеть святой, производящій чудеса. Вновь воскресли всѣ прежнія мечты въ юношѣ, и Дмитрій рассказалъ о слышанномъ отъ Феодора одному изъ своихъ товарищѣй и земляку Никѣ Путину. Ника, увлеченный рассказомъ Дмитрія, рѣшился отправиться съ нимъ во Фрушкую гору, и они, убѣжавъ изъ Темешвара, послѣ разныхъ приключений добрались до Хоповскаго монастыря. Мягкая чувствительная натура Дмитрія Обрадовича не позволяла ему такъ спокойноразстаться съ родными предѣлами. Проходя вблизи города Семартона, гдѣ покоронены его мать и сестра, онъ, стоя на одномъ холмѣ, долго съ нимъ прощался и вспоминалъ мать и сестру. Хоповскій монастырь расположеннъ среди прекрасной мѣстности, которая произвела сильное впечатленіе на юношу и привлекала его еще сильнѣе къ жизни въ атомъ монастырѣ. Здѣсь онъ взять былъ игуменомъ монастыря Федоромъ Милутиновичемъ въ ученики, при чемъ онъ исполнялъ у него и обязанность служки. Теперь ему представилась полная возможность читать житія святыкъ и церковные книги. Добродушный, малоучченый старикъ-игуменъ былъ до такой степени доволенъ хорошимъ умѣніемъ читать своего ученика и его познаніями, что возилъ съ собою въ сосѣдній городокъ Иригъ и показывалъ тамъ Дмитрія, который читаетъ лучше, чѣмъ онъ, игуменъ. Въ Хоповѣ Обрадовичъ провелъ

три года. Наконецъ онъ задумалъ постричься въ монахи, но игуменъ старался отклонить его отъ исполненія этого намѣренія. Онъ его бралъ съ собою всякий разъ, когда выѣзжалъ изъ монастыря, такъ что Обрадовичъ съ нимъ объѣхалъ весь Сремъ, Славонію и Бачку. Подъ вліяніемъ разсказовъ о постѣ разныхъ святыхъ, о чемъ онъ узналъ изъ читанныхъ имъ Чети-Миней, Обрадовичъ налагалъ на себя необычайный постъ и по цѣлымъ днамъ не ъѣлъ хлѣба и не пилъ воды. Разумный игуменъ сталъ убѣждать юношу, налагавшаго на себя подобные аскетические подвиги,— что лучшій способъ сдѣлаться *святымъ* — быть честнымъ человѣкомъ,— и что для человѣка достаточно опредѣленныхъ церковью постовъ. Но эти наставленія и совѣты не успокоили Обрадовича, нафанатизированаго чтеніемъ *житій святыхъ*,— и онъ постригся въ монахи, получилъ имя Досиѳея, а затѣмъ былъ рукоположенъ во діаконы архіепископомъ Павломъ Ненадовичемъ въ Карловцахъ. Теперь молодой монахъ окончательно отдался мыслямъ о святости и духовныхъ подвигахъ. Слава о его святости и даже чудотворности разнеслась по окрестнымъ селамъ, и въ монастырь стали стекаться къ нему съ просьбами о его молитвахъ. Даже самъ игуменъ, такъ разсудительно никогда отклонявшій Обрадовича отъ монашества, готовъ былъ повѣрить въ чудодѣйственную силу молодаго подвижника.

Въ это время случайно Досиѳею попалась въ руки исторія Баронія. Книга его заинтересовала, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ читать „гражданскія россійскія исторіческія книги“.

Игуменъ теперь сталъ совѣтовать ему отправиться въ Киево-Печерскую лавру для пріобрѣтенія познаній.

Въ это время въ монастырѣ говорили много объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и Россіи, и мысль о Кіевѣ и Москвѣ постоянно занимала Обрадовича. Когда митрополитъ перевелъ игумена Федора Милутиновича въ монастырь Шишатовацъ, Досиоей получилъ отъ него 15 дукатовъ и весьма разумное наставление. „Мнѣ пріятнѣе видѣть ученаго молодаго Раича, говорилъ старый игуменъ, нежели четырехъ вселенскихъ патріарховъ, которые были бы также неучены, какъ и я“. Онъ совѣтовалъ ему учиться, говорилъ о пользѣ и важности науки и сказалъ между прочимъ, что онъ превратилъ бы всѣ монастыри въ школы.

Рѣчи игумена произвели свое дѣйствіе на Обрадовича, вкрадись сомнѣнія въ его душу, и онъ вмѣстѣ съ однимъ юношемъ, родственники которого хотѣли сдѣлать его монахомъ, тайкомъ ушелъ изъ монастыря, намѣреваясь пробраться въ Россію на тѣхъ 15 дукатовъ, которые ему далъ старикъ-игуменъ на прощаніе. Это было во время семилѣтней войны. Въ Хорватіи родственники его сотоварища по бѣгству приняли Досиою хорошо и совѣтовали ему поѣхать въ Германію, а оттуда уже при помощи сербовъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ, перебраться въ Россію. Обрадовичъ рѣшился выждать удобнаго случая для исполненія своего намѣренія и поѣхалъ въ Загребъ.

Здѣсь онъ намѣренъ былъ поступить въ коллегіумъ, чтобы поучиться по-латыни, но узнавъ, что это учебное заведеніе—уніатское, отказался отъ своего намѣренія. Случай помогъ ему однако удовлетворить своему желанію. Въ домѣ его квартирной хозяйки жилъ ея братъ, который, узнавъ о его желаніи, сталъ учить Досиою латинскому языку и подарили ему ла-

тинскую грамматику. Въ это время ему представился удобный случай попасть въ действующую армію въ качествѣ помощника священника, который долженъ былъ туда отправиться. Но однако это дѣло разстроилось, и Досией остался бы надолго въ Загребѣ, если бы случайно не встрѣтился съ однимъ своимъ старымъ знакомымъ, который предложилъ ему вмѣстѣ отправиться въ Вѣну, откуда скорѣе можетъ представиться возможность перѣѣхать въ Россію. Для этого Досией долженъ былъ обратиться къ епископу Плашкому Даніилу, съ которымъ ѿхалъ смутившій его товарищъ.

Епископъ посовѣтовалъ ему собрать учительствомъ небольшія деньги, прежде чѣмъ предпринимать путешествіе въ Россію.

Досией такъ и сдѣлалъ и, по указанію епископа, отправился въ Далмацію и сталъ учителемъ вблизи Книна. Тутъ онъ провелъ три года. Въ письмѣ, въ которомъ Досией разсказываетъ объ этомъ времени своей жизни, изображается простая, идиллическая жизнь тѣхъ людей, съ которыми здѣсь онъ сблизился. „Это—настоящіе святые“, восклицаетъ онъ, говоря о чистосердечіи и добротѣ священника Новаковича, съ которымъ онъ въ особенности сошелся.

Собравъ въ теченіе трехъ лѣтъ нѣкоторую сумму денегъ, Досией вознамѣрился отправиться на Аеонъ, гдѣ въ это время славились лекціи Евгенія Булгариса. Съ этой цѣлію онъ отправился въ Боку Которскую, чтобы тамъ сѣсть на корабль, шедшій въ Грецію, но заболѣлъ лихорадкою и потому принужденъ былъ отказаться отъ путешествія. Теперь онъ поѣхалъ въ Черногорію, гдѣ владыка Василій рукоположилъ его во священники. Но лихорадка заставила его вскорѣ

уѣхать и изъ Черногоріи, и Досиѣй становится учителемъ вблизи Боснійской границы въ Голубичѣ. На второмъ году его учительства въ этомъ селѣ появилась чума, которая разогнала изъ него жителей, а Досиѣй перебрался къ своему пріятелю священнику Симичу. Здѣсь онъ сдѣлалъ выборку изъ бѣсѣдъ Іоанна Златоуста на Дѣянія Апостольскія, и такимъ образомъ составилась его первая книга, извѣстная подъ именемъ *Досиѣевой буквицы*. Эту буквицу составилъ онъ, по просьбѣ дочери священника Симича, на простомъ сербскомъ языке. Книжка имѣла необыкновенный успѣхъ, и списки ея распространялись по всей Далмациѣ.

Наконецъ Досиѣю удалось предпринять путешествие, и онъ отправился въ Корфу. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ изученіи греческаго языка. Изъ Корфу онъ переехалъ въ Морею и, остановившись въ Патрасѣ, два мѣсяца употребилъ на путешествие по Греціи. Затѣмъ онъ отправился на Аѳонскую гору, но здѣсь уже не засталъ Булгариса, который незадолго предъ его приѣздомъ оставилъ Аѳонъ. Въ монастыряхъ аѳонскихъ Досиѣй провелъ осень и зиму, а весною отправился на островъ Патмосъ, узнавъ, что тамъ преподается греческій языкъ. По пути въ Патмосъ Досиѣй остановился въ Смирнѣ, гдѣ и поступилъ въ греческую школу. Здѣсь онъ сблизился съ учителемъ грекомъ Іероѳеемъ. Въ Смирнѣ онъ провелъ три года, а когда началась война между Россіей и Турціей, его пребываніе въ этомъ городѣ сдѣлалось небезопаснымъ, такъ какъ его многіе называли „пана Московитисъ“, смѣшивая сербовъ съ русскими. Отсюда вмѣстѣ съ однимъ изъ учениковъ Іероѳея Обрадовичъ отправился назадъ въ

Европу. Его товарищъ Максимъ изъ Лариссы сильно заболѣлъ, и Досиоей рѣшился его сопровождать въ Фессалію. Счастливый случай далъ возможность До-сиою поѣхать Албанію, гдѣ онъ провелъ цѣлый годъ. Досиоей скоро выучился по-албански и постара-лся примѣнить кириллицу къ албанскому языку. Это особенно удивило албанцевъ, которые, впрочемъ, объясняли Досиою, что они одинъ родъ и племя съ сербами.

По просьбѣ албанскихъ вождей, поручившихъ ему какое-то дѣло, Досиоей отправился въ мѣстности близкія къ Корфу. Когда спустя пять мѣсяцевъ Досиоей прїѣхалъ въ Корфу, исполнивъ данное ему поруче-ніе, онъ нашелъ письма, извѣщавшія его, что въ Албаніи начались междуусобія, и что онъ пока не можетъ туда возвратиться. Такимъ образомъ онъ остался въ Корфу и сталъ вновь заниматься греческимъ языкомъ и литературою. Онъ нашелъ для себя учителя, съ которымъ читалъ произведенія древнихъ греческихъ писателей, и сблизился съ од-нимъ священникомъ, у которогого стала учиться ла-тинскому языку и читать лучшихъ авторовъ древ-няго Рима.

Пробывъ въ Корфу тринадцать мѣсяцевъ и издер-жавъ всѣ свои деньги, Досиоей поспѣшилъ отпра-виться обратно въ Далматію чрезъ Венецію. Сна-чала онъ поселился въ Задрѣ, а затѣмъ отправился въ Книнъ къ своему прежнему пріятелю протопо-пу Новаковичу. Отсюда онъ часто ѻздалъ въ Да-матинскіе монастыри и окрестныя села, по пригла-шенію прихожанъ, произносить проповѣди. Поученія Досиои вскорѣ дали ему большую славу, и жители города Скрадина пригласили его быть проповѣдни-

комъ въ ихъ городѣ, но мѣстный католической епископъ воспротивилсѧ подобному назначенію проповѣдника, основываясь на томъ, что Досиоѣй не былъ венецианскимъ подданнымъ. Католическому епископу казался опаснымъ такой умный и просвѣщенный проповѣдникъ въ правословной церкви, какимъ былъ Досиоѣй. Послѣ этой неудачи онъ прожилъ одинъ годъ въ Задрѣ, гдѣ намѣренъ былъ заниматься математикою. Затѣмъ онъ изъ Задра чрезъ Триестъ отправился въ Вѣну, гдѣ и прожилъ семь лѣтъ, занимаясь французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками и давая уроки.

На третій годъ своего пребыванія въ Вѣнѣ онъ могъ учить французскому языку греческихъ купцовъ, давая имъ объясненія по-гречески, что дѣлало его особенно желаннымъ для нихъ учителемъ. Такъ онъ провелъ семь лѣтъ въ Вѣнѣ. Въ это время туда приѣхалъ митрополитъ Викентій Видакъ, который пригласилъ его въ учителя французского и итальянского языковъ къ двумъ своимъ племянникамъ и обѣщаю по истеченіи года или двухъ послать его вмѣстѣ съ ними въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, а затѣмъ путешествовать по Франціи, Англіи и Италіи. Теперь Досиоѣю представился удобный случай посѣтить родныя страны послѣ двадцатилѣтняго отсутствія. Пробывъ три года учителемъ у племянниковъ митрополита, Досиоѣй обратился къ нему съ напоминаніемъ объ его обѣщаніи послать его съ учениками путешествовать по Европѣ, но митрополитъ нашелъ препятствіе къ исполненію своего обѣщанія, и потому Досиоѣй уѣхалъ самъ въ Триестъ.

Здѣсь онъ познакомился съ русскимъ архимандритомъ

томъ Варлаамомъ, котораго учили итальянскому языку, а затѣмъ оба вмѣстѣ путешествовали по Италии. Изъ Неаполя Досией отправился въ Константинополь, но по дорогѣ заѣхалъ на островъ Хиосъ, гдѣ и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, зарабатывая средства преподаваніемъ итальянскаго языка. Причиною этой его остановки въ Хиосѣ былъ слухъ о чумѣ въ Царьградѣ. Наконецъ весною слѣдующаго года онъ прїѣхалъ въ Константинополь, но пробылъ тутъ всего нѣсколько недѣль, такъ какъ вновь начала свирѣпствовать моровая язва. Отсюда онъ отправился въ Молдавію, гдѣ и сталъ учителемъ у боярина Балысы въ Яссахъ.

Въ Яссахъ онъ сблизился съ романскимъ епископомъ Романомъ Чюкомъ. Затѣмъ онъ отправился чрезъ Львовъ и Бреславль въ Галле, гдѣ жили вѣрные его попеченію племянники епископа Чюки, учившіеся въ тамошнемъ университетѣ. Здѣсь онъ переодѣлся въ свѣтское платьѣ, записался въ университетъ и слушалъ лекціи философіи, эстетики и богословія. Тогда-то онъ задумалъ написать и напечатать какую-нибудь полезную книгу на простомъ „общемъ народномъ“ языкѣ. Сравнивая Германію съ Сербіей, Босніей и Герцеговиной, Обрадовичъ съ горечью восклицаетъ: „несчастные турки ждутъ услышать что-нибудь хорошее отъ дервишѣ! А бѣдные и угнетенные христіане отъ монаховъ!“ Это восклицаніе вырвалось у Досиея, когда онъ вспомнилъ, что въ родныхъ сербскихъ земляхъ нѣть школъ и никакихъ учебныхъ заведеній. Причину этого, между прочимъ, онъ видѣлъ въ невѣжествѣ самого духовенства и въ грубости монашества.

Съ цѣлью издать книгу на языкѣ, вполнѣ понят-

номъ простому сербскому народу, онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ точно также записался въ университетъ. Это было въ 1783 г. Въ этомъ же году онъ напечаталъ свою книгу „Животъ и приключенія“ съ цѣлью показать безполезность монастырей въ обществѣ и великое значеніе науки, какъ средства избавить людей отъ суевѣрія и привести ихъ къ истинному благочестію.

Въ слѣдующемъ году онъ въ Лейпцигѣ издалъ еще книгу: „Совѣти здраваго разума“, въ которыхъ онъ давалъ „сербскому народу“ начала моральной философіи. Этими двумя книгами начинается совершение новое направленіе въ сербской литературѣ, которая теперь старается сойти съ высокаго пьедестала учености и сдѣлаться понятной и близкой народу.

Въ Галле и Лейпцигѣ Досиоѣй провелъ два года. Затѣмъ онъ отправился чрезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, Мангеймъ и Страсбургъ въ Парижъ, гдѣ и провелъ три недѣли. Оттуда онъ переѣхалъ въ Кале, посѣтивъ по дорогѣ могилу Фенелона въ Камбре, и наконецъ 1-го декабря 1784 высадился въ Дуврѣ въ Англіи, откуда отправился въ Лондонъ.

Здѣсь онъ нашелъ себѣ учителя англійскаго языка и вскорѣ сблизился съ некоторыми англичанами, которые поддерживали его въ его трудномъ положеніи человѣка безъ средствъ въ столицѣ Англіи. Въ Лондонѣ онъ пробылъ болѣе шести мѣсяцевъ, вполнѣ овладѣвъ англійскимъ языкомъ и отправился назадъ въ Лейпцигъ, гдѣ онъ нашелъ письмо отъ одного изъ близкихъ людей къ генералу Семену Зоричу, любимцу Екатерины II, приглашавшее его въ Шкловъ. Зоричъ звалъ Досиоѣя къ себѣ еще до поѣздки его

въ Лондонъ. Не имѣя денегъ для поѣздки въ Россію, Досиоей отправился въ Вѣну, гдѣ вновь занялся частными уроками. Въ 1788 году онъ издалъ у Брейткопфа въ Лейпцигѣ книгу „Езопове баснѣ“, — въ которой онъ перевелъ по преимуществу Лессинговы басни и приложилъ къ нимъ замѣчательныя послѣдователія, полныя поученія и живаго интереса. Изъ Вѣны Досиоейѣ вѣзилъ въ Шкловъ, къ Зоричу, который обѣщалъ устроить типографію у себя въ имѣніи для печатанія сочиненій Досиоеня, но это его обѣщаніе не было исполнено, и Досиоейѣ, пробывъ полгода въ Шкловѣ, отправился обратно въ Вѣну. По дорогѣ въ Россію и обратно онъ посѣтилъ разныя мѣста Польши и Лифляндіи. Въ 1789 году онъ написалъ торжественный гимнъ по случаю взятія Бѣлграда австрійскими войсками, въ которомъ онъ восхваляетъ Іосифа II и Екатерину II. Въ 1793 онъ издалъ въ Вѣнѣ „Собраніе разныхъ нравоучителныхъ вещей въ пользу и увеселеніе“, и въ 1802 г. перешхалъ въ Венецию вслѣдствіе перехода сербской типографіи изъ Вѣны въ Буду. Онъ намѣренъ былъ составить и напечатать тамъ книгу жизнеописаній знаменитыхъ людей, чтобы „представить нашей націи ту самую науку, которую изъяснилъ въ нравоученіяхъ“. Но это его намѣреніе не осуществилось.

Въ Венеціи купцы сербы предложили ему 2.000 гульденовъ содержанія съ тѣмъ, чтобы онъ исключительно занялся составленіемъ книгъ на простомъ сербскомъ языкѣ. Здѣсь онъ содѣствовалъ Соларичу въ составленіи и изданіи книги „Ново гражданско землеописаніе“, вышедшей въ 1804 г. въ Венеции; какъ видно изъ его писемъ къ друзьямъ, онъ сильно заботился о распространеніи этой книги

между сербами. Въ этомъ же году Досиоѣй привѣтствовалъ возстаніе сербовъ, тогда лишь начавшееся подъ предводительствомъ Кара-Георгія, стихотвореніемъ, въ которомъ онъ называетъ Сербію милой матерью и призываетъ ее воскреснуть, а въ 1803 г. издалъ переводъ Соаве: „Этика или философія морална“.

Досиоѣй тогда задумалъ устроить школу и типографію гдѣ нибудь на свободной сербской землѣ. Это свое желаніе онъ сообщилъ владыкѣ черногорскому Петру I Нѣгошу, при чёмъ объяснилъ, что онъ ждѣтъ для исполненія этого намѣренія лишь того, чѣмъ окончится возстаніе въ Сербіи. Въ отвѣтъ на это, Петръ I просилъ Досиоѣя не уѣзжать куда нибудь въ другое мѣсто до полученія его письма, вѣроятно разсчитывая пригласить Досиоѣя въ Черногорію для устройства школы. Затѣмъ изъ Венеціи, когда она была уступлена французамъ, Досиоѣй перебѣхалъ въ Триестъ, гдѣ и пробылъ довольно долго. Въ іюнѣ 1806 г. онъ былъ уже въ Сисекѣ, посѣтилъ Любляну, послѣѣздилъ въ Карловцы и Землинъ, а 13 августа 1807 года онъ пишетъ уже изъ Бѣлграда одному изъ своихъ друзей, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ „пришелъ подъ это небо, онъ сталъ обновляться“. Онъ принялъ близкое участіе въ основаніи „великой школы“ въ Бѣлградѣ—и въ день ея открытия читалъ отрывокъ изъ рукописи второй части „Собранія вещей“, изданной впослѣдствіи подъ именемъ *Мезимца* *). Въ 1808 г. онъ написалъ два стихотворенія подъ заглавіемъ:

*) Караджићъ. Правительствующій Совѣтъ Сербскій, стр. 81.

„Стыхи на новый годъ 1808 сочиненны къ Бѣлградѣ отъ сербовъ Великому Государю царю и самодержцу всероссійскому Александру Павловичу“ и „иные стыхи Высоко-Превосходителнѣйшему Господину Генералу Родофинику“, т. е. Родофиникину, бывшему тогда представителемъ Россіи въ Сербіи. *) Въ это время ему поручена была забота о воспитаніи сыновей Кара-Георгія. Въ 1810 г. Досиѣй засѣдаєтъ въ совѣтѣ, а въ январѣ 1811 г. указомъ Кара-Георгія онъ назначенъ не только членомъ правительствующаго совѣта, но и попечителемъ народнаго просвѣщенія. Но Досиѣй не нашелъ въ Сербіи достаточнаго простора для своей дѣятельности и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ выражаетъ намѣреніе бросить все и уѣхать куда-нибудь, гдѣ есть типографія, чтобы напечатать второй томъ своего „Собранія вещей“. Ему не пришлось уже выѣхать изъ Сербіи,—26 марта 1811 года *сербскій Анахарсисъ*, какъ его называли, умеръ и похороненъ въ бѣлградской соборной церкви.

Нѣкоторыя изъ его сочиненій изданы въ первый разъ лишь послѣ его смерти, а до того времени ходили въ спискахъ. *Мезимацъ*, составляющей вторую часть собранія разныхъ нравоучительныхъ вещей, изданъ Соларичемъ въ Венециѣ въ 1818 году; „Христоноїа сирѣчъ благіи обычаи и вѣнацъ одѣ алфавита“,—составленная Досиѣеемъ еще въ 1770 г. во время его учительствованія въ селѣ Плавнѣ въ Далматіи, издана Миловукомъ и Бозитовцемъ въ 1826 г., въ Будимѣ; *Првенацъ*, ужица или Досиѣева Буквица

*) Ibidem, стр. 89—91.

въ 1830 году Севастіаномъ Иличемъ въ Карлштадтѣ.

Досиੋєй Обрадовичъ принадлежить къ числу такихъ писателей, сочиненія которыхъ, понятныя по языку и содержанію всякому, касаясь насущныхъ потребностей и нуждъ народа, пользуются продолжительнымъ и сильнымъ вліяніемъ на складъ понятій въ обществѣ и даже народѣ. Вѣчный странникъ, всюду и всегда искавшій познаній, Досиੋєй постоянно имѣлъ въ виду пользу того народа, котораго онъ былъ сыномъ. Обладая яснымъ практическимъ умомъ, Досиੋєй во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ прежде всего практическій философъ. Переживъ въ своей жизни религіозное увлеченіе, доходившее до мистицизма, Досиੋєй сталъ горячимъ сторонникомъ и защитникомъ реальной, дѣйствительной жизни. Онъ принадлежалъ безспорно къ числу лучшихъ и благороднейшихъ проповѣдниковъ раціоналистического направленія французскихъ писателей времени, предшествовавшаго революції. Его поученія и наставленія проникнуты однимъ мягкимъ элементомъ: онъ любить человѣка. Онъ не смеется надъ порокомъ, онъ не злобствуетъ при видѣ зла, но указывая дурныя стороны жизни, онъ взыываетъ къ читателю устранить ихъ. Сочиненія Досиੋєя долго были любимѣйшимъ чтеніемъ всѣхъ грамотныхъ Сербовъ, многіе выучивали цѣлые отрывки изъ нихъ и руководствовались въ своей жизни указаніями, почерпнутыми въ его книгахъ. Его выраженія сдѣлались пословицами и аргументами, противъ которыхъ не возражали.

Сочиненія Досиੋєя важны какъ по своему вліянію на складъ общественной морали, такъ и на дальнѣйшее развитіе литературы у Сербовъ.

Ими начинается новое чисто народное направление в сербской литературе.

Досиоей писалъ народнымъ, простымъ сербскимъ языкомъ, но не порвалъ всѣхъ связей съ языкомъ, господствовавшимъ въ сербской литературѣ въ то время *). Однако онъ нанесъ сильный ударъ славено-сербской школѣ писателей, а послѣдователи его мнѣнія, что литература должна постоянно имѣть въ виду цѣль быть полезной для всего народа и потому пользоваться языкомъ народнымъ, подготовили путь реформамъ и дѣятельности Вука Караджича.

Всѣ сочиненія Досиоэя морально-поучительныя. Между его оригинальными сочиненіями, первое мѣсто занимаетъ *Животъ и Приключения и Басне*. *Животъ и Приключения* не представляютъ автобіографіи въ собственномъ смыслѣ, въ нихъ постоянно сквозить тенденція показать на своемъ примѣрѣ, что хорошо и чтѣ дурно. Переживъ мистическая увлеченія, Досиоей съ особенностью настойчивостью нападаетъ на монаховъ и монашество, на монастыри, доставляющіе массѣ народа возможность ничего не дѣлай жить на чужой счетъ, на крайности въ самыхъ церковныхъ учрежденіяхъ и узаконеніяхъ, которыхъ ему представляются искаженiemъ ученія Спасителя и Апостоловъ **). Онъ требуетъ всюду вмѣшательства разума, и все, что противорѣчить разуму въ религіозныхъ обычаяхъ и узаконеніяхъ, излишне и даже преступно предъ Божескимъ закономъ. „Богъ есть истина, поэтому одаренный словомъ человѣкъ, мысли,

*) Jagić. Zasluge Vuka Karadž. 10.

**) Сравни Басне. стр. 156, 221, 106, 58. Животъ 57 и слѣд.; Писма II т. 85 и т. д.

суди, разсуждай и познай“, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ. Вооружаясь противъ суевѣрія, онъ указываетъ лѣкарство противъ него—науку. Досиоей нападаетъ на религіозную вражду, которая раздѣляетъ самыхъ близкихъ людей. „Гостепріимство, говоритъ онъ о жителяхъ Славоніи и Хорватіи, ихъ прирожденное качество; ничто такъ ихъ не раздѣляетъ и не отчуждаетъ другъ отъ друга, какъ церковь Греческая и Латинская. Церковь! которая должна бы ихъ еще больше сближать и соединять въ любви и добротѣ. Не было ли бы полезно, говоритъ онъ далѣе, сказать этимъ людямъ, что они могутъ быть разныхъ религій, но въ тоже время быть между собою кумами, пріятелями, почитать и любить другъ друга“ *).

Задача всякаго человѣка—больше знать, такъ какъ просвѣщеніе и наука уничтожаютъ суевѣрія. Досиоей совѣтуетъ отнять всѣ монастырскіе доходы и обратить ихъ на содержаніе школъ. Онъ требуетъ образованія для женщины, такъ какъ только просвѣщеніе и образованіе морально подниметъ женщину, мать и воспитательницу поколѣній **). Цѣнія высокою женщину, Досиоей считаетъ бракъ высокимъ дѣломъ въ жизни всякаго человѣка, установленіемъ, соотвѣтствующимъ цѣлямъ природы и потому необходимымъ. Поэтому монашество представляется Досиоюю противоестественнымъ и потому противорѣчащимъ законамъ Божескимъ***.) Такъ какъ

*) Собр. Соч. Досиоа Обрадовича изд. Вазаровича. т. II. стр. 6
ср. Басне, 146, 80—81. 304. Совѣти здр. раз. стр. 6—8, 78 и т. д.

**) Басне, стр. 108, 152.; Собраниe вещей, стр. 106 и слѣд.; Жи-
вотъ, отр. 45 и слѣд. и во многихъ другихъ мѣстахъ.

***) Басне 222 ср. Животъ 44—55. Ижица 115. № 46 и 47.

конечная цѣль брака потомство, то слѣдуетъ облегчить законы о бракѣ *). Но для того, чтобы бракъ соответствовалъ своему высокому назначению, мало того, чтобы онъ былъ небезплоденъ, нужно еще, чтобы женщина, главное лицо въ бракѣ, была образована, просвѣщена и добра: такая женщина воспитаетъ поколѣніе хорошихъ гражданъ. Онъ нападаетъ на излишнія заботы о внѣшности и красотѣ и даетъ совѣты искать въ женщинѣ добрые нравы и разумъ **).

Самая главная задача женщины воспитать трудолюбивыхъ и просвѣщенныхъ гражданъ въ своихъ дѣтяхъ. Вообще просвѣщеніе и наука — тѣ средства, которыя предлагаетъ Досиѣй для излѣченія человѣчества отъ всѣхъ золъ и бѣдствій. Считая примѣръ самымъ важнымъ въ воспитаніи, Досиѣй требуетъ доброго примѣра отъ родителей и учителей. Досиѣй даже предлагаетъ планъ обученія и школы для дѣтей. Исторія, Географія, Логика и Нравоучительная Философія — вотъ тѣ науки, на которыхъ должно воспитываться юношество. „Пусть теперь всякий представитъ себѣ, какое бы было благополучіе имѣть такихъ дочерей, супругъ и матерей!“ ***), восклицаетъ Досиѣй. Такимъ образомъ, его планъ школы имѣлъ въ виду лишь развитіе разума и знанія, но забывалъ о необходимости развивать и сердце. Впрочемъ о благонравіи и добротѣ онъ говоритъ во всякомъ своемъ сочиненіи.

Для достиженія счастія необходимы три средства:

*) Писма II, 67.

**) Басне 63—64, 148—149.

***) Совѣты здр. раз. стр. 17.

здравый разсудокъ, трудолюбіе и благонравіе *), вотъ та мораль, которую проповѣдуетъ Досиѣй.

По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Досиѣй былъ на сторонѣ монархического начала **), но онъ требуетъ отъ правителей высокой добродѣтели и просвѣщенія. Пётръ Великій представляется ему идеаломъ государя за его заботы о просвѣщенніи народа.

Досиѣй Обрадовичъ былъ сербскій патріотъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ постоянно имѣлъ въ виду пользу народа, для которого писалъ. Онъ привѣтствовалъ, какъ мы видѣли, одами взятіе австрійцами Бѣлграда въ 1789 и восстаніе Кара-Георгія, а лишь только освободилась Сербія, онъ перѣхалъ туда, чтобы быть полезнымъ своему народу. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ нападаетъ на все то, что раздѣляетъ Сербовъ и не позволяетъ имъ дружно дѣйствовать для своего освобожденія отъ Туровъ. Истинный патріотъ долженъ жертвовать для блага своего народа собою. Онъ видить и указываетъ дурныя стороны въ жизни и характерѣ своего народа и старается ихъ исправить. *).

Такой морально-поучительный характеръ сочиненій Досиѣя даѣтъ имъ особенную привлекательность въ глазахъ современниковъ, а живость изложенія, множество рассказовъ и анекдотовъ, разсѣянныхъ во всѣхъ книгахъ Досиѣя, оригинальность и простота языка сдѣлали его сочиненія любимѣйшимъ чтенiemъ нѣсколькихъ поколѣній. Если нельзя согла-

*) Басне. 297.

**) Басне. 71.

***) Ср. собраніе правоуч. вещей, изд. 1793, стр. 98. Гл. XII.

ситься съ мнѣніемъ, что Досиоѣй въ моральной философіи выше Канта *), то съ другой стороны слѣдуетъ признать, что сочиненія Досиоѣя даютъ ему видное мѣсто среди моралистовъ XVIII вѣка. Нападки на монаховъ и на монастыри и на необразованность духовенства создали много враговъ Досиоѣю среди духовенства, и книги его даже истреблялись нѣкоторыми ревнителями и защитниками тогдашняго положенія сербскаго монашества. Но эти ревнители не могли уменьшить вліянія сочиненій Досиоѣя на всю позднѣйшую Сербскую литературу.

Книги морального и поучительнаго содержанія съ тѣхъ поръ стали любимымъ чтеніемъ сербскаго общества. Въ 1800 г. появилось въ печати давно ходившее въ рукописи стихотворное сочиненіе Степана Стратимировича, бывшаго митрополитомъ въ Карловцахъ: „Любосава и Радованъ или пѣсни нравоучительныя по начину простонародныхъ сербскихъ пѣсней“, въ 1805 г. Стефанъ Раичъ перевелъ съ вѣмецкаго на простой сербскій языкъ сочиненіе Кампе: „Нравоучителна книжица за дечицу“, а въ 1813 г. Соларичъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Досиоѣя, издалъ въ Венеціи: „Златную книжицу“, составленную по Соаве, обѣ обязанностяхъ человѣка и правилахъ учтивости, для родителей и наставниковъ. Къ этой области литературы принадлежать и труды Лазаревича (Собрание моральныхъ вещей 1809 и Моральная Философія 1807), Захарьевича (Зерцало Супружества, т. е. Плутарха Херонеа слово о должности супружества 1808), Соларича (Мудролюбацъ

*) Куондичъ. Философија у Срба. Гласник т. XXIII. стр. 224.

Индійскій 1809 и переводъ книги Циммермана *объ уединеніи* 1809 г.) и др.

Рационалистические взгляды Досиоэя Обрадовича имѣли глубокое вліяніе на складъ религіозныхъ воззрѣній у Сербовъ нового времени. Мушкатировичъ издалъ въ 1786 г. „Краткое размышленіе о праздници“, а въ 1794 г.: „Расужденіе о постахъ восточныхъ церквей“, — обѣ книги написаны въ духѣ раціонализма, отличающаго сочиненія Досиоэя.

Досиоэй Обрадовичъ въ своихъ сочиненіяхъ указывалъ, что необходимо переводить и составлять на сербскомъ языке учебники по разнымъ отраслямъ науки. Вскорѣ появились учебники, большинство которыхъ однако было составлено на славено-сербскомъ языке. Въ 1793 г. Стефанъ Вуяновскій *), бывшій впослѣдствіи директоромъ народныхъ училищъ въ Загребскомъ округѣ, издалъ: „Руководство къ правоглаголанію и правописанію“ и „Краткую священную исторію Нового и Ветхаго Завѣта“, Мразовичъ напечаталъ въ 1794 „руководство къ славенскѣй граматицѣ“, которое выдержало нѣсколько изданій (3-е въ 1821 г.), въ 1801 г. Аѳанасій Стойковичъ издалъ первую часть своей книги „Фусіка простымъ языкомъ списана за родъ славеносербскій“, а остальная двѣ въ 1802 и 1803 гг., Соларичъ, при ближайшемъ содѣйствіи Досиоэя издалъ въ 1804 г. свое „Ново гражданско Землеописаніе перво на езику сербскомъ“ Бечкереки въ 1809 г. издалъ переводъ „Философической науки“, а Вуичъ „Естествословія“ и т. д. Явилась даже поваренная книга, переведенная съ нѣмецкаго Храниславомъ въ 1804 г. Такимъ образомъ въ это время сербская

*) Біогр. Вуяновскаго Лѣт. Мат. за 1829 г. Вып. 17, стр. 1—12.

литература получаетъ практическое направлениe и постепенно утрачиваетъ церковно-религіозный характеръ. Писатели становятся ближе къ настоящимъ потребностямъ практической жизни и стараются дать сербской школѣ необходимыя для нея книги.

Въ это время появляются и первыя попытки драматическихъ произведеній. Такова, наприм., попытка Еммануила Янковича, переведшаго въ 1787 г. комедіи Гольдони „Торговцы“, и въ 1789 Старка, „Злой отецъ и негодный сынъ“. Онъ сдѣлалъ даже попытку оригинальной сербской комедіи „Благодарный сынъ“. Іоакимъ Вуичъ, впослѣдствіи написавшій сатиру на ореографическія нововведенія Караджича, въ 1805 г. издалъ одну оригинальную („Любовная зависть“) и одну переводную комедію („Фернандо и Ярыка“).

Изъ писателей, которые въ это время выступали на литературное поприще, особенно выдавались Лукіанъ Мушицкій, начавшій печатать свои оды, и Милованъ Видаковичъ, издавшій въ 1805 году исторію о прекрасномъ Іосифѣ въ стихахъ, а въ 1810 г. начавшій серію своихъ романовъ романомъ „Усамливый юноша“, разборъ которого сдѣланъ былъ въ Сербскихъ Новинахъ въ 1816 г.

Романы Видаковича, какъ бы низко не цѣнила ихъ современная сербская критика, имѣли важное значеніе въ свое время и создавали читателей сербскихъ книгъ.

Такимъ образомъ до Вука Караджича мы находимъ въ сербской литературѣ попытки почти во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, но сербскіе писатели еще не были въ состояніи отрѣшиться отъ традицій предшествующаго имъ періода, въ которомъ

господствовали церковно-славянский языкъ и словесность, отчужденная отъ практическихъ интересовъ жизни. Досиѣй Обрадовичъ первый указалъ ту отчужденность сербской литературы отъ жизни, которая дѣлала сербскую книгу излишней роскошью, и первый громко заявилъ права народнаго языка. Но Досиѣй не создалъ цѣлой школы писателей: онъ, какъ по своему языку, такъ и по своему направленію, остался единичнымъ явленіемъ. Его послѣдователи не умѣли ни писать такимъ языкомъ, какимъ онъ писалъ, ни говорить о такихъ близкихъ каждому предметахъ, о какихъ онъ говорилъ. Сербская литература не стала еще народною, слово сербское еще не было освобождено отъ наложенныхъ на него путъ, а умѣніе писать на языке славянскомъ становилось все рѣже и рѣже. Но въ общественное сознаніе уже проникло мнѣніе о ненормальности положенія народной школы, въ которой преподается лишь языкъ церковно-славянскій. Въ 1813 г. Урошъ Несторовичъ, одинъ изъ директоровъ сербскихъ школъ, въ письмѣ къ Копитару называетъ злымъ предразсудкомъ преподаваніе въ сербскихъ школахъ лишь одного церковно-славянского языка, при чёмъ родной сербскій языкъ оставался въполномъ пренебреженіи. Онъ требуетъ введенія въ школы живаго языка народа, оставивъ за языкомъ славянскимъ лишь область церковной литературы *).

Въ это время выступаетъ въ сербской литературѣ скромный селякъ, не получившій никакого школьнаго образованія, но хорошо знавшій народную жизнь, ея потребности и народный языкъ и одарен-

*.) Лѣтоп. Мат. Серб. т. 113, стр. 153—193.

ный выдающимся умомъ и замѣчательными способностями, Вукъ Караджичъ, который вывелъ сербскую литературу на новый путь, сдѣлалъ ее демократической, лишивъ того аристократического характера, который дали ей *славено-сербы*.

ГЛАВА II.

Вукъ Караджичъ и его литературная дѣятельность.

1.

**Происхождение и воспитание Вука Караджича. Первые его издания.
Отношение къ нему Копитара.**

Вукъ Караджичъ родился въ селѣ Тршичѣ, которое находится на разстояніи часаѣзды отъ Лозницы, въ окружѣ Подринскомъ, въ уѣздаѣ Ядрскомъ въ Сербіи. Мѣстность эта была населена народомъ, пришедшемъ изъ Герцеговины. Когда послѣ неудачной войны съ Турками (1737—1739 г.) австрійскія войска, проникшія до предѣловъ нынѣшней Черногоріи, принуждены были возвратиться въ Австрію, за ними потянулись всѣ приставшіе къ нимъ жители областей, чрезъ которыхъ проходилъ Австрійскій генералъ Лентулусъ. Тутъ были Болгаре, Сербы, Герцеговинцы и Албанцы. Но не всѣ они успѣли перебраться за Дунай и Саву и спастись отъ мстительной руки Туровъ: многие, выданные Австрійцами, погибли на висѣлицѣ и на колѣ, а иные поселились на берегахъ Дрины въ мѣстахъ, опустошенныхъ уже давно чумою. Между этими герцеговинскими поселенцами были и Караджичи изъ Дробняка *).

*) Срезневскій: В. С. Караджичъ, Братская помочь, 339.

Въ Сербіи, особенно въ то время, былъ обычай называться по отчеству. Караджичъ разсказываетъ, что онъ первый въ своемъ родѣ принялъ имя Караджича. Когда Јованъ Хаджичъ упрекалъ Вука, будто онъ принялъ фамилію Караджичей, нѣкогда владѣвшихъ Дробнякомъ и Петрицей, въ виду обѣщанія князя Милоша дать ему во владѣніе его родное село Тршичъ, *) и доказывалъ, что настоящее имя его рода *Бандула*, Караджичъ въ своемъ отвѣтѣ замѣчаетъ **), что въ Герцеговинѣ и Черногоріи существуетъ обычай давать прозвища ребенку, часто еще до его крещенія, не имѣющія никакой связи съ крестнымъ именемъ. Прозвища могутъ быть двухъ родовъ: шутливыя и такія, о которыхъ сказано выше. Въ Сербіи, разсказываетъ Караджичъ, послѣднія почти не употребляются, но за то шутливыя въ общемъ употребленіи. „Моему дѣду, Јоксиму, говорить онъ далѣе, было дано прозвище Бандула, а его племяннику Спасою—Чотра. Поэтому иные и моего отца иногда называли Бандуличемъ. Если бы я остался въ Тршичѣ, я бы всегда подписывался Стефановичъ, а сынъ мой Вуковичъ, какъ это въ Сербіи было до недавнихъ временъ въ обычай; но такъ какъ въ этомъ царствѣ (Австріи) не только нѣть обычая, чтобы дѣти писались по отцу, а я слышалъ, что нашимъ людямъ въ Сремѣ это и запрещено, то я (преимущественно ради дѣтей) взялъ свое старинное прозвище. Если бы я не слышалъ въ дѣтствѣ отъ моихъ родныхъ, что моя

*) Сербскій Улакъ № 5, стр. 19.

**) Вуковъ одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку у Бечу.
1844 г. стр. 28—30.

фамилія въ старину была *Караджич*, я бы сталъ подписываться и *Бандула* и *Бандулич*⁴.

Вукъ Караджичъ родился 26 октября 1787 года, въ Дмитріевъ день, особенно почитаемый Сербами. Отецъ его прозывался Стефанъ, а мать Легда Симова Зерничева, родомъ изъ Никшича (въ Герцеговинѣ). У нихъ было до рожденія Вука пятеро дѣтей, но всѣ они умерли. Потому рожденіе Вука было привѣтствуемо, какъ особенная Божія благодать, ибо теперь было кому продолжить празднованіе родовой *славы*. Чтобы уберечь этого сына отъ вѣдьмъ, которыхъ по вѣрованію, распространенному въ Сербіи, съѣдаютъ дѣтей, мать назвала сына Вукомъ, т. е. Волкомъ, потому что вѣдьмы не посмѣютъ напасть на Волка ⁵). Вукъ росъ и развивался дома въ родномъ селѣ.

Еще въ родномъ селѣ Вукъ научился читать и писать и при томъ такъ рано, что не помнилъ себя неграмотнымъ ⁶). Первымъ учителемъ его былъ его родственникъ Јефта Савичъ, по прозванію Чотричъ ⁷). Срезневскій, написавшій біографическій очеркъ Караджича по рассказамъ его самого, передаетъ слѣдующій характерный способъ, которымъ училъся Вукъ грамотѣ: „разведеть бывало Савичъ пороху въ во-дѣ, возьметъ клочекъ патронной бумаги, да и давай писать буквы и заставлять Вука учить ихъ“⁸. Затѣмъ Јефта добылъ какой-то букварь, по которому и училъся Вукъ чтенію. Отецъ Вука хотѣлъ сдѣлать его священникомъ ⁹) и потому старался дать сыну иѣкоторое образованіе.

⁴) Српски Рјечник. sub. v. Вук.

⁵) Срезневскій 340.

⁶) Правительствующій Совѣтъ сербскій. Караджича, 79 стр.

⁷) Лѣтоп. Мат. Срб. 109, стр. 115.

Когда одинъ изъ поселянъ Тршича Гргоревичъ въ 1795 году завелъ небольшое училище въ Лозницѣ, Стефанъ Јоксимовичъ послалъ своего сына въ эту школу. Здѣсь Вукъ повторилъ *Бекавицу* (Азбуку) и принялъся, по тогдашнему обычаю, за *Часловицѣ* (часословъ), но въ это время чума появилась въ городѣ, и ученики должны были разѣхаться по домамъ. Продержавъ сына некоторое время дома, Стефанъ отдалъ его „въ науку“ въ монастырь Троиошскій.

До 1804 г. въ Сербіи въ иныхъ мѣстахъ, на столько не приходилось и по одной школѣ, а желавшіе посвятить себя духовному званію учились или у монаховъ въ монастыряхъ, или у священниковъ въ сelaхъ. „Во всякомъ монастырѣ, разсказываетъ Вукъ ****), было по нѣсколько учениковъ, и меньшіе лѣтомъ сторожили козъ, овецъ, ягнятъ, свиней, сажали и плели лукъ, ходили за плаугомъ и т. д., а старшіе ходили съ монахами „по писанији“, т. е. за милостынею для монастырей, при чемъ имена подавшихъ записывались для поминанія; а зимою, когда всѣ принесутъ дровъ, старшіе напоять монастырскихъ коней, а младшіе почистятъ комнаты, всѣ ученики собираются въ комнату (въ Троношскомъ монастырѣ она называлась цагара) и имъ одинъ изъ монаховъ показывалъ *чатити*, читать, или всякій учился у *своего духовника*. Многіе забывали лѣтомъ, чему выучивались въ теченіе зимы, и такимъ образомъ иные учились по 4 и 5 лѣтъ и не выучивались читать.“

Отецъ Вука, нанимавшій пастуха для своихъ козъ, весьма понятно не могъ равнодушно смотрѣть, что его сынъ, вмѣсто того, чтобы учиться въ монасты-

*) Речникъ sub v. школа, и Даница за 1827 г. стр. 118.

рѣ, принужденъ пасти монастырскихъ козъ, и взялъ его къ себѣ домой. Такою неудачею кончились первыя попытки ученія Вука.

Но Вукъ былъ способное дитя „отворено дете“; онъ, ходя за скотомъ, повторялъ немногое, что узналъ въ школѣ, а отецъ купилъ ему житіе Алексія человѣка Божія, жертву Авраамову, мѣсяце- словъ и требникъ. Въ семнадцать лѣтъ онъ сталъ уже пользоваться большою славою въ родномъ селѣ, какъ грамотный. Народъ, цѣнящій рѣдкое въ то время умѣніе читать и писать, смотрѣлъ на Вука съ большимъ почтеніемъ и обращался къ нему съ просьбами написать или прочесть письмо. Женщины, которые по сербскому обычаю цѣлаютъ лишь старшимъ мужчинамъ руку, подходили къ его рукѣ, а на сельскихъ праздникахъ его сажали на почетное мѣсто. Спахія Бегъ Сулейманъ - Бегъ - Али - Беговичъ, владѣвшій Триличемъ, прїезжая ежегодно для сбора податей съ жителей села, пользовался Вукомъ, какъ писаремъ, и сажалъ его съ собою рядомъ и во время обѣда за софру, т. е. за особаго рода столикъ. Отецъ, видя общее уваженіе къ Вуку, хотѣлъ, чтобы онъ или сдѣлался купцомъ, или принялъ священство. Но купцы жили лишь по городамъ, а въ городахъ господами были Турки, и Сербы поэтому весьма неохотно тамъ поселялись. Вукъ не хотѣлъ поэтому сдѣлаться купцомъ, а съ другой стороны онъ не чувствовалъ склонности и къ священству. Онъ хотѣлъ еще учиться, но въ Сербіи было негдѣ. Вукъ сталъ просить отца отпустить его за Саву и Дунай, гдѣ, какъ онъ слышалъ, имѣются школы, въ которыхъ преподаются разные языки, но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Рассказываютъ, что

въ это время своей жизни въ Тршичѣ, Вукъ отъ нечего дѣлать сталъ записывать пѣсни, и сказки, которых онъ слышалъ и помнилъ *).

Когда въ 1804 г. Черный Георгій поднялъ знамя восстанія, отецъ Вука, Стефанъ, вступилъ въ отрядъ, образовавшійся тогда въ Ядрскомъ округѣ подъ начальствомъ Георгія Чурчія (выдѣлывателя кожъ) противъ дахіевъ. Но въ виду того, что при отрядѣ нуженъ былъ грамотный человѣкъ, Стефана отпустили домой, а вмѣсто него былъ взятъ его сынъ Вукъ въ качествѣ писаря къ предводителю отряда, Георгію Чурчіи, жизнь которого онъ вносила въ описательство **). Когда затѣмъ боснійскій визирь Бекиръ паша перешелъ чрезъ Дрину для усмиренія враждующихъ, Ядрскій округъ былъ опустошенъ Турками, а Чурчія погибъ отъ братской руки знаменитаго въ исторіи сербскаго восстанія Якова Ненадовича. Теперь отецъ Вука изъ зажиточнаго селяка сдѣлался бѣднымъ: домъ его сгорѣлъ, а скотъ былъ угнанъ. Вукъ вновь сталъ просить отца отпустить за Саву — въ Сремъ учиться, грозя иначе сдѣлаться гайдукомъ. „Если такъ, то Богъ съ тобой“, сказали ему родители, и Вукъ отправился въ Карловцы. ***).

Когда Вукъ явился въ Карловцы, ему было уже 17 лѣтъ. Годъ онъ занимался дома, а затѣмъ годъ учился въ основной школѣ, гдѣ занимался латинской, вѣмецкой и славянской грамматиками. На третій годъ онъ хотѣлъ поступить въ гимназію, но его не приняли на томъ основаніи, что ему было 19 лѣтъ,

*) Кнез. Срб. 548 стр.

**) Даница за 1828 г.

***) Срези. 342.

и увѣрили его, что онъ достаточно образованъ, чтобы сдѣлаться попомъ или писаремъ. Въ Карловцахъ онъ жилъ очень бѣдно, зарабатывая себѣ питаніе въ качествѣ слуги въ частныхъ домахъ, но получалъ и помощь отъ „Отца и Покровителя Музъ Сербскихъ“, т. е. митрополита Каравацкаго Степана Стратимировича. *). Въ это время своей жизни въ Карловцахъ, Вукъ въ первый разъ слышалъ о собираниі народныхъ пѣсень. Въ предисловіи къ малой пѣснарицѣ 1814 г. Вукъ такъ говорить объ этомъ: „восемь лѣтъ тому назадъ я слышалъ въ Карловцахъ, что господинъ Лукіянъ Мушицкій, теперешній архимандритъ, предлагалъ намъ (ученикамъ, перешедшимъ изъ Сербіи въ Сремъ) записать простыя сербскія пѣсни, кто какія знаетъ. Я дѣйствительно тогда зналъ наизусть много различнаго рода пѣсень, въ пять разъ больше и въ десять разъ яснѣе, чѣмъ теперь; но я не смѣлъ ни одной записать и дать ему; потому что я былъ убѣжденъ, что онъ лишь смѣется надъ нами—мальчиками, которые выросли въ лѣсу, сторожа свиней, козъ и овецъ“. Тутъ, въ Карловцахъ, онъ узналъ, по его собственному выраженію, „къ своему большому горю, что на свѣтѣ есть больше наукъ, кроме псалтири и ча-сослова“ **). Изъ Карловцевъ Вукъ Караджичъ отправился въ Петриню, гдѣ думалъ учиться по нѣмецки, но по его словамъ, записаннымъ Срезневскимъ, тутъ „не столько учился, сколько гулялъ“ ***). Весною 1807 года Караджичъ вернулся въ Сер-

*) Мала простовародна Славено-Сербска Песнарица, издана Вукомъ Стефановичемъ. У Віени. 1814. Предисловіе, стр. 11

**) Ibidem, стр. 11.

***) Братск. помощь, 342.

бю и становится писаремъ у Якова Ненадовича, одного изъ влиятельнѣйшихъ воеводъ времени возстанія Кара-Георгія. Живя въ Лозницѣ, гдѣ пребывалъ Яковъ Ненадовичъ; Вуку Караджичу, который еще дома слышалъ много пѣсенъ отъ дѣда и дяди, приходившихъ зимою къ его отцу и любившихъ пѣсть пѣсни, пришлось также часто слушать пѣніе различныхъ пѣвцовъ. Яковъ Ненадовичъ былъ большой любитель народныхъ пѣсенъ и почти никогда не обѣдалъ и не ужиналъ безъ того, чтобы пѣвецъ не пѣлъ за столомъ юнацкія пѣсни. „А въ Кладовѣ и Брзой паланкѣ, разсказываетъ Караджичъ, я имѣлъ гусли дома“; сверхъ того, онъ всегда призывалъ къ себѣ пѣвцовъ. „Цѣлыхъ двѣ такихъ книги вышло бы, если бы собралъ я всѣ пѣсни, слышанныя мною, но теперь я не могу найти пѣвца, который бы мнѣ ихъ прекрасно рассказалъ“ говоритъ Вукъ. *). Такъ постепенно судьба подготовила въ лицѣ Вука Караджича издателя народнаго богатства одного изъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ завѣтныя преданія своей старины въ звукахъ своихъ гуселей. Когда въ концѣ 1806 года Кара-Георгій разбилъ турокъ и занялъ Бѣлградъ, Вукъ Караджичъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ и первымъ учителемъ Іефтою Савичемъ, который былъ избранъ въ члены „правительствующаго совѣта“ отъ нахіи Зворника, перѣѣхалъ въ Бѣлградъ, куда былъ перенесенъ совѣтъ изъ Смедерева. Въ Бѣлградѣ Вукъ вскорѣ становится писаремъ въ правительствуемъ совѣтѣ.

Тутъ онъ сошелся съ Іованомъ Савичемъ, по

*.) Предисл. къ IV т. Пѣсенъ (1833), стр. XLI.

прозванію Иваномъ Юговичемъ. Юговичъ былъ родомъ изъ Бачки, изъ Сомбора. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ Пештѣ, онъ сначала былъ учителемъ въ „латинской“ школѣ въ Карловцахъ, но вскорѣ, по свидѣтельству Караджича, долженъ былъ бѣжать оттуда, такъ какъ его возненавидѣлъ митрополитъ Стефанъ Стратимировичъ за то, что онъ былъ очень красивый человѣкъ и его любили женщины. Побывавъ секретаремъ у епископа Вршацкаго Шакабенты, Юговичъ вскорѣ лишенъ былъ и этого мѣста, по требованію митрополита, и перешель въ Сербію. Здѣсь онъ сначала былъ писаремъ въ совѣтѣ, пребывавшемъ въ Смедеревѣ,—и въ 1807 году сдѣланъ былъ первымъ секретаремъ совѣта. Но жалованіе секретарей совѣта было слишкомъ ничтожно и потому члены правительствующаго совѣта принимали секретарей къ себѣ въ домъ, давая имъ полное содержаніе. Вукъ Караджичъ, который слышалъ еще въ Карловцахъ обѣ учености Юговича, упросилъ своего родственника Савича, члена совѣта, взять къ себѣ въ домъ этого ученаго человѣка, въ надеждѣ, что онъ его чему нибудь научить. „Однажды, разсказываетъ Вукъ, Іефта Савичъ вмѣстѣ съ однимъ совѣтникомъ уѣхалъ по дѣламъ въ Смедерево, а дома остался я, Юговичъ и нѣсколько слугъ. Покупать и доставлять все, что нужно для дома, была моя обязанность. Пришедши въ одну лавку, съ намѣреніемъ купить что-то, я нашелъ на прилавкѣ большую груду старыхъ книгъ и сталъ ихъ пересматривать,—но тутъ не было ни одной сербской книги, все были нѣмецкія и латинскія. По моей просьбѣ лавочникъ позволилъ отнести ихъ на домъ, чтобы тамъ просмотрѣть. Когда

Юговичъ ихъ пересмотрѣлъ, онъ сказалъ, указывая одну изъ нихъ мнѣ: „этую я возьму для себя“, и, подавая мнѣ другую, прибавилъ: „а эту ты возьми для себя,—будешь ее при мнѣ читать и учиться по нѣмецки“. Эта моя книга называлась: „Eduard Rosenthal, eine abentheuerliche Geschichte“ *). По этой-то книгѣ учился Вукъ нѣмецкому языку. Весьма характерно описание самой обстановки этого ученика Юговичемъ), говорить Вукъ, по одной бутылочкѣ розалии (родъ ликера) или ядранской сливовицы, которую онъ и попивалъ, переводя со мною книгу, пока до полудня всю не осушитъ. Что онъ было переведеть до полудня, обѣ этомъ послѣ полудня спрашивалъ меня, особенно же по вечерамъ, понимаю ли я,—и если я чего не понималъ, то онъ и объяснялъ“ **). Въ этой книгѣ были приведены образцы поэзіи и прозы, которыхъ Юговичъ переводилъ для своего ученика и стихами, примѣнія ихъ къ современному положенію Сербіи ***). Съ открытиемъ великой школы, основанной тѣмъ же Юговичемъ въ 1808 г., Вукъ Караджичъ вступилъ въ нее въ качествѣ ученика и провелъ годъ на учительской скамьѣ. Но тутъ Вукъ убѣдился, что время школьнаго обучения для него прошло, и что онъ долженъ теперь заботиться о расширеніи своего образования при помощи чтенія книгъ.

*) Правит. совѣтъ сербскій, стр. 79.

**) ibidem, стр. 80.

***) Этотъ Юговичъ былъ отпущенъ изъ службы Карагеоргіемъ въ день Рождества Христова 1807 г., какъ австрійскій 'сербъ, и въ слѣдующемъ году основалъ великую школу въ Бѣлградѣ, въ которой принималъ участіе и Досиѣй Обрадовичъ.

Прав. сов., стр. 78, 81.

Въ то время Вукъ Караджичъ сильно заболѣлъ и для поправленія здоровья рѣшился оставить Бѣлградъ, въ которомъ онъ служилъ писаремъ правительствующаго совѣта, и уѣхалъ на родину въ Тршичъ. У него болѣли руки и ноги, но послѣ болѣзни локализовалась въ колѣнѣ лѣвой ноги, владѣть которою онъ потерялъ возможность. Надѣясь на помощь минеральныхъ водъ, Вукъ Караджичъ отправился въ Мехадію въ 1809 году, а затѣмъ въ Новый Садъ, гдѣ слегъ въ общественную больницу, въ которой и пролежалъ зиму 1810 года. Находясь въ такомъ печальному положеніи, Вукъ ни откуда не могъ ждать помощи: ко многимъ онъ обращался съ просьбами дать ему средства для лѣченія въ минеральныхъ водахъ, но лишь Марія Станисавлевичъ, состоятельная сербка въ Австріи, прислала Вуку 150 флориновъ для лѣченія *), за что онъ спустя 4 года посвятилъ ей первый выпускъ своей малой пѣснарицы. Съ этими средствами Вукъ отправился въ Будимъ, но и тамъ не могъ получить помощи. Пришлось ему взять костыль для лѣвой ноги, при помощи котораго съ тѣхъ поръ онъ только и могъ ходить. Срезневскій разсказываетъ, что Вукъ ему говорилъ: „со штулоj (костылемъ) я уже не могъ думать ни о конѣ, ни о войнѣ, и волей-неволей долженъ былъ привыкать, сколько могъ, къ жизни домосѣдлой. Не будь со мною штулы, я бы, можетъ быть, давно былъ убитъ турками, какъ множество другихъ моихъ сверстниковъ; а штула моя заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покой-

*) Мала простонароднѧ пѣснарица. 1814 г. Посвященіе Марії Станисавлевичъ.

наго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза“ *). Такимъ образомъ эта болѣзнь Вука оказаласи сильное вліяніе и на направление всей его дѣятельности и жизни.

Въ концѣ 1810 Вукъ Караджичъ возвратился въ Бѣлградъ, прекративъ лѣченіе, которое оказалось для его ноги бесполезнымъ. Теперь онъ становится учителемъ въ бѣлградской школѣ. Въ то время Вукъ Караджичъ, или какъ онъ самъ еще себя называлъ,— Стефановичъ—уже былъ извѣстенъ своимъ знаніемъ языка и заботился о томъ, чтобы познакомиться со всѣми говорами сербскаго нарѣчія. Самъ вышедши изъ села, изъ среды народа, не выдѣляясь изъ него особыеннымъ грамматическимъ образованіемъ, Вукъ Караджичъ умѣлъ особенно тонко отличать всѣ особенности, трудныя для уха, всѣхъ важнѣйшихъ говоровъ сербскаго языка.

Въ 1811 году, Вукъ Караджичъ становится секретаремъ у откупщика перевозовъ и таможень въ Кладовѣ, расположенному противъ румынского берега Дуная. Въ слѣдующемъ году онъ, въ качествѣ комиссара отъ совѣта, былъ посланъ въ Неготинъ къ знаменитому въ новой исторіи Сербіи гайдуку Вельку. Изъ Неготина не разъ приходилось Вуку, по приказанію Кара-Георгія,ѣздить въ Виддинъ къ Мулла-пашѣ Видинскому. Затѣмъ въ 1813 году онъ былъ назначенъ правителемъ уѣзда Брзо-Паланки, на обязанности котораго лежали и судебныя дѣла. Вукъ самъ придавалъ особенное значеніе этому времени, которое онъ провелъ въ званіи судьи въ Брзой-Паланкѣ. Ему часто приходилось тутъ вы-

*) Братск. помочь, стр. 343.

слушивать судящихся крестьянъ, и онъ, слыша какое нибудь новое, незнакомое ему слово, записывалъ его для памяти, не имѣя еще въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, просто изъ любознательности *). Когда вновь началась война сербовъ съ турками, Вукъ Караджичъ перешелъ на службу въ Бѣлградъ, но нѣсколько разъ выѣзжалъ изъ него по разнымъ дѣламъ. Возвращаясь съ одной изъ такихъ дѣловыхъ поездокъ, онъ узналъ, что турки дошли до Дуная и поспѣшилъ переѣхать въ Панчево, не заѣзжая въ Бѣлградъ.

Съ переходомъ въ 1813 г. Кара-Георгія за Дунай изъ предѣловъ нынѣшняго княжества, для сербовъ настутило тѣжелое время. Турки начали мстить рапѣ за ея смѣлую попытку отвоевать себѣ самостоятельность и свободу. Въ это время много сербовъ перебѣжало въ Австрію, и между ними былъ и отецъ Вука Стефанъ, который получалъ нѣкоторое время въ Карловцахъ помощь отъ сербскаго патріота и стихотворца Лукіана Мушицкаго **). Вукъ отправился въ Вѣну, „самъ не зная и не думая, что изъ меня будетъ“, какъ онъ говорилъ Срезневскому. Здѣсь Вукъ познакомился съ Копитаромъ, и это знакомство имѣло рѣшительное вліяніе на всю дѣятельность и жизнь Вука. Копитаръ въ это время былъ цензоромъ всѣхъ книгъ, выходящихъ на сербскомъ языкѣ, также и Сербскихъ Новинъ, которыя тогда начали издаваться Давидовичъ и Фрушичъ въ Вѣнѣ. ***).

Съ этими издателями познакомился Вукъ Караджичъ

*) Срезнев., стр. 345.

**) Лѣт. Мат. 120, стр. 115.

***) Новине сербске пѣтъ царствующега града Виенне — начали выходить съ августа 1813 года.

вскорѣ послѣ своего прїѣзда въ Вѣну и для Сербскихъ Новинъ написалъ небольшую статью, въ которой описывалъ паденіе Сербіи. Статья была написана въ формѣ письма къ Кара-Георгію на томъ простомъ языкѣ, какимъ говорилъ самъ ея авторъ. Необычная простота языка этого письма привлекла къ себѣ вниманіе Копитара, который пожелалъ познакомиться съ ея авторомъ. Такимъ образомъ началось въ высшей степени плодотворное для сербской письменности знакомство между Копитаромъ и Вукомъ Караджичемъ.

Копитаръ еще до знакомства съ Вукомъ убѣждалъ Давидовича и Фрушича издавать газету на чисто сербскомъ языке и совѣтовалъ имъ заняться составленіемъ сербской грамматики. Но ни Давидовичъ, ни Фрушичъ не знали этого языка, языкъ простаго народа называли „говедарскимъ и свинярскимъ“ и издавали свои Сербскія Новины на языке славено-сербскомъ, бывшемъ тогда литературнымъ сербскимъ языкомъ. *).

Такимъ образомъ завязалось знакомство между основательнымъ ученымъ Копитаромъ и даровитымъ молодымъ Вукомъ, воспитавшимся среди сельской природы и простаго народа, который лишь тогда выступалъ на поприще политической жизни. Копитаръ имѣлъ сильное вліяніе на всю позднѣйшую дѣятельность Вука Караджича, помогалъ ему во всѣхъ его предпріятіяхъ и сильнейшимъ образомъ содѣйствовалъ къ обособленію сербскаго ли-

*) Копитаръ въ письмѣ къ Добровскому 12 октября 1813 года такъ выражается о Давидовичѣ и Фрушичѣ: *Sunt juvenes, sed linguaе знае nimis rudes!* (Сборникъ писемъ Копитара къ Добровскому, въ Чешск. музѣвѣ, № 63).

тературнаго языка и его отдаленію отъ связи съ русскимъ.

Значеніе Ернея (Варѳоломея) Копитара (1780—1844), родомъ Словенца, библіотекаря придворной библіотеки въ Вѣнѣ, замѣчательнаго ученаго, далеко еще не оцѣнено по достоинству. Еще и теперь можно слышать въ иныхъ мѣстахъ отъ сербовъ, что Копитаръ, побуждая Караджича ввести въ сербскую азбуку нѣсколько новыхъ знаковъ и исключить нѣсколько старыхъ, преслѣдовалъ лишь тайныя политическія цѣли, служа орудіемъ австрійской интриги. Митрополитъ Карловацкій Стефанъ Стратимировичъ, которому Шлецеръ посвятилъ второй томъ своего Нестора, послѣ выхода Пѣснарицъ и Письменицы Вука Караджича, въ 1815 г. запретилъ Лукіану Мушицкому вести переписку съ Копитаромъ *), кото-
рого онъ заподозрилъ, что онъ при помощи Вука хочетъ пропагандировать католичество среди сербовъ. Въ борьбѣ съ нововведеніями въ сербской ореографіи Вука Караджича, писатели славено-сербской школы часто прибѣгали къ обвиненію Караджича въ католической ереси—аргументъ, который по отношению къ Караджичу не можетъ имѣть, впрочемъ, никакого значенія.

Это мнѣніе многихъ сербскихъ писателей и патріотовъ отразилось и въ извѣстномъ обвиненіи Караджича и Копитара, произнесенномъ надъ ними Гильфердингомъ **), въ томъ, что Копитаръ побуждалъ Караджича приблизить сербскую азбуку къ латинской съ цѣлями политическими и католиче-

*) Видно изъ писемъ Копитара къ Мушицкому. Лѣт. мат. серб., № 120, стр. 133.

**) Собрание соч., II т., стр. 79—80.

скими. Судъ Гильфердинга находилъ свое основаніе и въ извѣстномъ мнѣніи Копитара о старшинствѣ глаголической азбуки и принадлежности иллирійскимъ словенцамъ языка, на который переведены были священные книги св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Копитаръ былъ дѣйствительно ревностный католикъ и ревностный австріецъ. Въ то время, когда онъ такъ содѣствовалъ Караджичу въ его преобразованіяхъ сербской азбуки, онъ отнесся съ величайшимъ неодобреніемъ и даже враждебно, именно какъ католикъ и какъ австріецъ, къ иллиризму Гая, къ принятію имъ языка сербско-хорватскаго литературнымъ и преобразованію хорватской азбуки по системѣ чеховъ. Копитару сложенія знаковъ для выраженія одного звука въ хорватской азбукѣ представлялись болѣе удобными, чѣмъ выраженія ихъ при помощи одной буквы со значкомъ (напр. sz, вмѣсто новаго š), между тѣмъ, какъ онъ совѣтовалъ Вуку Караджичу сдѣлать именно противоположное для сербской азбуки, придумать простые знаки для звуковъ, дотолѣ выражавшихся сложеніемъ буквъ. Онъ называетъ надстрочные знаки надь буквами Fliegen-dreck и Fliegenkoth *) и прямо обвиняетъ Гая въ томъ, что онъ находится подъ вліяніемъ „лютеранской ереси“. Въ самой перемѣнѣ Гаемъ имени Людовика на славянское Людевитъ онъ видѣть вѣчто подозрительное **). Надь Шафарикомъ онъ зло смеется, замѣчая, что онъ мѣнялъ свою подпись, подписываясь въ Іенѣ Sàfàry, послѣ Schaffarik, за-

*) См. Arkiv Kukuljevića. т. XII. Письма Копитара къ Кристіановичу, стр. 101, 107.

**) Hesychii glossographi discipulus, стр. 59—62.

тѣмъ то Szafarzyk, то Ssafarzjk. Въ сношеніяхъ Гая съ Шафарикомъ, Колларомъ, съ чехами вообще онъ видитъ опасность для католицизма, а въ поѣздкѣ Гая въ Россію онъ прямо подозрѣваетъ даже измѣну. Говоря о слухѣ, что Гай поѣхалъ въ Россію и Петербургъ, Копитаръ въ письмѣ къ Игнатію Кристіановичу восклицаетъ: *quid sibi vult stultus aut proditor?**).

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу Копитаръ ставить вопросъ: „ob hinter den illyrischen Karren nicht lutherische stecken? Sie wissen wer Gay's Meister waren und sind.“ **). Исходя изъ того положенія, что всѣ славянскія племена должны культивировать литературу на своихъ нарѣчіяхъ и языкахъ, Копитаръ съ особеннымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на единство языка сербо-хорватской литературы, проповѣдуемое Гаемъ. Онъ и самъ ополчался противъ Людевита Гая и хорватскаго иллиризма и вооружалъ другихъ, призывая ихъ писать на словенскомъ нарѣчии ***). Копитаръ полагалъ, что это движение иллиризма, не имѣя основы въ исторіи и жизни, само по себѣ прекратится. Онъ видѣлъ въ иллиризмѣ стремленіе подчинить словенцевъ сер-

*) Arkiv Kukuljevića, XII т., стр. 107.

Игнатій Кристіановичъ, канонікъ загребскій, былъ извѣстенъ своими сочиненіями по преимуществу духовнаго содержанія, и какъ издатель Даницы Загребской 1834 до 1850 г. Онъ писалъ на кайкавскомъ нарѣчи.

**) Arkiv Kukuljevića, XII т., стр. 108. Затѣмъ онъ продолжаетъ: *Selbst die Magyarismus ist lutherisch, und die katholische Bischöfe, die ihn aus Schwäche auch potegiren, nesciunt, quid faciunt.* Сравни ibidem, стр. 105.

***) Въ этомъ отношеніи весьма интересны письма Копитара къ Игнатію Кристіановичу и другимъ. Arkiv Kukuljevicā, XII т., стр. 60—110.

бамъ и, какъ словенецъ, не могъ отнестись спокойно къ такому, подозрѣваемому имъ, факту. Поэтому даже Шафарика, относившагося сочувственно къ Гаю и его дѣятельности, называетъ онъ не стѣсняясь „плохимъ, презрѣннымъ, заинтересованнымъ интриганомъ“ *).

Если сопоставить отношенія Копитара къ Вуку Караджичу, явившемуся новаторомъ въ сербской ореографіи и литературѣ, и къ Людевиту Гаю, который стремился къ объединенію юго-славянства въ имени Иллирии и литературномъ *иллирийскомъ* языке и явился новаторомъ въ хорватской ореографіи, то приходится признаться, что Копитаръ нападалъ самъ съ тѣмъ же оружіемъ въ рукахъ на несочувственное ему направление иллиризма, съ которымъ нападали на него приверженцы словено-сербовъ. Копитаръ, какъ ревностный австріецъ, боялся объединенія въ имени иллировъ всѣхъ разновидностей юго-славянскихъ племенъ и, какъ словенецъ-кайкавецъ, стоялъ за кайкавскій языкъ въ создававшейся тогда хорватской литературѣ. Онъ не признавалъ за хорватами Загреба права на языкъ Дубровника и Далмациі.

Касаясь этого вопроса, мы не имѣли въ виду разрѣшить вопросъ, насколько во вліяніи Копитара на Вука Караджича дѣйствовали политическія или ультрамонтанскія побужденія ученаго библіотекаря придворной библіотеки Апостолическаго Императора. Мы хотимъ лишь показать, что обвиненіе, произнесенное Гильфердингомъ надъ Копитаромъ имѣло свое основаніе и въ самомъ отношеніи Копитара къ

*) *Ibidem*, стр. 104.

литературнымъ явленіямъ вообще. Но во всякомъ случаѣ вліяніе Копитара на Караджича было благотворное. Еще въ 1811 г., следовательно до знакомства съ Вукомъ Караджичемъ, Копитаръ въ письмѣ къ Добровскому говоритъ, что онъ просилъ одного изъ своихъ сербскихъ друзей собирать народные пѣсни особенно о Маркѣ Кралевичѣ. *). Понятно, какъ онъ настойчиво побуждалъ къ этому Караджича, когда съ нимъ познакомился. Самъ Вукъ Караджичъ впослѣдствіи въ Пештско - Будимскомъ Скоротечѣ утверждалъ, что Копитару въ этомъ отношеніи принадлежитъ вся заслуга **) и отрицалъ при этомъ вліяніе Лукіана Мушицкаго. Копитаръ постоянно помогалъ Вуку Караджичу въ его трудахъ, какъ видно изъ разсказовъ самого Вука.

Познакомившись съ Вукомъ Караджичемъ Копитаръ сталъ его спрашивать, знаетъ ли онъ народные пѣсни, — и стала убѣждать его записать и издать тѣ, которые онъ знаетъ. Вуку это предложеніе понравилось, и онъ сталъ записывать пѣсни, которыхъ онъ помнилъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда сомнѣвался, прибегалъ къ помощи своей родственницы жены Стефана Живковича, вмѣстѣ съ которымъ онъ прѣѣхалъ въ Вѣну въ 1813 г. ***). Но значеніе народныхъ пѣсень для Вука было уже понятно еще раньше. Первою книгою, изданною Вукомъ Караджичемъ, была „Мала простонароднѧ Славено-сербска песнарица“ (въ Вѣнѣ 1814 г.). Въ предисловіи къ ней Караджичъ упоминаетъ о томъ, какъ Лукіанъ Му-

*.) Сборникъ писемъ Копитара къ Добровскому въ чешск. музѣѣ.

**) Пештско-Будимскій Скоротечѣ за 1842 г. №№ 20 и 21.

***) Стефанъ Живковичъ былъ секретаремъ совѣта во время возстанія Сербовъ противъ дахіевъ подъ Кара-Георгіемъ.

шицкій еще въ 1807 году говорилъ своимъ ученикамъ въ Карловцахъ, чтобы они записали для него пѣсни, которыхъ они знаютъ. Тогда еще ему казалось насыщкой ученаго архимандрита надъ простыми, взятыми „отъ козь и овецъ“, учениками это предложеніе Мушицкаго. Но перешедши вновь въ Сербію, Вукъ случайно нашелъ собраніе пѣсень Качича „Razgovor ugodni naroda Slovinskoga“, напечатанное латиницей. Эта книга навела на Вука сомнѣніе въ томъ, будто лишь насыщкою было со стороны Лукіана Мушицкаго предложеніе записать пѣсни. Теперь Вукъ сталъ интересоваться пѣснями и добылъ для себя большой русскій пѣсенникъ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ: „Теперь, вслѣдствіе нашего несчастія, перейдя изъ Сербіи прибылъ сюда, (хотя бы за все мученія я научился по нѣмецки!) я привезъ съ собою одинъ большой русскій пѣсенникъ; читая изъ него различные пѣсни, я захотѣлъ узнать: одни лишь Русскіе имѣютъ такую и при томъ столь большую книгу пѣсень? Или и другие народы также имѣютъ, и лишь мы Сербы не имѣемъ? А когда я нашелъ нѣмецкіе пѣсенники, тогда я убѣдился, что и другие народы имѣютъ пѣсни. Тогда я началъ объ этомъ разсуждать далѣе: развѣ никогда нашъ народъ не имѣлъ своихъ народныхъ пѣсень? Или имѣлъ и теперь имѣеть? Но никакого не было, кто бы позаботился ихъ собрать и напечатать, и онъ забылся, какъ и многое другое. Но я не могъ вѣрить, чтобы мы не имѣли пѣсень, потому что различные признаки мнѣ показывали, что есть у нашего народа пѣсни и теперь: но причина (почему онъ неизвѣстны) — другая“,—т. е. никто не нашелся, кто бы ихъ собралъ и напечаталъ.

Далѣе Вукъ останавливается на одномъ мѣстѣ изъ оды Мушицкаго, который упрекаетъ Сербовъ, что многіе изъ нихъ измѣнили своей народности, „прѣлились во чалмоносце, волке ваше“. Защищая Сербовъ задунайскихъ отъ упрека, сдѣланнаго имъ Мушицкимъ, онъ замѣчаетъ, что напротивъ Сербы, живущіе въ Австріи, имѣющіе свои школы и свои церкви, больше измѣнили своей народности и народнымъ традиціямъ, нежели Сербы, живущіе подъ Турецкимъ игомъ. Тутъ Караджичъ задается мыслью указать, гдѣ зерно Сербскаго „рода“—и находить его между рѣками Дриною и Моравою. Эти размышленія о сохраненіи Сербскаго „рода“ побудили Караджича напечатать „песнарицу“. „Тутъ нѣтъ ни одной пѣсни, которую бы духъ воображенія, обогащенный чтеніемъ книгъ, измышилялъ по правиламъ пѣснотворчества, но всѣ онъ такія, которыхъ сердце въ простотѣ и въ невинности пѣло, не заботясь о художествѣ, сообразуясь съ природою. Хотя я и не пѣвецъ, но эти пѣсни я помнилъ, когда еще 12 лѣтъ тому, живя въ самомъ счастливомъ положеніи смертныхъ, стерегъ овецъ и козъ“. Далѣе Вукъ Караджичъ выражаетъ надежду, что „если бы кто потрудился, то составилъ бы такую же большую книгу, какъ Россійскій пѣсенникъ. Я издаю эти, другой можетъ быть постарается и собереть подобныя этимъ въ Сремѣ, третій въ Бачкѣ, четвертый въ Банатѣ, пятый по Славоніи, шестой по Хорватіи, седьмой по Далмациі, а если судьба позволитъ, кто нибудь по Сербіи, по Босніи, по Герцеговинѣ и по Черногорії“.

Но Вукъ Караджичъ думалъ въ эту пору, что народныя пѣсни должны и могутъ быть поправляемы

издателемъ. Онъ говоритъ: „что касается пѣсенъ, въ этомъ можетъ меня критиковать какая нибудь Сербка простая или Сараевна; но надѣюсь, что и онъ меня простятъ, если что по ихъ мнѣнію найдутъ измѣненнымъ или выпущеннымъ; ибо я, какъ выше сказаль, не пѣвецъ, а затѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ пѣсни, прошло такъ много времени, что я бы могъ забыть и свое имя“ *). Но въ другомъ мѣстѣ этого же предисловія Вукъ замѣчаетъ еще яснѣ о необходимости переработки народныхъ пѣсенъ: „и (когда будутъ изданы отдельныя собранія народныхъ пѣсень) найдется кто нибудь, кого Богъ одарилъ даромъ пѣснотворчества и кому Богъ далъ возможность на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ понимать правила этого, тотъ соберетъ всѣ эти сборники и пересмотритъ, а искоторые пѣсни и самъ по вкусу и сообразно съ характеромъ своего народа составитъ, и такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ малыхъ сборниковъ составится одинъ большой“ **). Такимъ образомъ Вукъ Караджичъ въ этой первой своей книгѣ впервые выступаетъ, какъ издаатель сербскихъ народныхъ произведеній.

Издавая первый томъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ въ Лейпцигѣ въ 1824, Караджичъ прямо признается, что въ первой части своей Пѣснарицы онъ поправлялъ языкъ, и что онъ издавалъ пѣсни по памяти. Что касается второй части пѣснарицы, изданной имъ въ 1815 году, то тутъ онъ поправилъ лишь

*.) Ibid. Предговор. стр. 20.

**.) Копитарь писалъ Добровскому 18 мая 1815 г. Scribam (Вуку) die 22 Carlovicium, ut colligat alias pjesnas, video plerasque ipsum fecisse, modis quidem serbiciis, sed tamen a se factas. (Сборникъ писемъ въ Чешскомъ музѣѣ, № 74).

одно слово: онъ замѣнилъ слово *пенцеръ*, какъ турецкое, сербскимъ *прозоръ**).

Говоря объ языке и правописаніи въ первой части своей пѣснарицы, Вукъ Караджичъ замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи для критики большой просторъ,—„ибо у насть не только что двое не пишуть одинаково, но никто и не пишеть постоянно одинаково: сегодня такъ, завтра иначе“. Но практическій ясный умъ Караджича не даетъ ему успокоиться на признаніи этого печального явленія въ сербской письменности, и будущій реформаторъ и сербской орографіи, и языка сербской книги намѣчаетъ, что нужно сдѣлать, чтобы прекратилось это неопределѣленное положеніе сербскаго книжнаго языка. Онъ говоритъ: „И такъ будетъ непрестанно, пока наши ученые (а особенно тѣ, на обязанности которыхъ это лежить) не согласятся между собою и въ договорѣ не составятъ грамматики и словаря. А тогда „при му образ“ (да будетъ стыдно тому), кто не съумѣетъ или не захочетъ подчиняться этимъ предписаніямъ“. Такимъ образомъ въ этихъ краткихъ словахъ Караджичъ самъ себѣ намѣтилъ путь, по которому пойдетъ его дѣятельность.

Въ первую „Песнарицу“ Вука Караджича вошли лишь тѣ пѣсни, которыя онъ зналъ и помнилъ, кроме одной: Жалостна песна племените Асанагинице, которая заимствована Вукомъ изъ описанія путешествія по Далмациі аббата Фортиса **). Вукъ тутъ

*) Народне јериске пјесме издао Вук. Стѣ. Караджић. у Липници кн. првा. 1824. Предговор, стр. XVII.

**) Она переведена Фортисомъ на Итальянскій языкъ, а Гете на немецкий съ итальянскаго.

Viaggio in Dalmazia ab. Alberto Fortis. In Venezia 1724 г.

издалъ 100 женскихъ и 6 мужскихъ или юнацкихъ пѣсенъ, между которыми указывалъ разницу въ томъ, что женскія не поются при гусляхъ, а мужскія именно только и поются при аккомпаниментѣ гуслей.

Затѣмъ въ 1814 году Вукъ Караджичъ издалъ другую книгу, не менѣе важную, чѣмъ „Песнарица“ для характеристики всего литературнаго направленія Вука. Копитаръ, какъ сказано выше, убѣжалъ Фрушича и Давидовича написать сербскую грамматику и печатать газету на простомъ сербскомъ языке. Но они не знали этого языка. Тогда Копитаръ сталъ говорить Вуку о необходимости грамматики Сербскаго живаго нарѣчія. Вукъ сначала, естественно не разсчитывая на свои силы, сталъ предлагать Давидовичу и Фрушичу совмѣстно составить сербскую грамматику, но не нашелъ у нихъ сочувствія къ этому предпріятію. Тогда Вукъ рѣшился самъ испробовать свои силы и, взявши за образецъ славянскую грамматику Мразовича, которая замѣнила въ сербскихъ школахъ грамматику Мелетія Смотритскаго, перевель склоненія и спряженія на сербской языке. Такимъ образомъ составилась книжка изданная въ Вѣнѣ въ 1814 г. подъ слѣдующимъ заглавиемъ: Писменица Сербскога Језика по говору простога народа написана Вукомъ Стефановићемъ Сербианцемъ. Этотъ свой трудъ посвятилъ Караджичъ Мелентію Никшичу, архимандриту монастыря Фенека, который далъ Вуку средства для изданія его „Писменицы“. Вукъ въ своемъ предисловіи къ ней говоритъ, что онъ чувствовалъ себя неприготовленнымъ къ подобному труду, но его патріотическая скорбь, что нѣтъ ни одной грамматики сербской, побудила его при-

няться за составление этой книги: „истинная любовь къ народу моему ободрила и принудила меня зажмурить глаза и пробраться чрезъ это терпье, хотя бы пришлось выйти на ту сторону совершенно оборваннымъ и окровавленнымъ“. Цѣль своего труда Вукъ видѣлъ въ томъ, чтобы побудить болѣе знающихъ и ученыхъ, чѣмъ онъ, составить грамматику сербскаго языка *). Тутъ Вукъ впервые касается вопроса о сербскомъ правописаніи и выставляетъ свое правило: пиши, какъ говоришь, и читай, какъ написано.. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что не можетъ одинъ человѣкъ опредѣлить сербскимъ писателямъ правила правописанія, но что слѣдовало бы, чтобы составилось собраніе ученыхъ Сербовъ, которые бы могли договориться о томъ, какъ слѣдуетъ писать, и установили правила правописанія.

Свою „Писменицу“ Вукъ раздѣлилъ на двѣ части; въ первой (стр. 1—14) онъ говорить о письменахъ и гласоудареніи, во второй (15—104) изложена сербская этимологія. Между замѣчаніями о письменахъ слѣдуетъ остановить вниманіе на томъ, что здѣсь Караджичъ, держась мнѣнія Саввы Меркайля объ излишности для сербскаго письма—знака ѳ, замѣчаетъ, что слѣдуетъ ввести въ сербскую азбуку три новыхъ знака: љ, ъ и ђ—вместо лъ, нъ, дъ. Но онъ самъ не рѣшился употребить эти знаки въ „Писменицѣ“, Тутъ Вукъ впервые останавливается надъ вопросомъ о введеніи ѡ въ сербскую азбуку. Въ то время, когда мягкое е и љ въ „Песнарицѣ“, Вукъ выражалъ еще знакомъ є, употребляя ѹ и ю, въ Писменицѣ

*) Писменица. 1814 г., X стр.

онъ уже пишеть: ѹе, ѹа, ѹу, давая знаку ѹ—значение ј. Въ концѣ книги Вукъ посвящаетъ двѣ страницы опредѣленію разницы нарѣчій Сербскаго языка. Онъ различалъ тогда три нарѣчія: 1) *Герцеговинское*, которымъ говорять всѣ Сербы, которые живутъ въ Герцеговинѣ, Босніи, Черногоріи, Далмациї, Хорватіи, и въ Сербіи до Мачвы, Вальева и Караповца, 2) *Сремское*, которымъ говорятъ жители Срема, Бачки, Баната, и Задунайскіе Сербы, живущіе около Савы и Дуная, какъ напр. въ округѣ Шабацкомъ, Бѣлградскомъ и т. д.; 3) *Славонское*, которое употребляютъ Сербы римско-католическаго исповѣданія, живущіе въ Славоніи, Хорватіи и Далмациї. Разницу между ними Вукъ Караджичъ опредѣляетъ различнымъ произношеніемъ *и*: Герцеговинцы выговариваютъ *и*, какъ *и—е*, Сремцы, какъ *е*, а Славонцы, какъ *и*.

Такимъ образомъ въ самыхъ первыхъ своихъ произведеніяхъ Вукъ Караджичъ уже намѣтилъ всѣ основанія для дальнѣйшихъ своихъ реформъ въ Сербской орѳографіи и для направленія своей литературной дѣятельности.

Копитаръ написалъ основательную критическую статью обѣ этой *писменицѣ* Вука, въ *Wiener allgemeine Literaturzeitung* *), въ которой онъ, онъ осыпая похвалами Вука за это предпріятіе и за вѣрность народному языку, дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о недостаткахъ его грамматики. Между прочимъ Копитаръ заявляетъ о необходимости ввести въ Сербскую азбуку знакъ ѡ замѣчая, что этотъ же знакъ крайне необходимъ и для русской азбуки. Копитаръ ра-

*) *Kopitar's kleinere Schriften* стр. 310—320

довался появленію писменицы, разсчитывая, что Вукъ, передѣлавъ этотъ свой трудъ, позаботится вновь его издать. Теперь Копитаръ совѣтовалъ Вуку отпра- виться въ Сремъ и Карловцы и тамъ собирать на- родныя пѣсни *). Въ то же время Копитаръ далъ Вуку мысль новаго труда: составить сербскій сло- варь. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Срезнев- скій со словъ Вука: **), „Однажды, наконецъ, пришелъ онъ (Копитаръ) ко мнѣ (Вуку), принеся съ собою цѣ- лую стопу бумаги, разрѣзанную на лоскутки. При- поминайте-ка себѣ слова, какія знаете, что упо- требляются народомъ, и записывайте на этихъ лос- куткахъ, каждое на отдельномъ лоскуткѣ. Мало по- малу наберете ихъ и цѣлый словарь“. Копитаръ и раньше этого случая не разъ совѣтовалъ Вуку заняться собираниемъ словъ для сербскаго слова- ря. Въ разборѣ „Slovanka“ Добровскаго, помѣщен- номъ въ Wiener allgemeine Literaturzeitung въ 1814 еще до выхода въ свѣтъ „песнарицы“ Вука, Копитаръ замѣчаетъ, что онъ при чтеніи Обрадо- вича не находилъ всѣхъ словъ у Стулли, словарь котораго былъ лучшимъ изъ всѣхъ тогда бывшихъ сербскихъ словарей.

Путешествуя по Срему и Банату, Вукъ посѣтилъ Лукіана Мушицкаго, бывшаго въ то время настояте- лемъ одного изъ бѣднѣйшихъ фрушкогорскихъ мо- настырей Шишатовца. Ученый архимандритъ наход- дился въ литературныхъ сношеніяхъ съ Копитаромъ съ половины 1811 года. Копитаръ искалъ между Сербами для себя корреспондента, который могъ бы взять на себя трудъ и умѣль сообщать ему о всѣхъ

*) Срезн. стр. 346.

**) Ibidem стр. 346.

литературныхъ и научныхъ новинкахъ въ сербской литературѣ, и съ этою просьбою онъ обратился къ митрополиту Стефану Стратимировичу, по указанію котораго выборъ Копитара падъ на Мушицкаго.

Междуд письмами Копитара къ Мушицкому есть одно, въ которомъ Копитаръ благодарить Мушицкаго, что онъ предложилъ принять Вука на продолжительное время въ свой монастырь. Изъ этого письма видно, что Вукъ Караджичъ въ это время былъ намѣренъ заняться изученіемъ латинскаго языка и переработкой своей грамматики. Въ Шишатовцѣ, какъ надѣялся Копитаръ, Вукъ не только можетъ окончить начатый имъ словарь, но и собереть пѣсни для второй части пѣснарицы. Въ началѣ 1815 года Вукъ Караджичъ былъ уже въ Карловцахъ. Тутъ онъ нашелъ иѣкоего Тешана Гавриловича, по прозванію за высокій ростъ въ *полъ-другаю* человѣка — Подруговича, отъ котораго онъ узналъ весьма много пѣсенъ. Этотъ Подруговичъ былъ родомъ изъ мѣстности между Босніей и Герцеговиной и сначала былъ торговцемъ, но послѣ, убивъ одного Турка, который хотѣлъ убить его самого, уѣхалъ къ гайдукамъ, оставивъ свой домъ, и въ 1807 г. какъ гайдукъ, перебѣжалъ въ Сербію *). Подруговичъ умѣлъ игратъ на гусляхъ, но не умѣлъ пѣть: онъ сказывалъ пѣсни. Вукъ Караджичъ сталъ платить этому Подруговичу и еще въ Карловцахъ записывалъ пѣсни, которыя онъ сказывалъ. Около Святой того же года онъ взялъ Подруговича съ собою въ Шишатовацъ, куда онъ ѻхалъ къ Лукіану Мушицкому. Но вскорѣ этотъ Подруговичъ узналъ, что въ Сербіи поднялъ знамя

*) Пѣсни I т. 1824 стр. XXXIII.

возстанія Милошъ Обреновичъ въ Таковѣ, перешелъ въ Сербію, и Вукъ успѣлъ переписать лишь тѣ пѣсни, которыхъ онъ сказывалъ ему по пути изъ Карловцевъ въ Шишатовацъ. Потерявъ такимъ образомъ Подруговича, Караджићъ сталъ искать другаго пѣвца. Въ это время поселился въ Сремѣ, въ селѣ Гркѣ, знаменитый слѣпецъ Филиппъ Вишничъ *). Онъ былъ родомъ изъ Зворницкаго округа, ослѣпъ отъ оспы еще ребенкомъ. Вишничъ былъ извѣстенъ во всѣхъ сербскихъ краяхъ, какъ знатокъ Сербскихъ пѣсень, а послѣ 1804 года, когда началось возстаніе подъ Кара-Георгіемъ, онъ сталъ самъ сочинять пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ подвиги Кара-Георгія и его юнаковъ. Караджићъ воспользовался пребываніемъ Вишнича въ Сремѣ, привезъ его въ Шишатовацъ и записалъ у него пѣсни, которыхъ тотъ составилъ и пѣлъ.

Возвратившись въ Вѣну, Караджићъ напечаталъ вторую книгу своей *пѣснарицы* **), которую посвятилъ Копитару. Копитаръ написалъ рецензію ***) этого новаго труда Вука Караджича, въ которой признаетъ, что издатель сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ изученіи своего языка. Что касается орѣографіи, то Вукъ Караджићъ сдѣлалъ уступку желанію многихъ сербскихъ писателей, введя употребленіе *ю*, *я* въ срединѣ и концѣ словъ, вм. *у*, *а*,

*) О Вишничѣ см. Пјесме. IV томъ, 1833., стр. XI — XIII. Предисловіе Караджича. Гласникъ, XX, стр. 236—243. Белешки покојног владике Мушинића о Филипу Вишнићу ет. Крстича. Клеменцина, Србија Милачевича, стр. 469—471.

**) Народна србска пѣснарица, издана Вукомъ Стефановићемъ, у Виении 1815 г.

***) Kleinere Schriften стр. 347—369.

которые онъ употреблялъ въ первой части пѣснарицы, и и з.

Весь этотъ выпускъ пѣснарицы состоитъ изъ 118 пѣсень, изъ которыхъ женскихъ 101. Вукъ въ предисловіи указываетъ, что 24 женскія пѣсни даны ему Максимомъ Ранковичемъ изъ Остружницы, который былъ въ ту пору членомъ магистрата въ Бѣлградѣ. Остальные пѣсни были юнацкія; между ними была пѣсня и о восстаніи 1804 года. Копитаръ въ своей рецензіи сравнивалъ эпосъ сербскій съ эпосомъ Гомера, перевелъ нѣсколько сербскихъ пѣсень на нѣмецкій языкъ и приложилъ ихъ къ своей рецензіи. Открытие Вука уже сильно заинтересовало нѣмецкую литературу, а по желанію одного нѣмецкаго критика, который научился по сербски, увлекшись первой пѣснарицею Вука, Караджичъ ко второму выпуску пѣснарицы приложилъ даже мелодіи нѣкоторыхъ пѣсень.

Такъ началось изданіе сербскихъ пѣсень, которое привлекло общее вниманіе въ Европѣ на народъ, тогда добивавшійся политической независимости.

Въ 1816 году Вукъ Караджичъ вновь нѣкоторое время провелъ въ Шишатовцѣ у Лукіана Мушицкаго, который, по словамъ Вука, далъ ему „барское помѣщеніе и всѣ другія удобства“ *). Тутъ онъ оставался съ марта по сентябрь ради сербскаго языка. И самъ Вукъ, и Копитаръ желали, чтобы онъ научился латинскому языку. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Мушицкому Копитаръ, говоря о дарованіяхъ Вука, замѣчаетъ, что Вуку слѣдуетъ научиться по латыни какъ потому, чтобы прі-

*) Предисл. къ IV т. Пѣсенъ (1833), стр. IX.

обрѣсть болѣе грамматическихъ свѣдѣній, такъ и для того, чтобы „mittelw ssige K pfe, die aber die Schulen durchgemacht haben, ihn nicht  ber die Achsen ansehen sollen *). Для своего словаря Вукъ несомнѣнно воспользовался услугами Мушицкаго. По свидѣтельству Гавриловича, Мушицкій былъ первый, который сталъ собирать народныя пѣсни и слова, а Абраамъ Паничъ, священникъ въ Шидѣ, далъ Вуку 4000 словъ **). Это свидѣтельство Гавриловича, имѣющее вѣсъ само по себѣ, получаетъ подтвержденіе и въ письмахъ Копитара къ Мушицкому въ то время, когда у него гостили Караджичъ. „Vos lexicon curate, ego hic tyros“ пишетъ Конитаръ Мушицкому 12 Апрѣля 1816 года. Но митрополитъ Стратимировичъ, недовольный ходомъ финансовыхъ дѣлъ монастыря Шишатовацкаго, которымъ управлялъ Лукіанъ Мушицкій, приказалъ, чтобы Вукъ выѣхалъ изъ монастыря, такъ какъ свѣтскій человѣкъ не имѣть права жить въ монастырѣ. Такимъ образомъ въ Сентябрѣ 1816 г. Вукъ принужденъ былъ оставить тотъ тихій монастырскій уголокъ, въ которомъ его работы надъ словаремъ, при просвѣщенной помощи ученаго патріота-архимандрита, могли идти всего успѣши. Копитаръ, чтобы помочь Вуку въ его трудѣ, подарилъ ему словари Бѣлостенца, Ямбрешича и Стулли, Микаля и Делла-Беллы и нѣсколько другихъ книгъ, которыхъ Вукъ имѣлъ съ собою въ Шишатовцѣ ***). Караджичъ

*) Slovinac 1881 г., № 43, стр. 41. (Замѣстовано изъ Јавора за 1877).

**) Лѣтоп. Мат. Срб. кн. I20, стр. 137 и 105.

О Паничѣ вспоминаетъ Караджичъ въ Пред. къ IV т. пѣсенъ (1833). стр. XXXIII.

***) Собрание сочиненій Мушицкаго, т. 1, стр. 40.

вернулся въ Вѣну съ порядочнымъ запасомъ словъ для словаря, и теперь Копитаръ, по словамъ Вука, сталъ его посѣщать ежедневно и переводилъ на латинскій и нѣмецкій языки слова, предварительно выслушавъ отъ Вука точное и полное объясненіе каждого изъ нихъ. Это была прекрасная школа для даровитаго самоучки Караджича, который признается, что именно благодаря этой совмѣстной съ Копитаромъ работѣ надъ словаремъ, его „безотчетливое знаніе сербскаго языка оживилось отчетливостью“ **). Черезъ два года плодомъ этихъ трудовъ Копитара и Караджича былъ знаменитый словарь: „Српски рјечник истолкован немачким и латинским ријечима, Вука Стефановића. У Бечу 1818 г.“ **). Къ словарю приложена грамматика, которая доказывала, какъ много приобрѣть грамматическихъ свѣдѣній Вукъ Караджичъ сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ его письменицахъ 1814 г. По словамъ Вука, въ этотъ словарь вошло 26,270 словъ.

До Вука Караджича была сдѣлана попытка составить сербскій словарь. Самъ Караджичъ разсказываетъ объ этой попыткѣ въ статьѣ: настоящая причина и начало собирания нашихъ народныхъ пѣсенъ, помѣщенной имъ въ одной еженедѣльной газетѣ, вышедшей въ Пештѣ ***). Митрополитъ Карловачкій Степанъ Стратимировичъ, получивъ однажды письмо отъ Шлецера, въ которомъ онъ выражалъ сожалѣніе, что нѣть сербскаго словаря и грамматики Сербскаго и Болгарскаго языка, задумалъ составить словарь, по

*) Срезневский стр. 347.

**) Объясненіе объ этомъ словарѣ было приложено къ Новинамъ Сербскимъ еще въ 1816, № 110. 13 Мая.

***) Пештанско-Будимскій скоротечъ за 1842 № 20 и 21 стр. 118 и 126.

словамъ Караджича, такимъ образомъ, чтобы, „собравъ по сербскимъ книгамъ слова, которыѣ есть ни въ русскомъ, ни въ славянскомъ языке“, вставить въ Русско-Славянскій словарь. Всякій изъ приближенныхъ къ митрополиту и просвѣщенныхъ архимандритовъ и епископовъ долженъ быть принять участіе въ этомъ предпріятіи, и поэтому каждый взялся собирать слова, начинающіяся на тѣ буквы, которыми начинается имя и фамилія собирателя. Такъ архимандритъ Лукианъ Мушицкій взялъ на себя собираніе словъ, начинающихся буквами *L* и *M*, епископъ Іосифъ Путникъ слова на буквы *I* и *P* и т. д. Но вскорѣ епископъ Путникъ отказался отъ участія въ этомъ предпріятіи, выставивъ предлогомъ, что всего больше словъ въ сербскомъ языке начинается буквою *и*, а потому распределеніе труда сдѣлано неправильно; этимъ случаемъ воспользовались и другіе участники предпріятія, и оно окончилось неудачею. Для составленія грамматики болгарскаго языка Стратимировичъ намѣренъ былъ послать въ Болгарію одного изъ учителей, Лазаревича, но и этому его намѣренію не судено было осуществиться, такъ какъ вскорѣ Лазаревичъ отказался отъ поездки въ Болгарію.

Словари или „Српски рјечник“, какъ созаглавилъ этотъ свой трудъ Вукъ Караджичъ, окончательно опредѣлилъ значеніе дѣятельности Вука въ сербской литературѣ. Въ сущности Вукъ Караджичъ издалъ *compendium* для изученія не только сербскаго языка, но и сербскихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Словарю и грамматикѣ предшествуетъ довольно большое предисловіе (III—XX), въ которомъ Вукъ Караджичъ доказываетъ необходимость употреблять сербскій языкъ въ сербскихъ книгахъ. Дѣлая выпис-

ку изъ исторіи Раича, Караджичъ старается доказать, что Раичъ, писавшій славянскимъ языкомъ, передѣлываетъ языкъ источниковъ на свой особый ладъ. Такъ приведя выписку изъ законника Душана въ исторіи Раича, Караджичъ доказываетъ, что Раичъ поправилъ языкъ подлинника, передѣливая старыя сербскія формы въ новые русско-славянскаго языка, которымъ онъ писалъ.

Между прочимъ эту особенную склонность и любовь сербскихъ писателей къ языку русско-церковно-славянскому и пренебреженіе къ народному сербскому, это отсутствіе всякихъ правилъ языка сербскихъ писателей, заставившее архимандрита Павла Кенгельца, въ предисловіи къ имъ составленному *естествословію* выразиться такъ: „всі народи и сами язычнцы книги своя по грамматійскимъ правиламъ списаша, оу насъ по правиламъ бабы Смиллы пишутся“ (*), Вукъ Караджичъ объясняетъ во первыхъ тѣмъ, что писатели сербскіе всѣ самоучки въ языкѣ, во вторыхъ, что сербы имѣютъ въ сущности два языка. Причина того, что сербскіе писатели самоучки въ языкѣ лежитъ въ томъ, что нѣть науки на сербскомъ языкѣ, нѣть даже сербскаго букваря. Высоко цѣнія языкъ школы и понимая вліяніе его на послѣдующую дѣятельность писателя, Караджичъ говоритъ, что, участь въ школѣ на чужомъ языкѣ въ теченіе 10—15 лѣтъ, сербъ забываетъ и *думать* по сербски. „Иные сербскіе писатели, окончивъ подобныя школы, возьмутъ славянскую грамматику Мразовича и прочтутъ ее, чтобы писать по сербски; а иные и ея не ищутъ, но пишутъ по нѣмецкой или латинской грамматикѣ во

(*). *Естествословіе*. 1811 г., въ Будимѣ, предисловіе.

сербски, не подозрѣвая того, что они могутъ не знать роднаго языка". Но это общій недостатокъ всѣхъ славинъ, которые не имѣютъ ни школъ, ни наукъ на родномъ языке, за исключеніемъ русскихъ, замѣчаетъ Караджичъ. Другая причина, почему Сербская литература не имѣеть одного книжнаго языка, лежитъ въ самомъ несогласіи писателей сербскихъ держаться одного языка. Одни изъ нихъ утверждаютъ, что слѣдуетъ писать по славянски, и что языкъ народа „свинарски и говедарски“, другіе же думаютъ, что нужно поправлять народный языкъ, и приближая его къ славянскому—выработать особый языкъ книги. Въ послѣднемъ случаѣ царствуетъ полнѣйшій произволъ писателей и смышеніе формъ русскихъ, славянскихъ и сербскихъ. Для установленія какого нибудь единства въ языкѣ книги Караджичъ признаетъ необходимымъ словарь и грамматику. Онъ прямо высказываетъ за употребленіе языка народнаго, какъ языка литературы.

Слова, вошедшія въ словарь Вука, всѣ взяты изъ живаго языка. Подозрѣвалъ, что особенно много противниковъ найдетъ ореографія словаря, Караджичъ приводить доказательство, что славянская ореографія не въ состояніи выразить всѣхъ сербскихъ звуковъ и что уже въ старину сербы употребили знаки Ѣ и ѣ. Въ „Речникѣ“ Караджичъ впервые употребилъ новые знаки имъ придуманные для выраженія отличительныхъ сербскихъ звуковъ: Ѣ, њ, Ѣ, и ввелъ ѡ. Ожидая упрековъ въ ереси за употребленіе ѡ, Караджичъ замѣчаетъ, что св. Кирилль, составляя славянскую азбуку, непремѣнно употребилъ бы ѡ, если бы этотъ знакъ существовалъ въ греческомъ языкѣ, вместо сложныхъ: я, ю, но и онъ связалъ

греческую юту съ а и е для означенія мягкаго ихъ изглашенія—¹⁴ и ¹⁶.

Теперь Вукъ Караджичъ, очевидно подъ вліяніемъ мнѣнія, высказанаго Копитаромъ въ рецензіи его „Письменицы“, самъ отказывается отъ убѣжденія, что лучшій путь для утвержденія единства ореографіи—согласіе общества ученыхъ и составленіе имъ правилъ. Онъ прямо теперь утверждаетъ, что словарь долженъ быть составленъ однимъ лицемъ, не обществомъ: „въ обществѣ часто глупый испортить, что умный сдѣлаетъ, а бываетъ часто и такъ, что умный, скрываясь за именемъ общества, напишетъ и то, чего подъ своимъ именемъ никогда бы не издалъ.“

Немного раньше, чѣмъ Рјечникъ Вука, появилось сочиненіе Соларича: *Римляни славенствовавши*, въ которомъ онъ называетъ Старо-славянскій языкъ „Сербскимъ ветхимъ“ *) и приводить около 700 коренныхъ словъ, которыхъ будто бы заимствованы Римлянами у Славянъ. Въ этомъ своемъ сочиненіи Соларичъ высказываетъ мнѣніе, что необходимы двѣ грамматики для двухъ языковъ, употребляющихся въ сербскомъ народѣ: „ветхо-сербскую письменицу“ онъ ожидалъ отъ аббата Добровскаго, а относительно „ново-сербской“ онъ возлагалъ надежды на сербскихъ писателей въ Карловцахъ, Будимѣ, Сомборѣ, Новомъ Садѣ и другихъ мѣстахъ. Онъ говорить, что наступило время, когда бы слѣдовало описать и изучить все, что касается сербскаго языка.

Караджичъ, ссылаясь на мнѣнія Соларича, объясня-

*) *Римляни славенствовавши*, Павла Соларича. Въ Будимѣ 1818 г. стр. 25.

еть почему онъ присоединилъ грамматику къ своему словарю, которую онъ было думалъ значительно расширить и издать особо. Онъ хотѣлъ поскорѣе удовлетворить общему желанію имѣть грамматику сербскаго языка и потому поспѣшилъ напечатать ее.

Словарь стоилъ много заботъ и труда Вуку. Въ 1856 г. Вукъ объяснилъ г. Райковичу, что двѣ существенные помѣхи встрѣтили онъ при печатаніи словаря: цензура смотрѣла подозрительно на это предпріятіе, а съ другой стороны у Вука не было достаточно средствъ для выпуска въ свѣтъ этого своего труда *). Начавъ печатать съ 300 флотиновъ ассигнаціями (шайна), Вукъ поставилъ себѣ въ самое безвыходное положеніе, такъ что принужденъ былъ продать даже свои бритвы. Подиесныя деньги получены были изъ Одессы и то въ незначительномъ количествѣ. Въ это время получены были Вукомъ 5000 флотиновъ отъ сербскаго патріота Дмитрия Тирки (изъ Триеста). Затѣмъ отзвались и другіе покровители *Меценаты Сербской литературы*, какъ Савва Текели, Карловацикій митрополитъ Стефанъ Стратимировичъ и др. Иные изъ сербскихъ патріотовъ собирали подписку въ разныхъ мѣстностяхъ и такимъ образомъ явилась возможность продолжить изданіе словаря. Имена главнѣйшихъ „благодѣтелей“ словаря Караджичъ внесъ въ предисловіе къ своему труду.

Приготовляя свой словарь къ печати, Караджичъ часто переписывался и совѣтовался съ Григориемъ Гершичемъ, Павломъ Соларичемъ и Лукіаномъ Мушицкимъ обѣ утвержденіи народнаго литературнаго

*) Јавор за 1877 г. стр. 58.

зыка. Одною изъ первыхъ его заботъ было сформированіе новыхъ знаковъ ъ, ѡ и Ѽ. Копитаръ въ своей рецензіи на „Писменицу“ Вука замѣтилъ, что едва ли могутъ годиться начертанія ъ, ѡ, Ѽ и совсѣмъ неудобны для употребления вмѣсто нихъ и не только при и, я, ё но и при т ви. Ѽ“ *). Но Караджичъ, переписавшись съ Гершичемъ, Соларичемъ и Мушицкимъ и посовѣтавшись съ Копитаромъ, окончательно остановился на формѣ ъ, ѡ для выраженія мягкихъ и и я. Что касается формы знака Ѽ, то она принадлежитъ Мушицкому. Въ своемъ письмѣ къ Караджичу отъ 12 іюня 1816 г., Лукіанъ Мушицкій сообщаетъ, что онъ показывалъ придуманный имъ знакъ для Ѽ Магарашевичу, который впослѣдствіи принималъ живое участіе въ основаніи Сербской Матицы, и что въ то же время былъ планъ составить особенный знакъ и для јо. Въ то же время придумывалъ знаки для ъ, ѡ, Ѽ и Григорій Гершичъ. Мушицкій проситъ Вука сравнить обѣ формы и выбрать лучшую **). Мушицкій признавалъ потребность особаго знака для звука Ѽ, но самъ не употреблялъ Ѽ до тѣхъ поръ, пока Вукъ не ввелъ его въ употребленіе. Впрочемъ Вукъ Караджичъ принялъ начертаніе Мушицкаго лишь для малаго Ѽ, не соглашаясь съ начертаніемъ Мушицкаго для большаго знака. Весьма характерно для освѣщенія этой эпохи Сербской литературы то, что этотъ вопросъ о начертаніи большаго Ѽ долго занималъ, какъ Мушицкаго, такъ и Хаджича, извѣстнаго

*) Barth Kopitar's Kleinere Schrift., стр. 313.

**) Slovinac, № 6, стр. 99.

го противника Вука Караджича. Караджичъ, защищаясь отъ нападеній Хаджича, долженъ быдъ разсказать исторію происхожденія этого знака *), а Мушицкій въ письмѣ къ Магаращевичу называетъ знакъ для большаго Ѽ—„магрда“, т. е. безобразнѣемъ **), и пишетъ эпиграмму къ Давидовичу на знакъ, придуманный Вукомъ ***), и Вукъ въ своеемъ письмѣ Мушицкому доказываетъ, что онъ не можетъ его принуждать употреблять знакъ, ему не нравящійся ****).

Что касается употребленнаго Вукомъ въ словарѣ ѡ, то оно возбудило сильное недовольство, особенно между духовенствомъ, видѣвшимъ въ этомъ заимствованіи знака изъ латинской азбуки признаки католицизма.

Но что особенно вооружило противъ словаря Вука многихъ сербскихъ литературныхъ дѣятелей, это—внесеніе имъ въ словарь словъ бранныхъ и обесоена. Мушицкій, который находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Вукомъ, выражалъ удивленіе, что Копитаръ въ качествѣ цензора не удержалъ Вука отъ печатанія подобныхъ словъ, и замѣчаетъ: „счастіе его, если митрополитъ не обжалуетъ его вѣнскай поліції“ *****).

Въ словарѣ Караджичъ избралъ также юго-западное или Герцеговинское нарѣчіе, а въ грамматикѣ онъ показалъ всѣ существенные различія между

*) Вуковъ одговор на Утук Свѣтића. 1843; стр. 26 и 27.

**) Годубица. Т. IV., стр. 307.

***) Надписи на сербско книжнѣство. Собр. соч. Мушацкаго, IV т., стр. 64.

****) Лѣтоп. Мат., Серб. 120 ии., стр. 151.

*****) Годубица IV, стр. 308.

говорами сербскаго языка, которыхъ онъ, какъ извѣстно, признавалъ три; но теперь называлъ иначе: Герцеговинскій, Сремскій и Ресавскій, или юго-западный, сѣверный и восточный. Главное различіе между ними Вукъ находилъ, какъ и прежде, въ произношениіхъ въ то время какъ по первому въ звучитъ какъ *је* или *џе* или какъ *и* предъ *ја* (сијати), а также вліяетъ на смягченіе д, л, н, т въ Ђ, Ђ, Њ, Ђ, во второмъ оно звучитъ какъ *с* и *и*, а въ третьемъ всегда какъ *е*.

Словарь Вука—это собрание не только словъ живаго сербскаго языка, но и описание обычаевъ и нравовъ сербскихъ, а также и собрание преданій и сказаний сербскаго племени.

Этимъ закончилась дѣятельность Вука, какъ законодателя сербскаго литературнаго языка. Теперь ему лишь предстояло переработать и пополнить свои труды, переиздать пѣсни, пополнивъ ихъ собраніе. Такое новаторство никогда не доставалось новатору безъ борьбы. Какъ языки и литературная дѣятельность Караджича могли казаться и казались опасными Шишкову и сторонникамъ славянщины въ русскомъ языкѣ, точно такъ, и можетъ быть съ большимъ правомъ, могли нападать на Караджича, круго рвавшаго всѣ преданія сербской литературы съ русскою и связи сербскаго языка со славяно-русскимъ, сторонники славено-сербской школы и сербскіе патристы, видѣвшіе единственно возможное спасеніе своей народности въ тѣсномъ союзе съ русскою литературою и русскою жизнью, которая для нихъ олицетворялась въ православіи и русской церковной книжѣ.

Началась ожесточенная литературная борьба, которая, обнаруживъ силу и дарованія Караджича и

обнаживъ слабость его противниковъ, кончилась побѣдою теорій Вука, хотя, быть можетъ, не ко благу сербской народности, слишкомъ слабой, чтобы самостоятельно удержаться предъ напоромъ нѣмецко-германского міра.

2.

Пояздана Вука Караджича въ Россію и Германію. Продолженіе его издательской деятельности. Его статьи въ Сербскихъ Новинахъ.

Переводы сербскихъ пѣсень.

Караджичъ, взявъ съ собою сто экземпляровъ только что напечатанного и неразосланного еще подписчикамъ словаря, въ началѣ 1819 года уѣхалъ въ Россію. Судя по письму Копитара къ Мушицкому *), эту поѣздку свою въ Россію Вукъ хотѣлъ скрыть отъ своихъ литературныхъ враговъ, которые были готовы воспользоваться вскакими средствами, чтобы обвинить Вука за его нововведенія. Въ Россіи Караджичъ пробылъ 9 мѣсяцевъ. По дорогѣ онъ посѣтилъ Львовъ, Краковъ, Варшаву. Въ Россіи онъ былъ во многихъ городахъ: Петербургѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Тулѣ, Киевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и Кишиневѣ. Восхищенный всѣмъ, что онъ видѣлъ на своемъ пути, и довольный пріемомъ ему оказаннымъ, Караджичъ уже изъ Львова пишетъ Мушицкому, спрашивая его о томъ, что дѣлается у Сербовъ. Слава и значеніе Вука Караджича въ это время были уже велики, и онъ былъ

* Slovinac, 1881, № 3, стр. 41. (изъ Јавора за 1877 г., ст. Райковича).

избранъ въ члены „Московскаго общества любителей русской словесности“ и „Краковскаго общества наукъ“. Теперь Караджичъ завязалъ знакомство съ Карамзинъ, Румянцевымъ и многими дру-гими.

Россійская Академія наукъ, по предложенію своего предсѣдателя, присудила 31 іюля 1819 года Вуку Караджичу серебряную медаль за словарь *).

Еще до выхода въ свѣтъ словаря, Вукъ Караджичъ женился на пѣнкѣ Аннѣ Краусъ въ Вѣнѣ. Онъ рассказывалъ Срезневскому, что еще въ родномъ селѣ, до отъѣзда изъ Тршича, было условлено, что онъ женится на Ружѣ Тодоровой, своей односельчанкѣ, слившей необычайною красавицею. Ружа долго считалась его невѣстой, пока наконецъ, самъ Вукъ не отказался отъ нея въ 1812 году и, по сербскому обычая, не разрѣшилъ ей идти замужъ за другаго. Пріѣхавъ въ 1813 году въ Вѣну, Вукъ Караджичъ жилъ въ семействѣ Краусовъ; и во время его болѣзни, за нимъ смотрѣла дочь хозяйки Анна, на которой Караджичъ и женился въ 1818 году. Это была добрая женщина, которая имѣла большое вліяніе на Вука,—и она была отчасти причиною того, что Вукъ поселился въ Вѣнѣ и тамъ работалъ, лишь по временамъ наѣзжая въ Сербію **).

Въ 1820 году Вукъ ѿдѣлъ въ Сербію, гдѣ намѣренъ былъ основать ланкастерскую школу взаимнаго обученія по образцу подобныхъ школъ, видѣнныхъ имъ въ Россіи. Тогда же было предположено, что

*) Јавор, за 1877 г., стр. 86.

**) Срезневскій, 344.

онъ станетъ учить читать и писать князя Милоша, съ которымъ онъ познакомился впервые около половины этого года *), но это его предпріятіе не устроилось.

Теперь Вукъ Караджић получаетъ и европейскую извѣстность. Еще въ то время, когда Караджић впервые выступалъ своею Письменницей и Пѣснарицей на литературное поприще, Копитаръ его познакомилъ съ Гrimmомъ. Въ это время въ германской литературѣ возрастаетъ интересъ къ славянству. Гумбольдтъ, будучи посланникомъ Пруссіи въ Вѣнѣ, чрезъ посредство Копитара, получилъ выдержки сербской грамматики Muшицкаго, а для Гете тотъ же Muшицкій переводилъ пѣснарицу Вука на нѣмецкій языкъ **). Еще въ 1819 году Яковъ Grimmъ въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* написалъ статью о словарѣ Вука, въ которой упомянулъ и о „пѣснарицахъ“. Весною 1822 года Вукъ поѣхалъ въ Германію. Онъ сначала посѣтилъ Лейпцигъ, откудаѣдишъ къ профессору Фатеру въ Галле, съ которымъ впослѣдствіи былъ въ перепискѣ. Затѣмъ онъ въ это же время познакомился съ Гете, къ которому онъѣдишъ въ Веймаръ, и посѣтилъ Гrimма, съ которымъ былъ знакомъ уже раньше. Въ этомъ же году Вукъ побывалъ и въ Сербіи ***).

До своего путешествія по Германіи, послѣ возвращенія изъ поѣздки въ Россію и Сербію въ 1820 г., Караджић издалъ *Народне српске приповијетке*, какъ приложение къ 89, 90, 91, 95, 98 и 100 нумерамъ Серб-Новинъ 1821 г. Въ предисловіи къ этому изданію,

*) Вуков одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку, стр. 14.

**) Лѣтоп. 120, стр. 139.

***) Даница за 1827, стр. 58.

Караджичъ заявляетъ, что онъ рѣшился „собирать все, что народъ Сербскій уже выдумалъ“.

Въ Вѣнѣ, въ Россіи, въ Германіи Караджичъ знакомился съ людьми науки. Это имѣло на даровитаго собирателя прѣсенъ и преданій сербскаго народа большое вліяніе. Нужно удивляться той восприимчивости и силѣ соображенія, которую обнаруживалъ Караджичъ въ вопросахъ, на которые, казалось бы, нельзѧ было ждать отъ него отвѣта. Познакомившись съ Добровскимъ, который въ 1819 году прїѣхалъ въ Вѣну для напечатанія своихъ „Institutiones“, Караджичъ написалъ открытое письмо Димитрію Фрушичу *), въ которомъ удивляется филологической учености Добровскаго. Но это уваженіе къ ученому авторитету знаменитаго аббата не помѣшало Караджичу завести съ нимъ споръ о томъ, что составляетъ особенности Сербскаго языка. Вукъ выразилъ мнѣніе, что Русскіе измѣнили или „испортили“ старый славянскій языкъ, напр. перемѣнивъ *e* на *я* въ словахъ *князь*, *имя*, *мя*, *тя*, *ся* и т. д. Но Добровскій доказывалъ Караджичу, ссылаясь на старыя рукописи, что и въ сербскихъ старыхъ книгахъ было *я*, а въ послѣдствіи сербы измѣнили его на *e* въ выговорѣ. Караджичъ не согласился съ Добровскимъ и въ письмѣ къ Фрушичу доказываетъ свое положеніе: „или русскіе перемѣнили *e* на *я*, или еще въ IX вѣкѣ было и то, и другое, т. е. въ сербо-славянскихъ книгахъ *e*, въ русско-славянскихъ *я“ **). Доказательства, которыми*

*.) Прибавленіе къ № 68 и 69 Серб. Новинъ за 1821 г. Писмо Димитрију Фрушићу доктору медицине. У Бечу 19 Ноембра 1819 г.

**) Ibidem, стр. 5.

поддерживаетъ свое мнѣніе Караджичъ, показываютъ, что онъ умѣлъ пользоваться пріобрѣтенны-ми имъ научными свѣдѣніями. Караджичъ замѣчаетъ, что до того времени, когда въ сербскихъ церквахъ стали читать по русскимъ книгамъ, во всѣхъ рукописныхъ старыхъ книгахъ, а также и въ старопечатныхъ сербскихъ изданіяхъ, слово *князь* и *клятва* писались согласно произношенію *кнезъ* и *клетва*. Онъ думаетъ, что если бы были найдены сербскія рукописи раньше XIII в., то и тамъ онъ бы нашелъ доказательства, что въ сербо-славянскомъ языке эти слова звучали *кнезъ* и *клетва*. Тогда не было еще известно значеніе юсовъ. Караджичъ интересовался рукописями и стариной. Въ этомъ же письмѣ онъ приводить отрывокъ изъ послѣсловія изборника Святослава, который онъ видѣлъ у А.Ѳ. Малиновскаго во время своего пребыванія въ Москвѣ. Караджичъ доказывалъ своимъ сербскимъ читателямъ, что славянскій языкъ русскихъ церковныхъ книгъ подлежалъ сильнѣйшему вліянію русского языка, что для современниковъ Караджича было новостью.

Караджичъ принималъ почти постоянное участіе въ Сербскихъ Новинахъ Давидовича. Онъ въ нихъ напечаталъ разборъ романа Видаковича: „Любомиръ у Елісіуму“ вскорѣ послѣ выхода его изъ печати въ 1815 и 1817, а въ 1819 г. отозвался на обѣвленіе о печатаніи третьей части этого романа, подъ псевдонимомъ Новаковичъ Ненадъ. По мнѣнію историка сербской литературы *), это была первая сербская критика, достойная имени критики. Караджичъ

*) Историја Српске Књижевности. Новаковича. Стр. 262.

въ этой статьѣ показалъ всю ложь и неприродность въ сербской литературѣ романтизма и сантиментализма, отразившагося въ произведеніяхъ Видаковича. Всюду въ этой критикѣ былъ видѣнъ знатокъ своего народа и обычаевъ родной страны. Онъ вооружился всею силою своего слова противъ неправильности языка всѣхъ произведеній Видаковича. Эта критика произвела такое впечатлѣніе на Видаковича, что, какъ извѣстно, онъ третью часть этого своего романа напечаталъ лишь въ 1823 г., спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ частей.

Нападенія на грамматику и словарь, особенно же на правописаніе, введенное Вукомъ, вызывало весьма часто Караджича на поле полемики со своими литературными непріятелями. Эти полемическія статьи печатались въ „Додаткѣ“ къ сербскимъ новинамъ: Одговор Штипкаловићу или Ранитовићу на његов одговор у додатку къ 75 ч. Н. С. (додатакъ къ чи-слу 79 Нов. Серб. 1821); одговор Јовану Ранитовићу, адвокату Штипкаловићеву (додатакъ № 63 и 64 Нов. Серб. 1821); неколико ријечи мојим овогодишњим рецензентима, а особито Благоју Штипкановићу и старцу Куцкалу (додатакъ къ № 49 и 50 Нов. Серб. 1821 г.). Всѣ эти полемическія статьи касаются преимущественно вопросовъ сербской орѳографиї и очистки сербскаго языка отъ руссизмовъ и славянизмовъ. Вукъ Караджичъ стоялъ на чисто народной почвѣ, между тѣмъ, какъ его противники выступали въ защиту славяно-сербскаго языка, какъ такого, который служить связью между всѣми православными славянами. Лукіанъ Мушицкій, привѣтствуя выходъ „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“ Добровскаго, выражаетъ въ одѣ свое пол-

ное убѣжденіе, что теперь уже осуществляется единство языка у всѣхъ славянъ *).

Какъ возраженія и нападки на Караджича, такъ и его отвѣты печатались въ тѣхъ же Сербскихъ Новинахъ Давидовича, при чемъ редакторъ сохраняетъ всѣ особенности орѣографіи и языка авторовъ. Печатая письмо и два стихотворенія, посланныя ему за подпись С. М. изъ Далмациі, Давидовичъ сдѣлалъ замѣтку, что хотя они писаны однимъ и тѣмъ же лицемъ, правописаніе въ нихъ неодинаково, и такъ объясняется со своими читателями: „мы печатали съ дипломатическою точностью все, какъ написано. Дѣлать это мы обязаны и передъ писателемъ, и передъ читателемъ. Лишь такимъ способомъ наше правописаніе получить единство и твердость, когда всѣ станутъ нападать на его непостоянство“ **).

И дѣйствительно путь, указанный Давидовичемъ, былъ самый лучшій, чтобы практически показать всѣ преимущества правописанія, принятаго Вукомъ. Не только каждый авторъ сербской книги въ то время имѣлъ свое правописаніе, но часто одно и тоже лицо писало разнообразно одни и тѣ же слова. Караджичъ въ своемъ спорѣ съ Светичемъ привелъ изъ сочиненій этого своего противника достаточно много доказательствъ полной безсистемности его правописанія во всѣхъ отношеніяхъ. Иногда и самъ Вукъ Караджичъ выступалъ съ замѣтками о правописаніи, въ которыхъ дѣлалъ свои соображенія о тѣхъ или другихъ особенностяхъ сербскаго

*) Собрание сочиненій Мушицкаго. Т. II, стр. 145—148. Подробнѣе обѣ этомъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. Августъ, мою статью о Лукіанѣ Мушицкомъ, стр. 259.

**) Примѣчаніе редакт. къ № 32 Нов. Серб. 1821 г.

выговора. Такъ для примѣра укажу на его замѣтку: додатакъ къ мнѣнію о писмены *и* у нашимъ причастіямъ, въ которой онъ высказывается противъ удноенія какихъ бы то ни было согласныхъ звуковъ въ сербскомъ правописаніи. Эта замѣтка, какъ и многія его замѣтки того времени, подписана буквою В., и напечатана въ № 26 Сербскихъ Новинъ за 1818 г.

Возвратившись изъ Россіи, Вукъ въ 1819 году, по предложенію библейскаго общества въ Петербургѣ, принялъся за переводъ Нового Завѣта на сербскій языкъ. Этотъ трудъ Караджича былъ пересланъ имъ въ Петербургъ въ библейское общество, которое отдало его на просмотръ бывшему во времена Карагеоргія Бѣлградскому митрополиту Леонтию, жившему въ то время въ Бессарабіи. Леонтий былъ родомъ грекъ и не зналъ по сербски настолько, чтобы судить о качествѣ перевода. Поэтому онъ передалъ его на просмотръ Аеанасію Стойковичу, сербу, родомъ изъ Срема, бывшему профессоромъ физики въ харьковскомъ университетѣ и известному нѣсколькими сочиненіями въ сербской и русской литературѣ. Стойковичъ нашелъ переводъ неправильнымъ, а языкъ вполнѣ неподходящимъ, такъ какъ самъ былъ сторонникомъ славяно-сербскаго языка въ сербской книгѣ. Вследствіе полученного отъ библейскаго общества разрѣшенія, Стойковичъ *исправилъ* переводъ Караджича, вставивъ славяно-русскія выраженія въ тѣхъ случаяхъ, где онъ находилъ это нужнымъ, и вообще совершенно видоизмѣнилъ переводъ, сдѣянный Вукомъ. Въ такомъ видѣ изданъ былъ сербскій переводъ Нового Завѣта въ Петербургѣ въ 1824 году. Но вскорѣ было наложено

на него запрещение, и лишь самъ Стойковичъ успѣлъ раздать нѣсколько экземпляровъ своего труда разнымъ лицамъ. Впослѣдствіи, послѣ закрытія библейскаго общества въ Петербургѣ, этотъ переводъ былъ два раза изданъ въ Лейпцигѣ *). Караджичъ, узнавъ о судьбѣ своего перевода, напечаталъ въ Лейпцигѣ отрывокъ подъ заглавиемъ: Огледи светога писма 1824 г. Въ 1827 г. англійское общество уполномочило своего константинопольскаго агента (Leeves) войти въ договоръ съ Караджичемъ относительно его перевода Новаго Завѣта, предлагая ему за изданіе 500 фунт. стерл., но это дѣло не состоялось **). Впослѣдствіи, какъ известно, Вукъ Караджичъ издалъ свой переводъ Новаго Завѣта (1847 г.).

Значеніе и европейскую славу доставилъ Караджичу въ особенности нѣмецкій переводъ его грамматики, изданный Яковомъ Гриммомъ ***). Вукъ, защищаясь отъ обвиненій Светича, разсказываетъ исторію этого перевода. Отправляясь въ Германію и зная, что европейскіе ученые интересуются сербскимъ языкомъ и сербскими пѣснями, Вукъ просилъ Тироля, впослѣдствіи составившаго по Institutiones Добровскаго учебникъ славянской грамматики, перевести на нѣмецкій языкъ составленную имъ сербскую грамматику. Потомъ Караджичъ просилъ Фатера въ Галль пересмотрѣть и поправить переводъ, сдѣлан-

*) Luma—прибавленіе къ загребской нѣмецкой газетѣ № 98, 1847 г. сноска дѣлаю за неимѣніемъ Lunы по статьѣ Даничича В. Лазићу I., стр. 3., гдѣ переведена эта статья.

**) Handbuch einer Geschichte der Slavisch. Sprachen und Literatur. Leipzig 1852. Talvѣ. стр. 98.

***) Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Leipzig und Berlin 1824.

ный Тиролемъ и найти издателя для этой книги. Когда Фатеръ отказался, отговариваясь, что издатели рѣдко берутъ на свой счетъ изданія грамматикъ, Вукъ Караджичъ обратился съ тою же просьбою къ Якову Гrimmu, который охотно взялъ на себя трудъ по пересмору перевода и хлооты по изданію. Издатель нашелся въ лицѣ Берлинскаго книгопрода-
вца Георга Ремера *). Гrimmъ присоединилъ къ грамматикѣ большое введеніе: *Ueber die neueste Auffassung langer Heldenlieder aus dem Munde des Volkes in Serbien.* Въ томъ же предисловіи напечатана и статья Фатера о сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, при-
чей онъ сравниваются съ пѣснями Гомера и Оссіана, а также и прозаической переводъ пѣсни: женидба Максима Црноевича.

Раньше появленія сербской грамматики Вука Ка-
раджича въ нѣмецкомъ переводе, появился 3-й томъ,
пѣсень юнацкихъ. Караджичъ напечаталъ этотъ томъ
равно какъ II и I, въ Лейпцигѣ, въ 1823 и 1824 г.

Во время своего путешествія по Германіи въ 1823 г.,
Вукъ Караджичъ получилъ отъ Іенскаго универси-
тета почетный дипломъ на степень доктора фило-
софіи **). Тогда же познакомился онъ съ переводчи-
цей своего собранія пѣсень Тальфи, съ которою онъ
впослѣдствіи велъ переписку ***). По просьбѣ Карад-
жича Милошъ Светичъ перевелъ пословно нѣсколь-
ко сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ, и этотъ переводъ

*) Вуков одговор на Утук Светића 1843. стр. 25.

**) Срезневскій стр. 354.

***) Эта псевдонимъ г-жи Робинзонъ, жены Dr. Эдуарда Робин-
зона изъ Ньюорка, известного своими изслѣдованіями о Палестинѣ,
состоить изъ начальныхъ буквъ ея имени и фамиліи до замужества:
Teresa Amalien Leonora von Jakob

Караджичъ переслалъ Тальфи*). Она, по указанію и совѣту Гете, сдѣлала стихотворный переводъ сербскихъ пѣсень, который и былъ изданъ въ двухъ томахъ въ Галле въ 1825—1826 г.

Этимъ начался рядъ переводовъ сербскихъ пѣсень на иностранные языки. Такъ въ 1827 году нѣмецкимъ переводомъ Тальфи воспользовался John Bowring, напечатавшій на англійскомъ языкѣ переводъ сербскихъ пѣсень, а въ 1828 году Гергардъ издалъ въ Лейпцигѣ сборникъ въ 2 томахъ Wila. Въ послѣднемъ изданіи принималъ живое участіе извѣстный сербскій писатель, пѣвецъ „Сербіанки“, Сима Милутиновичъ. Въ 1825 году онъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ былъ намѣренъ печатать это свое произведеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщать университетскія лекціи. Гергардъ, познакомившись съ нимъ, предложилъ ему вмѣстѣ заняться переводомъ сербскихъ пѣсень на нѣмецкій языкъ. Въ теченіе зимы 1826 года, большая часть избранныхъ пѣсень была переведена и въ 1828 году издана подъ заглавіемъ: Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmährchen. Но и раньше уже появлялись въ переводахъ нѣкоторые изъ сербскихъ пѣсень собранія Караджича. Такъ, въ 1816 году въ № 21 вѣнской Allgemeine Literaturzeitung были напечатаны переводъ нѣсколькихъ пѣсень изъ Вуковыхъ пѣснарицъ, а въ 1817 г. Вячеславъ Ганка издалъ чешскій переводъ многихъ сербскихъ пѣсень: Prostonarodní srbská Muza do čech přewedená od W. Hanky. Častka první.

Съ этого времени Вукъ Караджићъ становится знаменитостью въ Европѣ. Гете, Яковъ Гrimmъ,

*) Вуков одговор на Утук Светића стр. 24.

Фатеръ, Ранке, Тальфи, Торисонъ ведутъ съ нимъ переписку *). Изъ этихъ писемъ видно, какъ высоко они цѣнили Вука Караджича и его дѣятельность. Въ 1825 году онъ былъ избранъ въ члены Геттингенского ученаго общества, по представлению Якова Гримма **). Къ этому же времени относятся и занятия Караджича хирургіей, которую онъ сталъ изучать въ Лейпцигѣ.

Вукъ Караджићъ жилъ почти исключительно на счетъ подписанія на свои изданія и потому часто нуждался въ средствахъ. Въ 1827 году онъ обратился съ просьбою о помощи къ Іовану Гавриловичу, который впослѣдствіи, во время регенерства до совершеннолѣтія князя Мидана, былъ однимъ изъ правителей Сербіи и всегда сочувствовалъ правописанію и реформѣ Караджића. Гавриловичъ прислали ему 300 флориновъ, которые Караджићъ возвратилъ ему лишь въ 1853 году ***). Вскорѣ однако материальное положеніе Караджића улучшилось: помощь на этотъ разъ пришла изъ Россіи. По представлению министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Щицкого Императоръ Николай назначилъ Караджићу пенсию въ 100 червонцевъ за „пользу славянской словесности“. Около этого же времени ему была оказана помощь и со стороны князя Милоша и черногорскаго владыки Петра I.

*) Нѣкоторые изъ этихъ писемъ напечатаны въ журнале Србадија за 1875 г. стр. 18—19, 42—43, 63—64, 86—88. Они переведены на русскій языкъ, въ сборникъ: „Родное Племя“ I томъ стр. 160 — 171. Письма Караджића къ Якову Гримму изданы профессоромъ Яличемъ въ Archiv für slavische Philologie т. II, стр. 726—743..

**) Archiv. Ялича. Т. II, стр. 742.

***) Јавор за 1877, стр. 351.

3.

Календари-альманахи Вука Караджича „Даница“ и его труды по истории Сербии. Караджичъ-составитель законовъ для Сербии. Его письмо князю Милошу. Путеводки Караджича въ Черногорію. Его сочинение о Черногорії и Черногорцахъ. Книга „Правительствующій Собрѣть Сербскій“.

Въ это время Вукъ Караджичъ обратилъ внимание на распространеніе свѣдѣній о Сербіи въ самомъ сербскомъ народѣ. Переиздавая свои труды, онъ уже не измѣнялъ системы, но лишь пополнялъ прежнія изданія, пользуясь новымъ матеріаломъ, который онъ такъ тщательно собиралъ всю жизнь. Теперь онъ вносилъ въ свои сочиненія историческія свѣдѣнія, по преимуществу о новѣйшихъ событияхъ, въ которыхъ онъ принималъ и личное участіе, или о которыхъ онъ слышалъ отъ главныхъ дѣятелей времени Карагеоргія и Милоша, о лицахъ и дѣятеляхъ этой замѣтальной эпохи, которыхъ онъ зналъ и лично. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, сообщаемыя Вукомъ Караджичемъ, представляютъ надежный и интересный матеріалъ для историка Сербіи.

Мы сдѣлаемъ обзоръ сочиненій Караджича, относящихся къ истории Сербіи.

Въ сербской литературѣ того времени былъ въ употребленіи особый родъ альманаховъ-календарей, которые, при отсутствіи журналовъ и другихъ по времененныхъ изданій, отчасти ихъ замѣняли. Первымъ издателемъ такихъ альманаховъ-календарей былъ Дмитрій Давидовичъ, бывшій редакторомъ и издателемъ Сербскихъ Новинъ въ Вѣнѣ. Въ 1817 году онъ основалъ Забавника, котораго онъ издалъ

пять книгъ въ Вѣнѣ (1815, 1816, 1819, 1820 и 1821 гг.) и затѣмъ, послѣ переѣзда въ Сербію, еще 4 книги (1833—1836 гг.). Забавникъ Давидовича состоялъ по преимуществу изъ переводныхъ произведеній для легкаго чтенія, сантиментальныхъ повѣстей, анекдотовъ, моральныхъ поученій; содержаніе Забавника было лишено народнаго характера. Первый выпускъ сербской лѣтописи, изданный Георгіемъ Магарашевичемъ, въ 1825 году имѣлъ также форму альманаха-календаря. Въ 1826 году Вукъ Караджичъ издалъ первый выпускъ своего альманаха-календаря „Даница“.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ Давидовичъ своему Забавнику, придалъ Вукъ Караджичъ своей „Даницѣ“. Первый выпускъ Даницы вышелъ въ 1826 году и затѣмъ Караджичъ выпускалъ по маленькому томику Даницы въ 1827, 1828 (въ Вѣнѣ), 1829 (въ Будимѣ) и 1834 году (въ Вѣнѣ). Въ этомъ изданіи Караджичъ поставилъ своею задачею распространять свѣдѣнія о Сербіи и ея исторіи и разъяснить вопросы, касающіеся сербской грамматики и сербскаго языка.

Всѣ статьи, вошедшия въ составъ Даницы, по своему содержанію могутъ быть раздѣлены на два отдельна: исторической и филологической или лучше грамматической.

Первый томъ этого календаря-альманаха или, какъ его называетъ самъ Караджичъ, „Забавника“ начинается статьею подъ заглавиемъ: *Почетак описанија српски манастира*. Караджичъ хотѣлъ въ своей статьѣ описать всѣ сербскіе монастыри въ трехъ отношеніяхъ: мѣстность, въ которой находится монастырь, его исторію и опредѣлить время его построенія, остатки старины, сохранившіяся въ каждомъ изъ

этыхъ монастырей: надписи, старые рукописи, находящіяся въ монастыряхъ и т. д. Караджичъ описалъ лишь десять монастырей, но его описание можемъ назвать самымъ полнымъ изъ имѣющихъ описаній сербскихъ монастырей.

Описывая монастыри Караджичъ по преимуществу обращалъ вниманіе на старые литературные памятники и записи. Въ монастырѣ Никольскомъ, находящемся въ округѣ рудницкомъ, на лѣвомъ берегу Моравы, Караджичъ первый замѣтилъ Никольское евангеліе и обратилъ вниманіе на начертаніе знака Ь, такъ какъ вопросъ этотъ въ то время его очень интересовалъ *)). Далѣе Караджичъ описываетъ монастыри *Юданью* и *Вавнесеніе*, въ то время уже опустившіе, *Преображеніе*, въ которомъ онъ нашелъ нѣсколько рукописныхъ церковныхъ книгъ **). Затѣмъ идетъ краткое описание монастырей *Благовѣщенія*, Тройцы, Введенія, Савинца и Вуяна, находящихся въ томъ же рудницкомъ округѣ.

Караджичъ, описывая эти монастыри, обращаетъ вниманіе не только на письменные памятники, сохранившіеся въ нихъ, но и на народныя сказанія и на то, какъ коснулись ихъ новыя события въ сербской жизни. Онъ записываетъ народныя преданія, относящіяся къ известной мѣстности или къ известной церкви ***). Караджичъ старается выставить па-

*) Данцида, изд. 1826, стр. 15.

**) Г. Миличевичъ воспользовался описаніемъ этихъ монастырей и мѣстности, сдѣланымъ Караджичемъ, въ Кнежевина Сербіа. См. стр. 317.

***) Напр. въ Данциѣ 1826 г. на стр. 34 переданъ слѣдующій разсказъ при описаніи монастыря Введенскаго вблизи Чачка. „Говорять, что этотъ монастырь строили святой Савва и его отецъ Симеонъ. Еще рассказываютъ, что какой-то ихъ слуга или приставъ останавливалъ

трютическую дѣятельность того или другаго лица, упомянутаго въ описаніи, какъ образецъ подражанія. Такъ онъ передаетъ разсказъ о томъ, какъ одинъ монахъ Никифоръ, возобновившій монастырь Преображеніе въ 1811 г., скопилъ много денегъ за покорону во время моровой язвы въ 1814 г. и вместо того, чтобы идти въ Іерусалимъ, какъ часто дѣлали монахи въ это время и сдѣлаться „хаци“, рѣшилъ употребить собранная имъ деньги на возобновленіе монастыря *Срътенскаю*. Вукъ Караджичъ очевидно и въ этомъ своемъ изданіи имѣлъ въ виду возбудить въ своихъ читателяхъ любовь къ родной старинѣ и указать путь для пожертвованій. Свое описание монастырей Рудницкаго округа Вукъ Караджичъ оканчиваетъ точнымъ снимкомъ одной надписи съ камня, находившагося въ селѣ „Дрвенглава“, теперь Марковицы *), въ которой сообщаются точные данные о смерти Стефана Высокаго.

Во второмъ томѣ *Даницы* (за 1827 г.) помѣщено очень интересное описание Сербіи: „Географическо-статистическо описание Србије“ (стр. 21 — 120). Тутъ Караджичъ сначала даетъ „описаніе земли“, при чемъ дѣлаетъ точное перечисленіе сель Бѣлградскаго пашалыка, выписанное имъ въ Крагуевцѣ въ 1822 году изъ правительственнаго акта. Имена сель въ Сербіи въ предыдущихъ, тогда бывшихъ еще подъ властью турокъ, онъ перечисляетъ въ *Даницѣ* за 1828 г. (стр. 222—234). Это было первое возможно-

всякую новозную съ камнами, лежавшую въ этихъ мѣстахъ, и бралъ по одному камню. Эти камни онъ собиралъ въ томъ мѣстѣ, где теперь городъ Чачакъ, и изъ нихъ построилъ церковь. А когда его спросили: что ты тутъ дѣлаешь, онъ отвѣтилъ: ето чачкамъ нешто* (—вынимай, беру). И отсюда-то и имя города Чачакъ*.

*) *Даница* за 1827, стр. 67.

полное описаніе Сербіи со стороны природы этой страны. Вторая часть описанія занята главою: *описаніе народа*. Въ ней Караджичъ даетъ понятіе о старой исторіи Сербіи, турецкомъ господствѣ, гайдукахъ, кнезахъ и кметахъ; описываетъ до- машнюю жизнь сербовъ, говоритъ о религії и школахъ. Многія свѣдѣнія, сообщенные въ этой части описанія Сербіи, вошли за тѣмъ во второе изданіе словаря. Иногда Караджичъ тутъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія для новой исторіи Сербіи. Раз- сказывая о греческихъ епископахъ и митрополитахъ, иго которыхъ надъ сербскимъ народомъ было не легче ига турецкаго, Караджичъ сообщаетъ для примѣра, какимъ образомъ одинъ греческій священникъ сдѣлался митрополитомъ Бѣлградскимъ въ 1813 году. Онъ, выманивъ обманомъ деньги у сербскихъ тор- говцевъ, сначала былъ пандуромъ у Реджепа-пashi въ Ада-Кале, послѣ былъ надсмотрщикомъ надъ со- леною торговлею, которую велъ этотъ паша съ Босніей. Въ награду за свою усердную службу ту- рецкому пашѣ, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ и „хуже грабили священство, нежели дѣлали это тур- ки“. Въ 1815 г., когда возстали сербы подъ Мило- шемъ, онъ уѣжалъ въ Боснію и послѣ чрезъ Сремъ и Банатъ отправился въ Константинополь. Карад- жичъ говоритъ о недостаткѣ образованія сербскаго духовенства, виною которого были греческіе епи- скопы. Описаніе обычаевъ и нравовъ у Караджи- ча и теперь можетъ дать весьма много интересныхъ свѣдѣній для этнографа. Караджичъ въ это время занимался составленіемъ карты Сербіи, которую однако не издалъ *).

*) Сѣзор. Muzea král. česk. za 1873, стр. 406. Шафарикъ пишеть

Что касается историческихъ статей, вошедшихъ въ составъ Даницъ, то всѣ онъ относятся къ новой исторіи Сербіи. Между біографіями виднѣйшихъ дѣятелей сербской борьбы противъ турокъ въ начаѣ текущаго столѣтія, особенно интересно „житіе Ајдук-Велька Петровића“, этого сербскаго Ахиллеса, достойнаго Гомеровскихъ пѣсенъ, помѣщенное въ Даницѣ за 1826 г. *). Въ 1829 г. Караджићъ помѣстилъ жизнеописанія нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей и героевъ сербскихъ: архимандрита Стефана Јовановича, архимандрита Хаджи-Рувима, Станка Арамбашича, Радича Петровича, Федора Бойковича, Милоя Петровича и Милоша Стойчевича, но всѣ эти жизнеописанія лишь краткія характеристики этихъ участниковъ первой борьбы сербовъ за освобожденіе. Въ нихъ Караджићъ разсказываетъ очень живо нѣсколько главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни описываемыхъ имъ лицъ и въ немногихъ словахъ характеризуетъ каждого. По своему обычаю, Караджићъ часто передаетъ ихъ слова или разговоры. Это былъ любимый способъ изложенія Караджича, отчего оно было чрезвычайно живо и получало особенный интересъ. Иногда живой анекдотъ, переданный при томъ Караджичемъ въ діалогической формѣ, вполнѣ ясно рисуетъ эпоху и отношенія лицъ и сербовъ къ туркамъ.

Изъ всѣхъ этихъ житій особенно полнотою и живостью изложенія отличается житіе гайдука Велька. Впослѣдствіи Вукъ Караджићъ задумалъ продолжать свои описанія житій сербскихъ юнаковъ вре-

въ 1825 г. Коллару: *Vuk mi píše, že právě nyní dává řezati nový mapu Serbie.*

* Стр. 70—94.

мень Карагеоргія и Милоша. Въ книгѣ „Правительствующій Совѣтъ Сербскій“, изданной имъ въ 1860 году, онъ помѣстилъ краткія біографіи Миленка Стойковича, Петра Федоровича Добрица и Ивана Юговича *), основателя „великой школы“ въ Сербіи, какъ тогда называлось училище, въ которомъ преподавалось немного больше, чѣмъ письмо и чтеніе по часослову и псалтирю. И въ этихъ „житіяхъ“ Караджичъ сохранилъ тотъ же анекдотическій характеръ, что давало ему возможность охарактеризовать въ живыхъ образахъ нравы и понятія того времени. Разсказывая о побѣдѣ сербовъ надъ турками подъ Бѣлградомъ въ 1807 г. Караджичъ, напр. вставляетъ слѣдующее описание: Сербы тогда перерѣзали много турокъ, и въ Бѣлградѣ осталось много вдовъ и дѣтей безъ куска хлѣба. Чтобы избавиться отъ нищихъ и голодныхъ, побѣдители нагрузили ими двѣ лодки, которыя и пустили по Дунаю въ сторону Турціи. Когда эти лодки подошли къ Дунайскому острову Поречу, Миленко Стойковичъ, одинъ изъ воеводъ Карагеоргіевыхъ, жившій на томъ островѣ, который имъ же былъ очищенъ отъ турокъ, остановилъ лодки, выбралъ болѣе красивыхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣвочекъ и взялъ къ себѣ,—„и такимъ образомъ устроилъ цѣлый гаремъ“.

Когда умерла у него жена, онъ женился на одной богатой вдовѣ, обѣщаю распустить гаремъ, но обѣщанія своего не исполнилъ и продолжалъ держать всѣхъ этихъ турчанокъ при себѣ. Этихъ турчанокъ онъ возилъ съ собою, а тѣхъ изъ нихъ, „которыми онъ насытился“, онъ отдавалъ замужъ за своихъ слугъ или дарилъ кому-нибудь.

*) стр. 71—92.

Этотъ разсказъ о гаремѣ одного изъ виднѣйшихъ воеводъ временъ Кара-Георгія даетъ понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя устанавливались тогда между побѣдителями, такъ долго ждавшими побѣду и свободы отъ своихъ вѣковыхъ угнетателей, и побѣженными турками.

Примѣръ турокъ, ихъ насилия, отсутствіе образованного духовенства, — можно сказать болѣе — разворачающее вліяніе фанаріотскаго высшаго духовенства, все это естественно должно было отразиться на нравственности народа, который лишь тогда получалъ возможность развиваться самостоителльно и войти въ кругъ цивилизованныхъ народовъ Европы. Извѣстно, что многие сербскіе воеводы того времени предавались такому же разгулу страстей, какъ и турецкіе паші, и что однимъ изъ обвиненій, введенныхъ на князя Милоша, было то, что онъ становился первымъ нарушителемъ чистоты семейной жизни. Караджичъ старается вполнѣ объективно изобразить эту замѣчательную эпоху политического возрожденія сербскаго народа и дать портреты ея главныхъ дѣятелей.

Затѣмъ въ Даницѣ за 1828 годъ Караджичъ помѣстилъ большую статью (136—221): „Прва година српскога војевања на даније“, которую продолжилъ въ Даницѣ за 1834 годъ подъ заглавиемъ: „Друга година српскога војевања на даније“. Въ этомъ описаніи начала сербской борьбы за независимость, которое извѣстно подъ именемъ *войны против дахиевъ*, Караджичъ описываетъ события по рассказамъ и свидѣтельствамъ очевидцевъ *). Онъ показалъ и

*) За этими статьями Н. А. Поповъ въ своей „Россія и Сербія“ признаетъ неполноту и односторонность рассказа. (Т. I, стр. 480, прим. 23).

въ этихъ статьяхъ блестящій талантъ разскажи-
ка, но вслѣдствіе этого его изложеніе не можетъ
быть названо полнымъ и всестороннимъ описаніемъ
событій, столь важныхъ по своимъ послѣдствіямъ.
За то литературная сторона этихъ историческихъ
сочиненій Караджича лишь выигрываетъ отъ живо-
сти его разсказа. Какъ мы прежде уже упомянули,
Караджичъ любилъ прибѣгать къ діалогической формѣ
разсказа, и потому весьма часто онъ приводить
разговоры и рѣчи тѣхъ или другихъ лицъ, а иногда
влагаетъ въ уста турокъ и сербовъ вообще тѣ или
другія бесѣды. Этотъ характеръ изложенія придаетъ
всему разсказу Вука Караджича о войнѣ противъ
дахіевъ єтическій тонъ. Для примѣра этого весьма
типичнаго изложенія Караджича возьмемъ одинъ
эпизодъ.

„Когда Яковъ Ненадовичъ, одинъ изъ вождей воз-
станія противъ дахіевъ, желая отомстить за смерть
своего брата Алексы, убитаго Мемедѣ-агою Фочи-
чемъ въ Вальевѣ, двинулся на Шабацъ, въ которомъ
жилъ Мусъ-ага Фочичъ, братъ Мемеда, убѣжавшаго
въ Бѣлградъ,—испуганный Мусъ-ага пишетъ пись-
мо Али-бегу Видачу въ Зворникъ, что рапа усилилась
и возстало, и чтобы потому онъ послалъ имъ
помощь, какъ и они ему посылали, въ прошедшемъ
году противъ боснійскихъ беговъ и спречанъ (Спре-
ча—мѣстность въ Босніи). Какъ только къ Али-бегу
пришло это письмо, онъ тотчасъ призвалъ своихъ
субашей и собралъ еще нѣсколько сотенъ другихъ
турокъ изъ Зворника и палаюкъ зворницкой нахіи,
и, перешедши въ Лозницу, взялъ еще нѣсколько
сотенъ сербовъ изъ Ядра,—а затѣмъ отправился въ
Вальевскую нахію. Его субаши и всѣ остальные

турки теперь въ первый разъ шли на сербовъ, словно на свадьбу отправлялись. Сеидинъ, Руянскій субаша, говорилъ въ Лозницѣ при отправлении: „вѣдь это тѣ влахи, которыхъ я встрѣчалъ по двадцати на коняхъ и подъ оружиемъ, когда они ведутъ невѣсту, а какъ только меня завидятъ, они всѣ слѣзаютъ съ коней, и закрываютъ пистолеты и ножи своими верхними платьями! Я одинъ ударю на пятьдесятъ“. А Мешанъ Авдурамановичъ, торговецъ скотомъ, отвѣчаетъ ему: „да, другъ мой, я ударю на двадцать пять“. А другіе радовались и разговаривали, какъ всякий изъ нихъ пригонитъ къ себѣ сѣрыхъ коровушекъ изъ Тамнавы и изъ Посавины или привезетъ домой много котловъ и всякой другой добычи, какъ прошлой осенью изъ Спредчи.—И вотъ вслѣдствіе подобныхъ разговоровъ пошли многіе, которыхъ никто и не звалъ. Пришли къ Вальеву, а Вальево на половину опустѣло: турки убѣжали съ женами и дѣтьми въ Боснию, — бунтъ же перешелъ въ нахію Шабацкую. Тогда турки стали говорить Али-бегу: „идемъ на влаховъ, а влаховъ ведемъ съ собою. Если теперь гдѣ нибудь вступимъ въ бой, мы не будемъ знать, отъ кого намъ слѣдуетъ защищаться: отъ тѣхъ ли, на которыхъ идемъ, или отъ тѣхъ, съ которыми идемъ, ибо влахъ—все таки влахъ; но оставимъ всѣхъ нашихъ (влаховъ) здѣсь, пусть стерегутъ Вальево“. И затѣмъ они сказали ядранамъ: „Райя! чего вы пойдете съ нами и чего вамъ мучиться? останьтесь ка здѣсь и стерегите Вальево, чтобы не напали гайдуки и не сожгли его; а мы пойдемъ къ Шабцу“. На это всѣ ядране громко закричали: „не станемъ мы сами, безъ васъ, стеречь Вальево! Мы съ вами

пошли, съ вами хотимъ идти дальше, куда вы пойдете, а въ тылу мы не хотимъ нигдѣ оставаться одни. Какъ станемъ мы тутъ сторожить чужіе дома, а гайдуки перейдутъ черезъ Церь, да сожгутъ наши?“ Тогда имъ Али-бегъ сказалъ: „Ну хорошо! если не хотите, — возвращайтесь назадъ и ступайте по домамъ“. Ядране этого лишь и ждали и вернулись назадъ, а онъ съ турками отправился въ Шабацъ“.

Такой тонъ рассказа отличаетъ по преимуществу статьи Караджича о войнѣ сербовъ съ дахіями. Какъ историческій материалъ, эти двѣ статьи Караджича о началѣ возстанія сербовъ противъ турокъ, представляютъ немаловажный интересъ для историка. Если съ одной стороны по своей формѣ и тону изложенія они походятъ на мемуары, то съ другой—какъ произведеніе человѣка, дѣйствительно даровитаго и знатока своего народа и своей новой исторіи, они даютъ отличную характеристику тому времени новой сербской исторіи, когда въ средѣ угнетеннаго и измученного рабствомъ народа являются люди, неуступающіе по силѣ характера замѣчательнѣйшимъ героямъ всемирной исторіи,—люди, создавшіе нынѣшнее княжество сербское среди необычайно трудныхъ обстоятельствъ. Эпическій тонъ рассказа придаетъ привлекательность этому описанію войны противъ дахіевъ, а эпизоды и характеристика отдельныхъ лицъ даютъ материалъ для сужденія о всей этой эпохѣ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что односторонность и неполнота рассказа выкупаются живостью и естественностью изложенія, которая даютъ всему этому произведению пера Караджича особенное значеніе и быть

можеть, лучше освѣщають эпоху, чѣмъ записки другихъ современниковъ, какъ Матвѣя Ненадовича и др.

Почти одновременно со вторымъ томомъ Даницы Караджичъ напечаталъ: Житије Ђорђија Арсенијевича Емануела (въ Будимѣ. 1827 г.). Русскій генералъ Эмануель, герой отечественной войны 1812 года, принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ и бояхъ до взятія Парижа союзниками. Онъ былъ родомъ изъ Вршца въ Банатѣ, сербъ по народности.

Когда въ половинѣ прошлаго столѣтія подъ предводительствомъ сначала Ивана Хорвата и Петра Текели, а затѣмъ Ивана Шевича и Райка Прерадовича въ южную Россію переселилось много сербскихъ семействъ изъ Австріи, гдѣ въ то время правительство покровительствовало уніаченію сербовъ, Россія сдѣлалась для сербовъ страною, въ которой многіе изъ нихъ искали возможности приложить къ дѣлу свои способности и свои знанія, вынесенные изъ университетовъ Западной Европы. Особенно много сербовъ было въ русскихъ войскахъ, въ которыхъ иные изъ нихъ достигали высшихъ званій, какъ Петръ Текели, Зоричъ, Эмануэль и мн. др. Но не только для военныхъ людей Россія представляла возможность выдвинуться: къ братскому народу спѣшили со своими знаніями и ученые сербы, дѣятели на полѣ педагогіи и науки. Имена Янковича Мирьевскаго, дѣйствовавшаго при Екатеринѣ II на полѣ русского школьнаго дѣла и ревностно помогавшаго Бецкому, Терлаича, Стойковича, бывшихъ профессорами университетовъ въ Россіи, и другихъ сербовъ, которымъ не представлялась возможность дѣйствовать на родинѣ, заслу-

живають поченія и доброй памяти со стороны русского просвѣщенія и русской науки. Живая связь между сербами и русскими, поддержанная русскою политикою и русскими войсками, имѣвшими рѣшительное вліяніе на созданіе сербскаго княжества, отражалась и на сербской литературѣ. Не было, можно сказать, ни одного сербскаго изданія, въ которомъ не было бы видно слѣдовъ знакомства съ русскою литературою и русскимъ языкомъ. Лѣтопись Матицы сербской, основанная въ 1825 году, въ каждомъ своемъ выпускѣ приносila вѣсти и критическая замѣчанія о разныхъ новостахъ въ русской литературѣ. Терлаичъ и Стойковичъ печатали свои книги по русски и по сербски, а нѣкоторыя ихъ произведенія на русскомъ языке находили свое мѣсто на страницахъ сербскихъ изданій. Такъ, рѣчь Григорія Терлаича, профессора „всемірныѧ“ исторіи, произнесенная имъ при открытии Педагогического Института въ Петербургѣ 3 января 1804, въ подлинникѣ напечатана въ Лѣтописи Сербской*). Сербскій патріотизмъ находилъ совершенно справедливо особенное удовольствіе въ томъ, что между сербами были многіе дѣятели науки и литературы у русскаго народа, и потому рождающаяся сербская литература заботливо хотѣла сохранить все воспоминанія о людяхъ, прославившихъ въ Россіи сербское имя. Въ Лѣтописи за первые годы ея существованія появляются письма Терлаича, Стойковича, печатаются краткія біографіи различныхъ сербовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ Россіи. Уже въ 1826 г. мы находимъ въ Лѣтописи „біографическая черты Феодора

*) Часть 4 за 1827 г., стр. 41—62.

Янковича отъ Миріево[“], а въ слѣдующемъ году Вукъ Караджичъ напечаталъ въ Будимѣ свою книгу: Житіе Емануела.

Вукъ Караджичъ въ этомъ случаѣ руководствовался общимъ желаніемъ того времени: показать, что и изъ среды сербскаго народа выходили люди, прославившіеся въ наукѣ и въ военномъ дѣлѣ. Этотъ трудъ Вука былъ встрѣченъ похвалою въ Сербской Лѣтописи, единственномъ повременномъ изданіи въ сербской литературѣ того времени *).

Караджичъ въ краткихъ словахъ изложилъ сначала свѣдѣнія о происхожденіи генерала Эмануэля и объ его служебной дѣятельности въ качествѣ австрійскаго офицера, а затѣмъ описываетъ его дѣятельность, какъ русскаго воина. Вукъ Караджичъ въ этомъ своемъ сочиненіи держится по преимуществу формального порядка; онъ старательно перечисляетъ всѣ битвы и сраженія, въ которыхъ отличился этотъ герой отечественной войны, а также и тѣ награды, которыя онъ получалъ за свои подвиги.

Задача, принятая на себя Вукомъ Караджичемъ, была очевидно ему не по силамъ, и сухость изложенія не дѣлаетъ этотъ его трудъ интереснымъ. Жизнь русскаго генерала мало представляла эпического материала для Караджича, который лишь въ томъ случаѣ, когда приходилось описывать понятную ему жизнь и дѣятельность сербскихъ юнаковъ, умѣль дать своему перу художественность. Въ этомъ сочиненіи Караджичъ прежде всего сербъ-патріотъ, гордый славою русскаго генерала, серба по проис-

*) Сербске Лѣтописи за 1827 г. ч. 9, стр. 179—182.

хожденію, и берегущій эту славу. Онъ не могъ не остановиться подробнѣе на разсказѣ о томъ, какъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ генералъ Эмануэль взялъ въ плѣнъ Лористона и представилъ своего пленника Александру I. „Блюхеру и тогда, и послѣ было очень непріятно, что Лористонъ не былъ прежде представленъ ему, чтобы онъ, какъ главнокомандующій этой арміи, представилъ его царю“), замѣчаетъ Караджичъ и въ этомъ видитъ причину того, „что Блюхеръ выпустилъ изъ своей реляціи этотъ важный и достойный памяти случай, и что до сихъ поръ онъ не описанъ и не разъясненъ, какъ слѣдуетъ“ *). Біографія Эмануеля принадлежитъ къ болѣе слабымъ произведеніямъ Вука Караджича, талантъ котораго искалъ матеріала въ описаніи иной жизни, иной дѣятельности, чѣмъ жизнь одного изъ генераловъ русской арміи.

Иное значеніе имѣть описаніе жизни князя Милоша, вышедшее сначала по русски въ Петербургѣ въ 1825 подъ заглавиемъ: Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, а затѣмъ въ 1828 г. оно появилось въ Будимѣ въ дополненномъ видѣ и по сербски: „Милош Обреновић, кнѧзь Сербіи; или грађа за Српску Историју нашега времена“.

Русское изданіе этого труда Караджича представляетъ переводъ, сдѣланный съ нѣмецкаго перевода біографіи князя Милоша, написанной Вукомъ Караджичемъ. Переводъ этотъ сдѣланъ Михаиломъ Германомъ, которому рукопись попала въ руки въ Петербургѣ „особеннымъ образомъ“, по свидѣтельству самого Вука Караджича **). Жизнеописанію

*) Житіе Георгія Арсеньевича Эмануеля стр. 54.

**) Вуковъ одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку, стр. 33.

князя Милоша предпослано введеніе, въ которомъ въ самыхъ краткихъ словахъ дается понятіе о старой сербской исторіи и сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Кара-Георгія. Когда появилась краткая рецензія этого труда Караджича въ Библіографическихъ Листахъ (№ 27) Кеппена, Лѣтопись сербская послѣдила перепечатать ее и задала вопросъ Вуку Караджичу, почему онъ не напечаталъ своего труда по сербски *). Вукъ отвѣтилъ на этотъ вызовъ обѣявлениемъ, что онъ вскорѣ приступитъ къ печатанію этого сочиненія по сербски. Георгій Магарашевичъ, бывшій въ это время редакторомъ лѣтописи, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы Вукъ Караджичъ пополнилъ свое сочиненіе изложеніемъ событий въ Сербіи съ 1821 по 1827 годъ и чтобы авторъ обратилъ большее вниманіе на изображеніе „бѣдъ, подвиговъ и геройства народа“, заслужившаго уваженіе всей христіанской Европы **).

Вслѣдъ за этимъ вышла книга: „Милош Обреновић или грађа за српску Историју нашега времена“, которая отличается отъ русскаго изданія тѣмъ, что согласно съ желаніями, высказанными въ лѣтописи, описанія событий продолжены до 1827 года, а біографіи князя Милоша предшествуетъ изложеніе главныхъ событий съ того времени, на которомъ остановился Раичъ въ своей „Историји славенскихъ народовъ“, т. е. со времени уничтоженія сербскаго патріаршества въ 1765 г. Турками по интригамъ Грековъ. Караджичъ при этомъ ссылается на свою статью въ „Данициѣ“ 1827 г., въ которой онъ опи-

*) Лѣтоп. Мат. Серб. Ч. 9, стр. 170.

**) Лѣтоп. Мат. Серб. Ч. 11, стр. 157.

саль положеніе Сербовъ до возстанія Кара-Георгія и войны противъ дахіевъ.

Какъ русское, такъ и сербское изданіе въ сущности представляетъ одно и тоже въ главной своей части, въ жизнеописаніи князя Милоша. Впослѣдствіи отвѣчая на нападки Светича, будто онъ хотѣлъ возвысить князя Милоша насчетъ Кара-Георгія и умалить значеніе Кара-Георгія *), Караджичъ благородно замѣчаетъ: „плохи тѣ друзья Кара-георгіевы, которые думаютъ, что Кара-Георгія нельзя хвалить, не осуждая Милоша, какъ и Милошевы, которые думаютъ, что нельзя хвалить Милоша, не обвиняя Кара-Георгія“ **). И дѣйствительно Вукъ Караджичъ старался въ своемъ жизнеописаніи Милоша держаться объективнаго изложенія, на сколько это ему было возможно, если принять во вниманіе уже устанавливающіяся дружескія связи между нимъ и княземъ Сербіи, устроителемъ своей страны. Караджичъ рассказывалъ въ немъ о событияхъ изъ жизни Милоша, какъ предводителя сербовъ во второмъ ихъ возстаніи. Онъ его изобразилъ не только какъ героя и сербскаго юнака, но и какъ мудраго политика, умѣвшаго угадать планы Турокъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ и рас也算ать средства защиты и выгоды уступокъ. Князь Милошъ въ описаніи Караджича—народный герой, у котораго лишь одна цѣль: благо народа, во главѣ котораго онъ сталъ на защиту народныхъ правъ на свободу и жизнь. Этотъ характеръ жизнеописанія князя Милоша придаетъ конечно односторонность самой книги.

*) Србскій Улакъ, № 5, стр. 20.

**) Вуковъ одговоръ на лажи и т. д., стр. 31.

Живое лицо этого геніального человѣка скрывается за фактами, важными въ исторіи Сербіи, и въ біографіи, написанной Караджичемъ, мы не находимъ изображенія Милоша, какъ человѣка и семьянина. Вѣроятно въ виду тогда начавшихъ раздаваться жалобъ на самоволіе и жестокость мѣръ, принимаемыхъ Милошемъ для уничтоженія своихъ противниковъ и усиленія своей власти, а также намѣреній Милоша добиться признанія княжескаго достоинства для своего рода и наслѣдственности его династіи на престолѣ Сербіи, Караджичъ старается представить князя Милоша умнымъ правителемъ, который хотѣлъ „господствовать надъ людьми, преимущественно посредствомъ кротости, благоразумія и справедливости“ и тѣмъ отличался отъ многихъ другихъ, которые „вліяніемъ страха и ужаса старались одерживать верхъ“ *). Эта тенденція, проведенная въ книгѣ Караджича, не дозволила ему указать и тѣ случаи изъ жизни Милоша, когда онъ нисколько не отличался отъ тѣхъ, которые „вліяніемъ страха и ужаса старались одерживать верхъ“. Мѣры супроводы, принимаемыя княземъ Милошемъ, правда, находили свое оправданіе въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ приходилось ему действовать, но біографъ князя Милоша, при его жизни, могъ считать неудобнымъ повѣствованіе о нихъ. Это сочиненіе Караджича важно по тѣмъ фактамъ, которые изложены въ немъ съ достаточнou ясностью и полнотою, и потому имъ пользовались почти всѣ главнѣйшиe историки и описатели Сербіи. Эта же книга легла въ основу извѣст-

*) Русское изд. стр. 8 и 9. Сербское изд. стр. 50.

наго сочиненія Ранке о „Сербской революції“. Главная разница между русскимъ и сербскимъ изда-
ніемъ жизнеописанія князя Милоша заключается въ
томъ, что русское отличается характеромъ легитим-
ности. Эта легитимность, которой Караджичъ хотѣлъ оградить Сербовъ отъ обвиненія въ бунтѣ,
зависѣла впрочемъ и отъ положенія русской печати
въ 1825 году.

Караджичъ является талантливымъ рассказщикомъ,
который умѣлой кистью рисуетъ читателю картину за
картиною тогдашихъ страданій сербскаго народа. Въ
уста отдѣльныхъ лицъ, а иногда и „народа“ Ка-
раджичъ влагаетъ рѣчи, отчего его изложеніе отли-
чается живостью. Художественность и живость кар-
тинь и изложенія дѣлаютъ это сочиненіе однимъ
изъ самыхъ замѣчательныхъ сербскихъ произведеній
этой эпохи.

Къ этому времени жизни и дѣятельности Вука
Караджича относится и его знакомство съ Леополь-
домъ Ранке, который прѣѣжалъ въ Вѣну на вѣкоторое
время въ 1828 г. Ранке разспрашивалъ его о Сербіи и,
по свидѣтельству Срезневскаго *), почти ежедневно
сходился съ нимъ. Караджичъ разсказывалъ ему о Сер-
біи, ея нравахъ и событияхъ, создавшихъ сербское
княжество. Сверхъ того онъ передалъ ему нѣсколько
сербскихъ документовъ, которыми и воспользовался
Ранке для книги, имъ тогда задуманной. Въ 1829
году онъ напечаталъ въ Гамбургѣ сочиненіе кото-
рому далъ слѣдующее заглавіе: „Die Serbische Re-
volution, aus Serbischen Papieren und Mitthei-
lungen“.

*) Братская Помощь, стр. 353.

Ранке въ своемъ труда „Serbien und die Türkei“ *), упоминая о томъ, что въ основу его первого сочиненія о Сербіи легли разсказы Вука, замѣчаетъ, что всякое слово въ этомъ труда подтверждалъ Вукъ свидѣтелями очевидцами, такъ что этимъ достигалась полная достовѣрность. Ранке ставить въ заслугу Караджичу и собиралие материаловъ, какъ для первого, такъ и для втораго изданія своей книги. Съ этихъ поръ завязались дружескія связи между Караджичемъ и Ранке. Ранке говоритъ, что лишь *составленіе **)* книги принадлежитъ ему, а потому онъ послалъ Вуку половину вырученныхъ книгопродавцемъ денегъ отъ продажи его книги. Въ 1830 году, когда Вукъ Караджичъ былъ въ Бѣлградѣ, Ранке пишетъ ему изъ Рима ***), вспоминая время, проведенное ими въ Вѣнѣ, и просить, чтобы Вукъ описалъ для него, „если возможно, по нѣмецки“ событія послѣ 1827 г. Въ 1833 году Ранке убѣждаетъ Караджича въ своемъ письмѣ описать боснійскія дѣла, тогда привлекшія къ себѣ внимание Европы****). Какъ известно, въ 1831 году во всей Босніи вспыхнуло возстаніе, подъ предводительствомъ Гуссейна-капитана, прозванаго Боснійскимъ змѣемъ. Это движение въ Босніи навело Ранке на мысль послѣдовательствовать Вуку написать рядъ статей о Босніи, которая Ранке хотѣлъ самъ напечатать въ журналѣ. Онъ, зная стѣсненное материальное положеніе Вука, обѣщалъ доставить ему гонораръ, вдвое

*) Serbien und die Türkei in neunzehnten Jahrhundert, von Leopold von Ranke. Leipzig. 1879.

**) Ibidem: Die Fassung blieb mir überlassen. Стр. V.

***) Србадија 1875, стр. 43.

****) Ibidem.

большій, чѣмъ былъ полученъ за „die Serbische Revolution“. И вотъ въ 1834 г. является статья въ Historisch Politische Zeitschrift (2-te Lieferung) подъ заглавиемъ: „Ueber die letzten Unruhen in Bosnien“ *).

Такимъ образомъ, при посредствѣ Вука Караджича, свѣдѣнія въ Германіи о Сербіи и Босніи распространились, что Вукъ Караджичъ съ полнымъ правомъ ставилъ себѣ въ заслугу. Когда Светичъ въ Сербскомъ Улакѣ, нападая на Караджича, между прочимъ замѣтилъ, что Вукъ „свое пристрастіе (къ князю Милошу) прикрылъ авторитетомъ знаменитаго историка Леопольда Ранке“, и что онъ своими неосновательными сообщеніями обианывалъ ученыхъ людей и остальной свѣтъ **), Вукъ Караджичъ такъ отвѣчаетъ на эту злобную выходку приверженца Карагеоргіевича: „когда я въ Даницахъ за 1828 и 1834 годъ писалъ о началѣ бунта противъ дахіевъ, не было мнѣ дѣла до того, чтобы кого нибудь высить или унизить, не думалъ я ни о какой наградѣ, кромѣ радости, что пріобрѣту заслугу у народа; и поэтому-то я писалъ, согласно съ тѣмъ, что слышалъ и что провѣрилъ распросами. Въ сочиненіи же Сербской Революціи вмѣстѣ съ г. Леопольдомъ Ранке, равно какъ и многихъ другихъ моихъ произведеній, у меня было лишь единое намѣреніе—познакомить Европу съ нашимъ народомъ,—говоря прямо: польза и слава народа нашего; и если бы по какому нибудь счастію сербское правительство назначило комиссию изъ беспристранныхъ и въ этомъ дѣлѣ

*) Эта статья напечатана вновь въ Serbien und Tûrkei—Ranke, стр. 283—327 подъ заглавиемъ: Bosnien in seinem Verhältniss zu den Reformen des Sultans Mahmud II.

**) Сербскій Улакъ, за 1843, стр. 19.

знающихъ людей, чтобы они пересмотрѣли эту книгу, я вполнѣ надѣюсь, что оказалось бы, что я и Ранке ѿ заслужили награду отъ сербскаго народа, кто бы ни былъ его государемъ“ *).

И такъ Вукъ Караджичъ заботился о томъ, чтобы слава и имя Сербскаго народа, такъ недавно совершило неизвѣстнаго въ Европѣ, забытаго въ теченіе столѣтій, пріобрѣли сочувствіе къ новому создававшемуся княжеству. Въ этомъ отношеніи Вукъ Караджичъ сдѣлалъ едвали не больше, чѣмъ кто нибудь другой изъ писателей сербскихъ до и послѣ него.

Исторія сербской революціи, написанная Ранке, сдѣлала свое дѣло, и въ слѣдъ за нею появились труды Поссарта, Тала, Рихтера, Ами Буэ и др., ознакомившие Европу съ Сербіей. Что касается Поссарта, то его трудъ *Das Leben des Fürsten Milosch* (1828 г.) представляетъ переводъ книги Караджича. Ami Boué также пользовался или сочиненіями, или разсказами **) Вука Караджича для своего большаго сочиненія о Турціи, хотя онъ самъ обѣ этомъ не упоминаетъ.

Такимъ образомъ на историческія произведенія Вука Караджича можно смотрѣть, какъ на начало извѣстности самого сербскаго народа въ Европѣ, которая до Караджича весьма мало насчитывала сочиненій, въ которыхъ бы говорилось о Сербіи и Сербскомъ народѣ. Ранке внесъ въ исторію Сербской революціи, написанной по разсказамъ Караджича, „широкій историческій взглядъ“, — но художе-

*) Одговор на лажи и т. д., стр. 25—26.

**) Срезнев., стр. 353.

ственность рассказа Ранке принадлежитъ Вуку Караджичу *). Что касается языка всѣхъ историческихъ трудовъ Караджича, то онъ можетъ быть названъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это совершенно оригинальная проза, которою до него никто не писалъ, и простота рассказа, часто напоминающаго эпической тонъ сказки, дѣлаютъ эти произведенія Караджича одними изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей сербской литературѣ.

Въ 1829 году Вукъ Караджичъ посѣтилъ Сербію, и къ этому времени относится его дѣятельность въ комиссіи для составленія законовъ для Сербіи. „Въ началѣ 1830 г., по порученію князя Милоша, такъ разсказываетъ Караджичъ **), пришелъ ко мнѣ Яковъ Якшичъ и сказалъ, что господарь уполномочилъ его условиться со мною на счетъ платы за участіе въ коммиссіи для составленія законовъ“. Караджичъ сначала отказывался отъ участія въ этой комиссіи, но на настоятельный требованія князя — онъ согласился и просилъ по 600 талер. въ годъ ***) и разрѣшенія отправиться въ Вѣну или куданибудь въ другое мѣсто, гдѣ онъ найдетъ нужнымъ, чтобы тамъ онъ могъ воспользоваться указаніями юристовъ, причемъ законы должны были бы быть написаны „согласно съ народными обычаями и судебными установлениями“- Но князь Милошъ на это не согласился, и Дмитрій Давидовичъ, секретарь князя, передалъ Вуку, что законы должны составляться въ Крагуевцѣ и притомъ по кодексу Наполеона. Тогда Караджичъ, который былъ принужденъ приняться

*) Н. Поповъ думаетъ иначе, см. Россія и Сербія, т. I, стр. 492.

**) Одговор на лажи и пр., стр. 14, 15.

***) Около 3,000 франковъ.

за это дѣло, не отвѣчающе его способностямъ и знаніямъ, объявилъ, что онъ „прибылъ не въ какую-нибудь чужую державу, чтобы служить изъ-за денегъ, но въ свое отечество“, и что онъ „просить лишь столько, чтобы могъ жить, удовлетворяя всѣ свои нужды“. Всльдъ затѣмъ ему было назначено 35 тал. въ мѣсяцъ, и Караджичъ сталъ заниматься составленіемъ сербскихъ законовъ. Но вскорѣ онъ былъ назначенъ президентомъ бѣлградскаго магистрата и перебѣхалъ изъ Крагуевца въ Бѣлградъ.

Въ комиссіи для составленія законовъ принимали участіе, кромѣ Вука Караджича, Георгій Протичъ, протоіерей Жуевичъ, Лазарь Теодоровичъ и Лазарь Зубанъ. Покоряясь волѣ князя Милоша, требовавшаго отъ этихъ лицъ составить законы, они выбрали законникъ Наполеона, какъ лучшій, по слухамъ. „Мы слышали, что французскіе законы самые свободные“, разсказывалъ впослѣдствіи Лазарь Зубанъ Іовану Хаджичу (Светичу), приглашенному княземъ Милошемъ въ Сербію для составленія законовъ въ 1837 году *). Никто изъ этихъ составителей законовъ для Сербіи не былъ юристомъ по образованію и не зналъ настолько французскаго или нѣмецкаго языка, чтобы переводить Code Napoleon на сербскій **). Дѣло составленія законовъ при такомъ положеніи вещей, конечно не могло идти впередъ, и Караджичъ постарался освободиться отъ этой обязанности.

*) Огледало србско одѣ д-ра Іована Хацића. 1864, стр. 37. Россія и Сербія, Н. Попова, I, 239.

**) Переводъ дѣланъ былъ съ нѣмецкаго (Утук II Светича, стр. 10 и 11).

Проживъ въ Сербія съ половины 1829 г. до конца 1831 г., Вукъ Караджићъ близко присмотрѣлся къ управлению Сербіи княземъ Милошемъ. Самовластный характеръ Милоша дѣлалъ его тираномъ въ земль. Князь Милошъ, въ это время признанный уже наследственнымъ княземъ, по хаттишериfu 1830 года, хотѣлъ уничтожить и всякую возможность оппозиціи со стороны высшихъ чиновниковъ и помощниковъ его въ прежнія трудныя времена, которые претендовали также на власть и значеніе. Онъ смотрѣлъ въ это время на Сербію въ сущности, какъ на свое помѣстье. Народъ былъ недоволенъ княземъ за то, что онъ заставлялъ его дарбмъ работать въ своихъ имѣніяхъ, будто на государственныхъ работахъ, чиновники не были ничѣмъ обезпечены, потому что князь могъ всегда самовольно уволить и перемѣстить всякаго изъ нихъ, а имѣніе у нихъ отобрать, торговый людъ былъ недоволенъ тѣмъ, что самъ князь ведетъ торговлю и стѣсняетъ разными мѣропріятіями ихъ торговыя дѣла. Вукъ Караджићъ, искренно преданный князю Милошу, близко видѣлъ это печальное положеніе дѣлъ въ Сербіи и желалъ указать князю истинныя его причины. Онъ переехалъ въ Землинъ, откуда написалъ князю Милошу весьма пространное и искреннее письмо, 18 апреля 1832 года *). Письмо это показываетъ, что Караджићъ во многомъ перемѣнилъ свое мнѣніе о правителѣ Милошѣ, сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ думалъ о немъ, издавая его жизнеописаніе въ 1828 году. Весь произволъ самовольства Милоша, хотя гениального человѣка, но страсти котораго ничѣмъ

*) Србскій Улакъ 1843 года, №№ 6, 7, 8, 9.

не были обуздываемы, нашелъ свою оцѣнку въ этомъ историческомъ письмѣ Вука Караджича. Тонъ письма отличается замѣчательною искренностью и прямотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеризуетъ глубокую преданность Караджича князю, устроителю Сербіи.

Перечисляя всѣ недостатки правительства князя Милоша, указывая общее недовольство княземъ, которое можетъ повести къ самымъ гибельнымъ результатамъ для него же, Караджичъ въ то же время указываетъ и мѣры для лѣченія, и способы, какими бы князь могъ исправить все дурное въ своей землѣ. Между этими мѣрами, необходимыми, по мнѣнію Вука, для развитія Сербіи и забытыми Милошемъ, Караджичъ говоритъ о необходимости устроить школы. Онъ говоритъ, что въ 1820 г. онъ прїѣзжалъ въ Сербію именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побудить князя устроить въ Сербіи школы. Онъ предлагалъ князю выбрать нѣсколько молодыхъ людей сербовъ и для нихъ устроить великую школу, въ которой бы они въ теченіе трехъ лѣтъ учились всеобщей исторіи, географіи, статистикѣ, сербской грамматикѣ, ариѳметикѣ, немного реторикѣ, законо-вѣдѣнью и логикѣ, немного естественной исторіи и физикѣ и т. д. *). Онъ тогда же предлагалъ болѣе способныхъ изъ учениковъ этой великой школы, послѣ окончанія въ ней курса, послать въ Европу для изученія высшихъ наукъ и иностранныхъ языковъ. Караджичъ задумывалъ составить спеціально для князя Милоша нѣсколько книгъ и научить его читать и писать, но какъ извѣстно, князь Милошъ умеръ, не научившись ни тому, ни другому.

*.) Гроб. Улакъ, стр. 30.

Въ 1830 году, по его настоянию, былъ вызванъ въ Сербію Исаиловичъ, „чтобы началась Великая школа“, но безъ помощи и поддержки правительства она не могла имѣть успѣха. Караджичъ указываетъ необходимость устроить три такихъ школы: въ Шумадіи, на югѣ за Моравою и на сѣверѣ за Колубарою, а также и одну гимназію, а вѣтъ постепенно лицей и университетъ. „Но кто все это устроитъ?“ спрашиваетъ Караджичъ. Признавая Исаиловича однимъ изъ самыхъ ученыхъ и способныхъ, Караджичъ замѣчаетъ, что для такого дѣла въ Сербію необходимо было бы вызвать нѣсколько хорошихъ ученыхъ такихъ, „какъ Шафарикъ или Ранке“. „Но, продолжаетъ онъ, пока въ Сербіи не установится и не утвердится правительство, до тѣхъ поръ не легко будетъ привлечь подобныхъ людей въ Сербію“.

Караджичъ въ то время находилъ еще нужнымъ доказывать князю Милошу, что ученые люди всего лучше покоряются власти, что несправедливы обвиненія, будто они поднимаютъ бунтъ противъ правительства, и что для хорошаго управлѣнія землей необходимы образованные люди.

Это указаніе Караджича на необходимость учредить въ Сербіи школы обратило на себя вниманіе князя Милоша, и въ 1832 году стала устраиваться гимназія въ Крагуевцѣ, а по рѣвизіи „Директора всѣхъ школъ“ Петра Радовановича въ 1836 году оказалось, что всѣхъ народныхъ училищъ въ Сербіи 72 съ 2514 учениками *).

Само собою разумѣется, послѣ такого письма къ князю Милошу, Караджичъ не могъ вернуться въ

*) Гласник, IX, стр. 166.

Сербію; но съ другой стороны и австрійское правительство не хотѣло позволить ему оставаться въ Землинѣ. Оно стало требовать, чтобы онъ удалился за границу, и лишь послѣ многихъ просьбъ, которыхъ Караджичъ посыпалъ въ Вѣну, ему было приказано сначала перѣхать въ Пештъ, а послѣ разрѣшено поселиться въ Вѣнѣ, куда онъ и перѣхалъ вскорѣ со всей семьей.

Это письмо Вука Караджича къ Милошу впослѣдствіи было для него причиною многихъ непріятностей, и именно съ той стороны, откуда меньше всего онъ могъ ихъ ожидать. Въ 1843 году, когда сербскіе властолюбцы удалили Обреновичей съ престола княжества и возвели на него Александра Карагеоргіевича, одинъ изъ литературныхъ враговъ Караджича, Светичъ, напечаталъ письмо Караджича къ князю Милошу въ газетѣ *Србскій Улакъ*, которая издавалась на двухъ языкахъ: сербскомъ и нѣмецкомъ, приложивъ при этомъ свои замѣчанія. Дѣло въ томъ, что Караджичъ, который пріѣзжалъ въ Сербію въ 1839 году хлопотать, чтобы ему продолжена была пенсія, препроводилъ черезъ Іована Гавриловича копію съ этого письма въ Совѣтъ и „въ намѣстничество княжескаго достоинства“ *), сопровождая ихъ письмомъ **), въ которомъ говорить, что онъ пересыпаетъ копію съ того письма, о которомъ всюду много говорилось, въ виду того, что едвали кто-нибудь имѣлъ оригиналъ или точную копію его письма „бывшему князю Сербскому Милошу Обреновичу“. Въ этомъ же своемъ письмѣ въ совѣтъ

*) Одгов. на лажи, и т. д.; стр. 23.

**) Утукъ II Светича, стр. 15—16.

онъ благодаритъ его за продолженіе пенсіи. Вследствіе этого, Светичъ обвинилъ Караджича, что онъ втімъ хотѣлъ снискать себѣ благоволеніе со стороны Совѣта, тогда враждебно расположеннаго къ династії Обреновичей и въ особенности къ князю Милошу.

Нельзя отрицать, что это обвиненіе лицено основаній. Караджичъ вообще принадлежалъ къ числу людей, которые не умѣютъ справляться со своими практическими дѣлами, и потому почти всегда нуждался, несмотря на ту помощь и поддержку, которую ему почти постоянно оказывали князь Милошъ и его сынъ князь Михаилъ.

По свидѣтельству Іована Гавриловича *), одного изъ искреннихъ друзей Вука Караджича, князь Милошъ далъ Вуку 2000 гульденовъ въ 1824 году за одну рукопись, которой была послѣ напечатана на сербскомъ и въ Петербургѣ на русскомъ языкахъ. Эта „одна рукопись“ — вѣроятно было жизнеописаніе князя Милоша, въ которомъ Милошъ былъ представленъ, какъ герой и мудрый политикъ, и въ которомъ Караджичъ не считалъ, по весьма естественнымъ причинамъ, удобнымъ отмѣтить темныя стороны его характера и дѣятельности.

Въ 1835 году указомъ князя Милоша Вуку Караджичу назначена была пенсія, наравнѣ съ другими заслуженными лицами въ Сербіи **). Сначала эта пенсія была 150 талеровъ въ годъ, но послѣ увеличена до 400. Правительство Карагеоргіевича вѣсколько лѣтъ удерживало эту пенсію, которая и была

*) Гласник, XXXIII, стр. 270.

**) Српске Новине 1835, № 10, стр. 70.

выдана Вуку, лишь съ возвращенiemъ князя Милоша на сербскій престолъ, въ 1859 году.. Кромѣ того во время изгнанія Обреновичей изъ Сербіи Караджичъ получалъ специальную субсидію въ 600 талировъ, что составляло въ то время довольно значительную сумму. Сверхъ того въ трудное время Вукъ Караджичъ находилъ помощь у всѣхъ сербскихъ патріотовъ. Такъ, находясь въ самомъ затруднительному материальному положеніи послѣ своего отъѣзда изъ Сербіи въ 1832 году, онъ получилъ субсидію во 100 гульденовъ отъ сербской общины изъ Триеста, которая при томъ обѣщала помочь ему и впредь, если его трудъ будетъ также полезенъ и въ будущемъ.

Изъ Вѣны, Вукъ Караджичъ ѿздили въ 1833 году въ Петербургъ, где встрѣтился съ Петромъ II, владыкою Черногорскимъ, котораго онъ тогда узналъ впервые *).

Въ 1834 году Вукъ Караджичъ въ первый разъ посѣтилъ адриатическое приморье, бывъ въ Бокѣ Которской, Дубровникѣ и Черногоріи. Здѣсь онъ велъ свои записки о странѣ и людяхъ, обычаяхъ и правахъ черногорцевъ. Въ Черногоріи въ эту свою поѣздку онъ провелъ болѣе мѣсяца и былъ въ нахіяхъ Катунской, Рѣчкой и Черничкой. Отрывокъ своихъ записокъ, въ которыхъ онъ описываетъ отношенія черногорцевъ къ туркамъ, онъ послалъ въ Штутгартъ къ Коттѣ, который и напечаталъ его въ журнальѣ *Ausland*, **). Затѣмъ при помощи одного нѣмца, Вукъ сдѣлалъ переводъ своихъ записокъ, который

*) Миличевичъ. Кнежевина Србија, стр. 552.

**) Срезнев. 352.

также послалъ Коттѣ. Этотъ издатель Ausland'a, найдя статью достаточно большой, выпустилъ ее отдельной книгой подъ заглавиемъ Montenegro und die Montenegriner (Stuttgart und Tübingen 1837 г.), какъ отдельный томъ собранія: Reisen und Länderbeschreibungen. Караджичъ впослѣствіи предполагъ переработать этотъ свой трудъ и издать его по-иѣмецки, но этого онъ не сдѣлалъ.

Остается указать еще одно историческое произведеніе Караджича: „Правительствующій совѣтъ Сербскій за времена Кара-Георгіјева“, вышедшее въ Вѣнѣ въ 1860 году. Это сочиненіе Караджича принадлежитъ къ числу болѣе слабыхъ. Въ немъ онъ мало касается дѣятельности совѣта, но за то сообщаетъ много интересныхъ данныхъ для исторіи правлѣнія Кара-Георгія и его отношеній къ тогдашнимъ сербскимъ старѣйшинамъ. Причина, почему Караджичъ не описалъ дѣятельности совѣта, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по заглавію брошюры, лежитъ единственно въ самомъ характерѣ дарованій Караджича: онъ былъ разсказчикъ, не историкъ, и понятно, что исторія отношеній Кара-Георгія къ разнымъ лицамъ давала много материала для таланта Караджича, между тѣмъ какъ описание дѣятельности совѣта требовало отъ писателя совершенно другихъ качествъ.

Къ этому сочиненію Караджичъ приложилъ нѣсколько краткихъ біографій замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ Кара-Георгія, какъ уже было указано выше *).

*) Эта книга Караджича подала поводъ къ полемикѣ. Въ Сербскихъ Новинахъ за 1860 г. № 96 нѣкто напечаталъ статью, въ которой обвинилъ Караджича въ неточности и оскорблении национального

4.

Издание Караджича болгарскихъ словъ и юссея, и его замѣчанія о болгарской ореографіи. Статьи филологического содержанія въ Даницахъ. Литературный споръ Караджича со Светичемъ-Хаджиичемъ. Сербская Матица и ея отношеніе къ дѣятельности Караджича. Издание „Опыта Сличноречности“ Луки Милованова и замѣчанія Караджича о сербскомъ удареніи и размѣрахъ сербскаго стиха. „Примѣръ српско-славенскаго језика“. Второе изданіе словаря. Отношеніе сербскаго правительства къ вуковицѣ. Переводъ Новаго Завѣта.

Обратимся къ исторіи трудовъ Караджича, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ объ установлениіи сербскаго литературнаго языка и сербской ореографіи, а также къ его спору съ Хаджиичемъ.

Еще въ 1822 году Караджичъ издалъ „Додатак къ санктпетербургскимъ сравнительнымъ речницамъ свију језика и марјеција съ особитимъ огледаломъ бугар-

чувства Сербовъ сообщеніемъ такихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о грубости нравовъ помощниковъ Кара-Георгія. На эту неподписанную никѣмъ статью было написано возраженіе, подписанное Г. В. и появившееся въ №. 114 и 117 этой же газеты, защищавшее Вука Караджича; но на некоторые пункты этой статьи єдальъ свою замѣчанія тогдашний редакторъ Сербскихъ Новинъ г. Миличевичъ. Тогда Караджичъ отвѣтилъ на этотъ споръ брошюрою: Одбрана од ружења и жуђења, въ которой, опираясь на авторитетъ Каракаша, сказавшаго въ предисловії къ своей исторіи государства Россійскаго, что „исторія посвящена только истинѣ“, доказываетъ, что правдивый разсказъ о фактахъ, хотя бы и представляющихъ свой народъ въ мрачныхъ краскахъ (какъ напримѣръ, о томъ, какъ сербы, давъ честное слово туркамъ выпустить ихъ изъ Сѣници, начали на нихъ и стали рѣзать, лишь только тѣ стали выходить изъ укрѣплений,—или о безнравственномъ поведеніи Милена, занявшаго островъ Поречь),—есть необходимое условіе всякаго историческаго сочиненія. Въ этой же статьѣ Караджичъ отвѣчаетъ на извѣстное сужденіе о немъ Гильфердинга, перепечатанное въ Сербскомъ Огледалѣ Хаджича въ 1864 г.

ског језика“ *), въ которомъ въ первый разъ было напечатано иѣсколько болгарскихъ пѣсень. Въ этомъ прибавлениіи къ Аделунгову словарю Караджичъ напечаталъ 273 болгарскихъ слова, сблюдая ихъ точное произношеніе, но употребивъ свою ореографію и для болгарского языка. Что касается болгарскихъ пѣсень, то одну Караджичъ напечаталъ еще во второй своей „пѣснарицѣ“, и Копитаръ, разбирая эту книгу, выразилъ желаніе, чтобы всѣ собранныя Вукомъ болгарскія пѣсни, которыхъ было больше двадцати, были имъ напечатаны въ скоромъ времени **). Караджичъ записывалъ эти пѣсни въ Вѣнѣ отъ одного болгарины изъ Разлога и хотѣлъ пропеть, такъ ли онъ поются, какъ ему было сообщено, а также снабдить ихъ акцентами. Всѣ болгарскія пѣсни, напечатанныя имъ въ „Додаткѣ“ (числомъ 27), между которыми есть и двустишия, принадлежать къ числу женскихъ. Къ нимъ присоединила Караджичъ отрывокъ перевода евангелия на болгарскій языкъ, сопоставивъ соответствующее мѣсто въ сербскомъ переводѣ, и небольшой „поговор“, въ которомъ онъ дѣлаетъ иѣсколько замѣчаній о фонетикѣ и грамматикѣ болгарского языка. Считая свою систему ореографіи лучшей, Караджичъ замѣчаетъ о необходимости ј для болгарской азбуки, а также и о выговорѣ ю и ю въ болгарскомъ языкѣ. Онъ даетъ образцы склоненія личныхъ мѣстоименій и спряженія глаголовъ. Но всѣ эти замѣчанія о болгарскомъ языкѣ относятся лишь къ языку той

*) У Бечу 1822. „Додатак“ составлялъ приложenie къ Серб. Новин. за 1821 г., № 102, за 1822 г. №№ отъ 2-го до 12-го.

**) Kleinere Schriften Kopitar’s, стр. 349.

мѣстности, откуда происходилъ болгаринъ, со словъ котораго Караджичъ записалъ эти пѣсни.

Эти замѣчанія о болгарскомъ языкѣ представляютъ лишь историческій интересъ, какъ первое извѣстіе, но и въ нихъ Караджичъ умѣлъ показать свою чуткость въ анализѣ формъ и звуковъ языка.

Стараясь систематизировать свѣдѣнія о сербскомъ языкѣ и провести точный предѣлъ между сербскимъ и церковно-славянскимъ языками, Караджичъ въ Да-ницѣ за 1826 годъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: Главне разлике између данашњега славенскога и српског језика *). Она распадается на двѣ ча-сти: во 1) на разницу въ словахъ и 2) въ граммати-кѣ. Въ первой части Караджичъ указываетъ особен-ности сербскаго произношенія *а* и его замѣны въ серб-скомъ языкѣ *е*. Въ этой особенности произношенія *а*, какъ *е*, Караджичъ видѣтъ особенно старую чер-ту сербскаго или „южно-славянскаго“ языка, черту, которая нисколько не моложе Кирилла и Меѳодія **). Указывая на замѣну глухихъ *з* и *ъ* — яснымъ *а* въ сербскомъ языкѣ, Караджичъ заботливо подбираетъ изъ книги проповѣдей, изданной въ 1794 году Раи-чемъ, котораго сербское духовенство никакъ не могло заподозрить во внесеніи ереси въ языкъ серб-ской книги, примѣры этой чисто сербской замѣны, какъ аганацъ, землемѣцацъ и т. д. Дальнѣшую раз-ницу между сербскимъ и славянскимъ языками Ка-раджичъ указываетъ въ переходѣ *лъ* или *ллъ* въ *у* и въ замѣнѣ *л—о* въ концѣ слова. Доказывая, что сербскій языкъ не имѣть словъ съ окончаніемъ на

*) Данница 1826. 41—69.

**) *ibidem.* стр. 42.

ie, Караджичъ вновь приводить примеры изъ собрания поучений Раича, въ которыхъ такія слова напечатаны съ окончаниемъ лъ, напр. состоянъ, сагрешенъ и т. д. Караджичъ старается доказать этимъ необходимость знаковъ лъ, нъ, имъ придуманныхъ. Доказывая излишность и, онъ есылаетъ на старые рукописи, въ которыхъ этому знаку отвѣтствуетъ сочетаніе ит, а также отмѣтаетъ соотвѣтствіе между славянскимъ щ и сербскимъ Ѯ въ такихъ словахъ, какъ иой, и т. д. Что касается ю, то оно произошло изъ жд., по мнѣнію Караджича. Въ это время Караджичъ еще отрицаетъ необходимость х въ сербской азбукѣ, такъ какъ х или совершиенно не выговаривается, или находится свою замѣну въ е (по преимуществу), въ Герцеговинѣ въ ё на концѣ словъ (прим. дођог), въ ј—особенно въ Бачкѣ, Банатѣ и Сремѣ (греј, чоја), и наконецъ въ к (грек, женик). „Это свойство сербскаго языка можетъ быть и самое новое, замѣчаетъ Вукъ, но вѣроятно старше всѣхъ нашихъ книгъ“, подразумѣвая подъ этимъ печатныя книги. Какъ известно, Вукъ Караджичъ уже въ своемъ словарѣ 1818 г. отрицаетъ нужду х въ сербской азбукѣ, но впослѣдствіи онъ вновь принялъ его въ свой алфавитъ,—именно въ своемъ изданіи пословицъ въ Цетинѣ въ 1836 году.

Разсматривая разницу между сербскимъ и славянскимъ языками въ грамматикѣ, Караджичъ указываетъ эту разницу въ формахъ измѣненія глаголовъ, существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій. Что касается разницы въ образованіи формъ глагола, то Караджичъ, указывая различіе въ окончавіи 1-го лица настоящаго времени, (играю —

играм), замѣчаетъ, что сербское окончаніе этого лица глагола на *и* не есть испорченное славянское окончаніе на *у* или *ю*, какъ думаютъ „језико—поправительи“, а напротивъ старая форма на столько же, на сколько стара форма съ окончаніемъ *и*, *у*; затѣмъ останавливается на гласномъ окончаніи 3 лица сербскихъ глаголовъ, на окончаніи 1 лица множ. ч. на *мо* и 2 л. ед. ч. на *и* вм. *ши*, при чёмъ замѣчаетъ, что русскій языкъ въ этомъ отношеніи сходенъ съ сербскимъ. Дальнѣйшая разница между сербскимъ и славянскимъ глаголомъ заключается въ томъ, что сербскій не имѣть въкоторыхъ формъ, которыхъ имѣются въ языкахъ славянскомъ, напр. partic. praes. pass., но зато русскій языкъ не имѣть въкоторыхъ временъ, свойственныхъ сербскому, какъ напр. аориста и imperfectum.

Что касается цѣмѣненія именъ существительныхъ, Караджичъ замѣчаетъ, что особенная разница между обоими языками состоить лишь во множественномъ числѣ именъ mascul. и neutr. и въ склоненіи именъ женского рода. При этомъ Караджичъ отдаетъ преимущество сербскимъ формамъ предъ славянскими во 1) потому, что окончаніе во множественномъ числѣ дат., твор. и предл. *ма* — имѣть въ концѣ гласную, а „въ славянскомъ три падежа оканчиваются на полугласную“, во 2) потому что склоненія именъ существительныхъ въ сербскомъ языкѣ „много правильнѣ“, нежели въ славянскомъ. Подъ *правильностью* Караджичъ очевидно понимаетъ здѣсь однообразіе формъ, ибо доказывается эту правильность тѣмъ, что имена женского рода на *иа*, *ла*, *жа*, *ча*, *ша*, *ща*, *я* и *иа* въ дат. и предл. пад. имѣютъ

въ славянскомъ языке и ви. љ, — а „въ сербскомъ всѣ (имена женского рода) имѣютъ и“ въ этихъ падежахъ.

Указывая разницу въ формахъ именъ прилагательныхъ, Караджичъ особенно большую разницу видитъ между сербскимъ и славянскимъ языками въ образованіи степени сравненія; его поражаетъ разница между приводимою имъ славянскою формою *богатій* и сербскою *богатији*, — и потому онъ находитъ больше сходства между приводимою имъ русскою формою *богатъ* и сербскою *богатији*.

Въ формахъ мѣстоименія Караджичъ видитъ разницу въ томъ, что въ посвенныхъ падежахъ мѣстоименія *ок* сербскій языкъ всегда допускаетъ благозвучное *и*, не обращая вниманія на то, стоять или нѣтъ предъ нимъ предлогъ, и что сербское мѣстоименіе третьаго лица имѣть во всѣхъ падежахъ краткія формы, какъ въ род. *и*, въ дат. *му* и т. д.

Проводя эту разницу между языками славянскимъ и сербскимъ, Караджичъ имѣлъ въ виду языкъ церковныхъ книгъ, сдѣлавшій съ небольшими измѣненіями языккомъ сербской книги времени до Караджича. Но эту разницу провелъ Вукъ слишкомъ поверхностно: онъ, правда, не имѣлъ въ то время и настоящаго взгляда на языкъ церковно-славянскій, ибо и самъ Добровскій въ своихъ „*Institutiones*“ — еще не уяснилъ себѣ значеніе языка нашихъ церковныхъ книгъ. Замѣтно одно: это желаніе Караджича доказать, что сербскій языкъ, т. е. тотъ, который называли его литературные противники „говедарскимъ и свинярскимъ“, — языкъ болѣе правильный, чистый и благозвучный, чѣмъ языкъ писателей славено-сербской школы. Эта тенденція въ сущ-

ности проходитъ чрезъ всѣ грамматическіе труды Вука Караджича.

Въ слѣдующемъ выпускѣ своего альманаха „Даница“ Вукъ Караджићъ помѣстилъ „Оглед српскага буквара“, которому онъ предпосыпаетъ введеніе съ цѣллю показать, что способъ обученія по часослову и псалтирю, практиковавшійся въ сербскихъ школахъ, слѣдуетъ оставить. Въ методѣ обученія чтенію и письму онъ видитъ главную причину медленности, съ которой начинаются читать и писать въ Сербіи. „Всякій настоящій и умный патріотъ, говоритъ онъ, долженъ желать, чтобы у насъ буквари издавались и школы устраивались сообразно съ требованіями нашего времени“. Онъ вооружается противъ неразумнаго и излишняго стремленія сохранить все постарому и приводить въ образецъ русскихъ, которые въ своихъ школахъ больше не употребляютъ именованій *аазъ*, *буки* и т. д., но *а*, *бе* и т. д. Но Караджићъ идетъ далѣе и указываетъ, что необходимо ввести при обученіи чтенію названія знаковъ звуковыхъ: *бе*—слѣдуетъ читать лишь *ба*. „И тогда не для чего читать по слогамъ, но послѣ того, какъ сдѣлаются известны звуки, можно приступить прямо къ чтенію“. Такимъ образомъ Караджићъ указывалъ въ 1827 году необходимость ввести звуковой методъ обученія грамотѣ въ сербскія школы.

Этотъ образецъ букваря онъ дѣлить на двѣ половины: на сербскую, въ которой приводить буквы и нѣкоторыя ихъ сочетанія, а затѣмъ примѣры для чтенія, состоящія по преимуществу изъ пословицъ,— и славянскую, въ которой онъ даетъ имена буквъ и слова подъ титлами и говоритъ о выговорѣ нѣкоторыхъ изъ буквъ, а для чтенія приводить Сим-

воль Вѣры и Молитву Господню. Букварь кончается знаками цыфоръ и таблицей умноженія.

Это была первая попытка букваря чисто сербского языка. Какъ было выше сказано, сербскій митрополитъ Мойсей Петровичъ (1727—1730), жившій въ Бѣлградѣ, куда послѣ заключенія пожаревацкаго мира 1718 г. перенесъ свою каѳедру его предшественникъ митрополитъ Викентій Поповичъ, вызвалъ въ Бѣлградскую имъ основанную школу изъ Москвы учителя Максима Суворова, который привезъ съ собою 400 букварей и 100 славянскихъ грамматикъ *). Съ этого времени книги русской церковной печати становятся общеупотребительными въ сербскихъ церквяхъ, и русско-славянскій языкъ дѣлается языкомъ литературнымъ у сербовъ. Этотъ московскій букварь или другой тоже московскій былъ впослѣдствіи нѣсколько разъ перепечатанъ въ Рымни-вѣ, при чёмъ, какъ уже было сказано, одно изданіе было въ 1727 г., а другое въ 1734 г.

Затѣмъ идетъ рядъ букварей, которые всѣ носили имена букварей „славенскихъ“. Единственный *сербскій* до временъ Караджича принадлежалъ Јовану Беричу, но онъ остался въ рукописи **). Между этими букварями особенно выдаётся тотъ, о которомъ упоминаетъ Караджичъ ***); онъ былъ напечатанъ въ Венеціи въ 1767 г. и приписывается Орфелину. Въ немъ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о вы-

*) Први извештaj о явномъ учительско-приправническомъ Заводу сербскомъ. У Сомбору. 1863 г. Статья Вукичевича: Србске школе у XVIII в., стр. 17.

**) Шафарикъ. Geschichte des serbischen Schriftthums. стр. 365.

***) Даница 1826, 58 и Писма Вука Стефановича Караджича Савы Текемія Платону Атанасковичу стр. 54.

говорѣ ѿ, какъ ѿ, о необходимости знака й для обозначенія ть и дь, а также и о томъ, что х не выговаривается многими сербами въ словахъ хвала, хвалю и т. д., но вместо нихъ произносится вила, вило и т. д., „что не только свойству языка противно, но и самому слуху не весьма приятно“. О томъ, чтобы изменить систему обученія грамотѣ въ сербскихъ школахъ думалъ и Соларичъ, который въ 1812 г. издалъ въ Венеціи „Букварь Славенскій тріазбучный *). Онъ говорить, что „конечное намѣреніе съ настоящимъ букваремъ есть, избавити сербске сынове отъ оне пагубне дангубе съ неколикократнымъ пустымъ пречитаваніемъ Часослова и Псалтиря, коя толико дуго ніе дала сербомъ отворити очи“. Тутъ же онъ вставляетъ замѣчаніе, что лучше тотъ способъ письма, „гдѣ, како говорисе, тако пишесе, и како е написано, тако читасе“ **), замѣчаніе,—которое Караджичъ выставилъ цѣлью своей ореографической реформы и повторилъ въ своей „пісменницѣ“. Въ этомъ букварѣ Соларичъ указываетъ на затруднительность читать по слогамъ при наименованіи буквъ ихъ славянскими названіями. Для облегченія онъ требуетъ, чтобы учитель заставлялъ своихъ учениковъ различать „имя и гласъ писмена“. Къ этому букварю Соларичъ приложилъ и образцы для чтенія патріотического содержанія. Онъ хотѣлъ пробудить въ сербскихъ дѣтяхъ сознаніе, что они Сербы и Сла-

*) Вотъ полное его заглавіе: Букварь славенскій тріазбучный или первое руководство къ изнанію книгъ и писаній во употреблениіе Славено-Сербовъ списанъ Начломъ Соларичемъ Велико-Писаничаниномъ. Въ Млеткахъ лѣткі (1812). Писаны греко-славенскія печатни Паны Феодосіа. (печатъ церковнаа).

**) Ibidem стр. 4 и 5.

вяне. За Букваремъ „Славено-Сербскимъ“, идеть букварь азбуки славено-русской и славено-иллирической, подъ которою Соларичъ подразумѣвалъ глаголическую.

Говоря о необходимости совершенствовать азбуку и пополнять ее новыми знаками, Соларичъ замѣчаетъ, что азбука московская насколько „миловиднѣе азбуки Фесалонитской“, настолько она недостаточнѣе для славянского языка *). Такимъ образомъ Соларичъ въ этомъ отношеніи былъ предшественникомъ Вука Караджича. Онъ уже указывалъ тотъ путь, по которому должно идти реформатору сербскаго литературнаго языка и сербскаго письма, но самъ не осмѣливался сдѣлать опредѣленный и ясный шагъ и держался традицій. За Вукомъ Караджичемъ осталась заслуга первого составителя сербскаго букваря.

Но лучшею статьею Вука Караджича изъ числа его трудовъ объ языкѣ въ то время его дѣятельности была „Главна свршивања существителни и прилагателни имена у Српском језику“, которую онъ напечаталъ въ Даници за 1828 годъ **). Эта статья представляла главу изъ грамматики сербскаго языка, которую готовилъ Караджичъ, но не хотѣль печатать, пока не посѣтилъ всѣхъ предѣловъ сербскаго племени. Она распадается на четыре части: производныя имена существительныя, сложныя имена существительныя, производныя имена прилагательныя и сложныя имена прилагательныя. Караджичъ пересчитываетъ суффиксы, которыми образуют-

*) Букварь Триазбучный стр. 108.

**) Даница за 1828 ст. 1—135.

ся существительныя, опредѣляетъ характеръ этихъ суффиксовъ и отмѣчаетъ корни, къ которымъ они прилагаются. Это была первая попытка ученія о суффиксахъ сербскаго языка, попытка собрать материалъ и создать систему для этой части сербской грамматики. Вукъ Караджичу не доставало основательнаго знанія старо-славянскаго языка, но этотъ недостатокъ былъ совершенно естественъ и понятенъ въ то время, когда лишь было приступлено къ его изученію. Но здравый смыслъ Караджича и совѣты ученаго друга Копитара съ одной стороны удержали его отъ тѣхъ излишнихъ мудрованій, которыя тогда были въ модѣ, какъ доказываются это напр. статьи Хаджича-Светича, съ другой дали этому его труду особенно важное значеніе, какъ первому систематическому собранію сербскихъ суффиксовъ и словъ, образованныхъ ими.

Около 1830 года возникаетъ между Вукомъ Караджичемъ и тогда лишь основанною Матицею Сербской споръ, перешедшій въ литературнуюссору и вызвавшій длинный рядъ полемическихъ брошюръ, направленныхъ противъ Вука Караджича и его воззрѣній, и съ его стороны полныхъ интереса отвѣтовъ. Самымъ сильнымъ противникомъ Караджича выступаетъ Јованъ Хаджичъ, болѣе известный въ сербской литературѣ подъ именемъ Милоша Светича. Сначала между нимъ и Караджичемъ отношенія были хороши, что доказывается между прочимъ и тѣмъ, что въ Дайице за 1827 г. Вукъ Караджичъ напечаталъ переводъ Светича идилліи Геснера и одну изъ его одь. Но вскорѣ отношенія между ними приняли совершенно иной характеръ. Если съ одной стороны до болѣзnenности чуткое самолюбіе Светича и его са-

момъніе, вытекавшее изъ сознанія своего ученаго превосходства надъ неученымъ Вукомъ Караджичемъ, побуждало его свысока толковать о трудахъ даровитаго собирателя сербскихъ пѣсенъ, то съ другой стороны и самъ Караджичъ относился чутко ко всякому слову, осуждавшему его реформу въ ореографіи или выражавшему сомнѣніе въ ея полезности. Такъ, еще въ первой части Даницы (за 1826 г.) Караджичъ помѣстилъ отвѣтъ „Русскому рецензенту“, который въ „Сынѣ Отечества“ (26 № за 1824 г.) *) замѣтилъ, что „Вукъ Караджичъ и другіе новые сербскіе литераторы напрасно вздумали портить древнюю славянскую азбуку изобрѣтеніемъ новыхъ буквъ и введеніемъ ореографіи чуждой и дикой для Славянъ“. Рецензентъ сдѣлалъ замѣчаніе, что они этимъ разъединяютъ Сербовъ и Русскихъ. Караджичъ горячо защищаетъ свои ореографическія новизны, причемъ старается доказать, что и Ѣ — есть старый знакъ сербской азбуки, и ища защиты въ отзывѣ Греча о недостаткахъ русской азбуки **), и Кеппена, защищавшаго новизны въ ореографіи ***), — заявляетъ, что рецензентъ или простой хвастунъ, который пишетъ о томъ, чего не понимаетъ, или какой нибудь Сербъ, который завидуетъ чужимъ успѣхамъ. Такимъ образомъ рѣзкость полемического тона Караджича была отчасти причиной той озлобленности противъ него, которая отличаетъ всѣ статьи, направленныя противъ его нововведеній. Въ Даницѣ за 1834 годъ

*) Перепечатана эта рецензія во 2 вып. Лѣтоп. за 1825, стр. 130.

**) Гречъ: Опытъ исторіи русской литературы. С.-Пбургъ. 1822, стр. 98 и 99.

***) Бібліографіческіе листы, № 18 отъ 29 июня.

помѣщено письмо нѣкоего П. Б. (Павла Берича?) къ одному изъ основателей Сербской Матицы—Юсиоу Миловуку *). Примѣчанія, сдѣланныя къ этому письму, очевидно принадлежать Вуку Караджичу: въ нихъ онъ нападаетъ на Сербскую Матицу, которая составивъ нѣчто въ родѣ „ученой партії“, хочетъ предписывать правила правописанія. Онъ тутъ уже называетъ Светича своимъ личнымъ врагомъ и приписываетъ ему непріятные для себя отзывы въ лѣтописи.

Сербская Матица возникла въ Пештѣ въ началѣ 1826 года. Когда въ 1822 г. Давидовичъ долженъ былъ прекратить свои Сербскія Новины и бѣжать изъ Вѣны отъ долговъ **), въ сербской литературѣ не оказалось ни одного повременнаго изданія. Тогда профессоръ гимназіи въ Новомъ Садѣ Магарашевичъ, извѣстный уже нѣкоторыми своими книгами въ сербской литературѣ, задумалъ основать Сербскую Лѣтопись и въ 1825 году издалъ три выпуска при помощи Каулиція, новосадскаго книжнаго торговца. Первый номеръ лѣтописи ничѣмъ не отличался отъ обычныхъ въ то время альманаховъ. Но для изданія въ слѣдующемъ году Лѣтописи у Магарашевича не было средствъ, и онъ обратился къ Светичу, жившему тогда еще въ Пештѣ. Светичъ принялъ къ сердцу дѣло Лѣтописи и сталъ хлопотать о томъ, чтобы составилось общество для поддержки предпріятія и продолженія изданія. Составилось общество изъ семи лицъ ***), внесшихъ нѣкоторую сумму для изданія

*) Даница, стр. 54—83.

**) Лѣтоп. кн. 114, за 1872, стр. 207.

***) Лѣтоп. Матицы, № 18, стр. 160—въ статьѣ Хаджича.

Лѣтописи и основанія общества. Мысль объ образованіи подобнаго общества, которое бы посвятило свои силы на изданіе полезныхъ книгъ, возникла еще въ 1823 году и принадлежитъ Светичу. Онъ по этому поводу вступилъ въ переписку съ Лукіаномъ Мушицкимъ, произведенія котораго предполагалось собрать и напечатать *). Но это общество составилось лишь въ началѣ 1826 года, а 4 февраля этого же года дали ему имя *Матица Сербской*. Какъ противъ этого имени, такъ и противъ самого общества, были весьма многіе въ средѣ тогдашихъ сербскихъ дѣятелей **), но умный князь Милошъ понялъ значеніе подобнаго общества для развитія сербской литературы и назначилъ въ подарокъ ему 120 талировъ на изданіе Лѣтописи ***).

Но вместо того, чтобы Матица и Лѣтопись, ею издаваемая, стали средоточіемъ всѣхъ важнѣйшихъ сербскихъ писателей того времени, произошло противное. Съ одной стороны подозрѣніе сербскихъ патріотовъ, что въ реформѣ, сдѣланной Вукомъ, скрыто тайное намѣреніе пропагандировать католицизмъ

*) Лѣтопись Матицы сербской кн. 121, стр. 42; въ исторіи Матицы, тутъ напечатанной, перечислены лишь имена 6-ти лицъ-основателей: Йосифа Миловука, Андрея Розмировича, Јована Деметровича, Петра Раича, Георгія Станковича и Гаврила Бозитовца, которые дали всѣ виѣствъ сумму въ 240 гульд. на основаніе Матицы,—но почему-то не внесены въ этотъ списокъ Јованъ Хаджичъ, внесший также 100 гульд. ассигн. (40 гульд. на серебро) и привившій самое живое участіе въ дѣлахъ Матицы. (См. Лѣт. 16, за 1829 годъ, стр. 104).

**) Даница за 1834 въ письмѣ П. Б. къ Миловуку. Самое происхожденіе имени Матица Сербская объяснялось тѣмъ, что Хаджичъ, называвшій себя Милошемъ Светичемъ, изрочно составилъ такъ е наименование, которое бы напоминало своими первыми буквами его псевдонимъ: Милош Светић.

***) Лѣтоп. Мат. за 1829 кн. 16, стр. 160.

въ сербскомъ народѣ, а новымъ книжнымъ языкомъ отѣлить сербскую литературу отъ русской и тѣмъ лишить ее всякой опоры, съ другой соревнованіе и зависть отѣльныхъ дѣятелей повели къ тому, что въ Сербской Матицѣ приняли участіе лишь люди совершенно противоположныхъ Вуку Караджичу мнѣній. Возникли споры между сербскими писателями о языке и правописаніи, которые были почти бесплодны и лишь еще разъ доказали, что здравый смыслъ иногда значитъ болѣе надутаго и неосновательного знанія. Около самой Матицы и ея Лѣтописи возникли различнаго рода альманахи, какъ Сербская Пчела—Стаматовича (съ 1830—1841), Банатскій Альманахъ—Тироля (1827—1829), Ружица—Аѳанасія Николича (1827—1836), Сербскій Родолюбецъ—Василія Чокрляна (1832). Всѣ эти изданія дробили и безъ того весьма небольшія литературные силы, собранныя около Матицы. Вскорѣ умеръ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ Матицы Георгій Магарашевичъ (1829), бывшій редакторомъ Лѣтописи со дня ея основанія *). Редакцію сербскихъ лѣтописей, переименованныхъ теперь въ Сербскій Лѣтописъ, принялъ на себя Милошъ Светичъ, издавшій въ теченіе 1830 и 1831 года 7 книгъ этого журнала. Хаджичъ, воспитывавшійся въ Пештскомъ Университетѣ, гдѣ онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ, и завершившій свое юридическое образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ, принадлежалъ къ числу виднѣйшихъ дѣятелей въ сербской литературѣ того времени. Не будучи филологомъ по воспитанію и весьма

*) Всего онъ издалъ 19 книгъ, изъ коихъ первыя три были напечатаны при помощи книгоиздателя Каулиція до основанія Матицы въ 1825 г.

мало понимая въ этой области науки, Хаджичъ однако не хотѣлъ признать превосходства Вука Караджича надъ собою и уже въ 1829 году выступаетъ противъ него въ Лѣтописи. Постепенно развился между нимъ и Караджичемъ споръ, который нерѣдко переходилъ предѣлы чисто литературные и получалъ характеръ политической.

Что касается воззрѣнія тѣхъ сербовъ, которые, въ сохраненіи стараго, русско-славянскаго языка и алфавита для сербской книги и въ перемѣнахъ, производимыхъ Вукомъ Караджичемъ, видѣли посредничество на православіе сербскаго народа, то слѣдуетъ признать, что въ нихъ главнымъ образомъ и заключалась причина того, почему правописаніе и языкъ Вука Караджича такъ долго не могли получить полныхъ правъ въ сербской литературѣ. Савва Текели, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сербскихъ патріотовъ и жертвователей на народное дѣло австрійскихъ сербовъ, въ своемъ завѣщаніи, помѣщенному 21 Августа 1838 г., говоритъ: „Такъ какъ Матица Сербская возникла для просвѣщенія народа, то она должна стараться уничтожить всѣ тѣ „помраченія“ и смущенія, которыя вводятся въ правописаніе. Она должна принять для своихъ изданій ученый и воздѣланный славянскій церковный языкъ, а всѣ тѣ слова, которыя сербъ понимать можетъ, писать по правилу славянскаго языка“. Текели требуетъ, чтобы Матица никоимъ образомъ не отступала отъ этого направленія, иначе онъ исключаетъ ее изъ числа своихъ наследниковъ. „Я желаю видѣть Матицу болѣе совершенною, чѣмъ какогонибудь писателя“ *). Понятно, что при такихъ обстоя-

*.) Лѣтоп. кн. 97, стр. 190—191.

тельствахъ и взглядахъ главныхъ помощниковъ общества „Сербской Матицы“, дававшихъ средства и помощь для изданій, общество нелегко могло освободиться отъ тѣхъ путъ, которыя лишали его свободы дѣйствій. Но въ тоже время вполнѣ ясно сознавали и всѣ тогдашніе писатели, что, разорвавъ съ языкомъ церковной и русской книги, сербская литература лишится той твердой почвы, на которой она стояла до тѣхъ поръ, и будетъ предоставлена себѣ самой. Чтобы избѣгнуть этого зла, Мушицкій совѣтовалъ сохранить оба языка въ сербской литературѣ, но онъ своими славянскими одами лишь могъ дать новое доказательство противникамъ славянщины въ сербскомъ языке, что ихъ требованія справедливы. Если бы появился въ сербской литературѣ законодатель языка, подобный Ломоносову и Карамзину въ русской,—нѣть сомнѣнія, выработался бы опредѣленный сербскій книжный языкъ на той же основѣ, на которой развился русскій, и Сербская литература не такъ бы разошлась съ Русскою, какъ это произошло послѣ торжества реформъ Караджича.

Выше были указаны полемическія статьи Караджича, написанныя въ самомъ началѣ его дѣятельности въ защиту выбраннаго имъ для литературы сербскаго нарѣчія и его новыхъ знаковъ въ сербской азбукѣ. Теперь при столкновеніи съ Хаджичемъ, Вукъ Караджићъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ брошюръ весьма интересныхъ какъ по его замѣчаніямъ и соображеніямъ относительно сербскаго языка и правописанія, такъ и по разсѣяннымъ въ нихъ указаніямъ на события въ жизни ихъ автора. Споръ былъ начатъ Хаджичемъ, который напечаталъ въ Лѣтописи статью „*Ситнице езыкословне*“,

(мелочи, относящіяся къ языку) *), на которую Вукъ Караджичъ отвѣтилъ брошюрою подъ заглавiemъ: . Одговор на ситнице језикословне **). Рѣзкій тонъ Караджича въ этомъ отвѣтѣ и до болѣзnenности раздражительное самолюбіе Хаджича были причиною того, что ѣтотъ споръ получилъ дальнѣйшее развитіе и вскорѣ принялъ характеръ политическихъ обвиненій и нападокъ чисто личнаго свойства. Хаджичъ, который въ это время жилъ въ Бѣлградѣ, будучи приглашенъ въ Сербію для составленія законовъ, поспѣшилъ въ томъ же году напечатать отвѣтъ Караджичу, которому даль оригиналное заглавіе: Утук или одговор на одговор на ситнице езыкословне ***). Караджичъ отвѣтилъ брошюroy: Вуков одговор на Утук Г. М. Светића ****). Когда въ 1843 году въ Сербскомъ Улакѣ появилось его письмо къ князю Милошу, писанное въ 1832 году, съ комментаріями, очевидно вышедшими изъ подъ пера Хаджича, въ которыхъ было желаніе представить Вука искателемъ милостей у всѣхъ правительствъ Сербіи и извратителемъ историческихъ фактовъ, Караджичъ отвѣтилъ брошюroy: Вуков одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку *****), въ которой защищается отъ обвиненій, взведенныхъ на него Хаджичемъ въ этой нѣмецко-сербской газетѣ, стоявшей за Карагеоргіевича и такъ называемыхъ уставобранителей. Хаджичъ не заставилъ себя долго ждать съ отвѣтомъ и напечата-

*) Лѣтої. Кн. 45 за 1838, стр. 83—96.; вышли и отдѣльной брошюрою въ Новомъ Садѣ.

**) У Бечу 1839.

***) У Београду 1839. Было сдѣлано изданіе и въ Новомъ Садѣ.

****) У Бечу 1844.

*****) У Бечу 1844.

талъ въ Бѣлградѣ въ томъ же году Утукъ II *). Тогда Караджичъ не тотчасъ отвѣтилъ Хаджичу, ио собравъ свои разныя статьи, относящіяся къ сербскому правописанію и къ вопросу о сербскомъ языкѣ, напечаталъ очень интересную книгу: Вука Стефановића и Саве Текелије писма високопреосвещеноме господину Платону Атанацковићу православноме владици будимскому о српскомъ правопису са особитијем додацима о српскомъ језику **). Въ этомъ своемъ сочиненіи Караджичъ напечаталъ и свои предложеніи, сдѣланыя имъ въ засѣданіи тогда образовавшагося общества сербской словесности, 21 и 27 мая 1845 года, во время посѣщенія имъ Бѣлграда. Тутъ же онъ разбираетъ разныя статьи о языкахъ появившіяся въ тогдашнихъ журналахъ, какъ статьи Лазича въ Подунавкѣ, и Вукашина Радишича въ Сербскихъ Новинахъ. Наконецъ въ той же книгѣ онъ перепечаталъ двѣ свои статьи: одну изъ Пештско-Будимского Скоротечи за 1842, и другую изъ Сербскихъ Новинъ за 1820 годъ. Караджичъ въ этой своей книгѣ старается доказать какъ необходимость реформы языка и правописанія, имъ предлагаемой, такъ и ея логичность, причемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ пользуется ошибками и непослѣдовательностью правописанія своихъ литературныхъ противниковъ, чтобы доказать ихъ полную слабость и неумѣніе пользоваться языкомъ. Въ то время, когда Хаджиичъ выставилъ принципомъ дѣятельности Сербскаго филолога, необходимость прежде, чѣмъ

*) Утукъ II или одговоръ на Вуковъ одговоръ на лажи и опаданѣ у Србскоме Улаку одъ М. Светића. У Београду 1844.

**) У Бечу, 1845.

выработана будетъ „написанная въ системѣ грамматика“, разсмотрѣть и разъяснить различные вопросы второстепенные въ языкѣ *), Караджичъ считалъ нужнымъ прямо приступить къ созданію грамматики на основаніи изученія народнаго живаго языка. Хаджичъ думалъ, что тяжело выбросить изъ языка принятая, уже обычныя и узаконенныя ошибки, но слѣдуетъ постепенно хорошо разобрать, что основывается на природныхъ свойствахъ языка, и лишь послѣ долгаго и основательнаго разбора установить правила **), — Караджичъ говорилъ: „нашъ народный языкъ (который долженъ быть и литературнымъ) и сербскій языкъ одно и тоже; что въ нашемъ языкѣ не народно, то не есть сербское, не приносить ни малѣйшей пользы, лишь вредитъ; я лишь потому употребляю выраженіе *народный языкъ*, чтобы отличить его отъ языка нашихъ писателей, который въ сущности *никакой* предъ сербскимъ языкомъ“. Понятно, что подобная коренная разница взглядовъ Хаджича и Караджича должна была вызвать споръ между ними и безъ всѣхъ остальныхъ побудительныхъ причинъ. Въ этомъ спорѣ приняли участіе и многіе современные писатели и ученые. Споръ былъ заключенъ книгою Даничича „Рат за српски језик и правопис“ ***), которую было дано отвѣтъ на *Утука* III Светича (1846 г.).

Въ 1833 году Вукъ Караджичъ напечаталъ книгу, составленную Лукою Миловановымъ еще въ 1810 году: Опит наставлења къ србској сличноречности

*) Лѣтоп. 45, стр. 84.

**) Ibidem. стр. 85.

***) Будакъ, 1847.

и слогомјерју или просодии *). Лука Миловановъ пришелъ къ заключенію, что обыкновенное въ то время сербское правописаніе и книжный языկъ должны быть упрощены и видоизмѣнены такъ, чтобы стали болѣе близки къ живому говору. Съ этой цѣлью онъ написалъ книгу о просодіи, къ которой приложилъ и свои замѣчанія о сербскомъ правописаніи. Исключивъ г и ъ изъ сербской азбуки, онъ ихъ не употребляетъ и въ своей книгѣ, но, утверждая, что необходимо найти новые знаки для звуковъ дь, ль, нь, онъ не придумалъ для нихъ новаго обозначенія и не писалъ даже ѳ вместо тв. Тогдашняя цензура, сначала разрѣшившая печатать книгу въ 1810, послѣ выхода Азбукопрѣтреса Саввы Меркайля, возбудившаго неудовольствіе со стороны многихъ сербовъ, взяла назадъ свое одобреніе, и книга осталась ненапечатанною до смерти ея автора. Караджићъ познакомился съ Миловановымъ еще въ 1814 году и побудилъ его возстановить рукопись, которую онъ было началъ уничтожать. Разныя обстоятельства помѣшили изданію этого сочиненія тогда же,—и лишь послѣ смерти автора Караджићъ получилъ полную рукопись и напечаталъ ее вскорѣ послѣ своего переѣзда изъ Сербіи въ Вѣну. Лука Миловановъ самъ писалъ „матернимъ языкомъ“ и требовалъ измѣненій въ кирилловской азбукѣ, при чемъ утверждалъ, что ее слѣдуетъ прибли-

*) Полное заглавіе книги: Луке Милованова опит наставлѣња къ сербској еличноречности и слогомјерју или просодии. По новомъ правописању начину сматрајући на поводъ къ новој весма нужној сербској писменици или Језиконауку списан. 1810. А издао га Вук Стеф. Карадић. У Бечу. 1833.

Біографіческія свѣдѣвія о Лукѣ Миловановѣ, см. въ приложеніяхъ.

зить къ латиницѣ. Не употребляя *j*, онъ вмѣсто него писалъ *i*, которое рассматривалъ, какъ половину *u*. Онъ признавалъ существованіе 4 удареній въ сербскомъ языкѣ: *' accentus prolongans, ^ accentus superprolongans, ` accentus elevans, ^ accentus superelevans* *). Этимъ онъ отличалъ тѣ же акценты, которые отмѣтилъ и Вукъ Караджићъ въ своей *писменице* **) подъ тѣми же именами въ сербскомъ переводе. Впослѣдствіи Хаджићъ, нападая на Караджича, утверждалъ, что Вукъ воспользовался лишь трудомъ Милованова, въ своей писменице. Это обвиненіе было несправедливо, хотя по однимъ и тѣмъ же примѣрамъ, приведеннымъ въ *Писменице* (1814 г.) и въ книгѣ Милованова можно предполагать, что Вукъ дѣйствительно въ большой степени воспользовался указаніями и трудомъ Луки Милованова. Во всякомъ случаѣ Лука Миловановъ можетъ быть названъ однимъ изъ предшественниковъ Вука Караджича въ реформѣ, произведенной имъ въ сербскомъ литературномъ языке и ореографії.

Къ „*Просодіи*“ приложены образцы стихотвореній различныхъ размѣровъ по правиламъ, указаннымъ въ самомъ сочиненіи. Эти стихотворенія составлены по преимуществу по нѣмецкимъ оригиналамъ или переведены съ нѣмецкаго и обнаруживаются въ ихъ авторѣ поэтическія дарованія, которыя его значительно возвышаютъ надъ современными ему и многими позднѣйшими сербскими поэтами. Миловановъ первый поднялъ голосъ противъ существовавшаго размѣра въ стихѣ сербской поэзіи, который то былъ

*) *Ibidem*, стр. 20, 21.

**) *Писменица*, стр. 12.

силлабическій, то точно соотвѣтствовалъ предписа-
ніямъ классической метрики. Такъ, Лукіанъ Мушиц-
кій, который пользовался славою лучшаго поэта въ
то время, въ вопросѣ о размѣрѣ, былъ лишь слѣ-
пымъ подражателемъ Горацио. Хотя Лука Милова-
новъ не былъ знакомъ ни съ народными пѣснями,
ни съ дубровницкою литературою, но онъ уже вѣрно
указывалъ, что именно въ поэзіи народной должно
искать основаній для законовъ сербскаго стихосло-
женія.

Караджичъ, еще во второмъ изданіи пѣсень *),
замѣтилъ, что юнацкія (былевыя) пѣсни состоять
изъ пяти-стопныхъ трохеевъ, съ цезурой послѣ
второй стопы. Что же касается женскихъ пѣсенъ,
то онъ въ нихъ находилъ нѣсколько размѣровъ: I,
тотъ же что и въ былевыхъ; II, пѣсни со стихомъ
изъ восьми слоговъ: 1) изъ 4 трохеическихъ стопъ,
2) изъ 3 стопъ, изъ которыхъ двѣ крайнія дакти-
лическія, а въ серединѣ трохеическая; III, пѣсни со
стихомъ семисложнымъ изъ двухъ трохеевъ въ на-
чалѣ съ дактилемъ на концѣ; IV, пѣсни со стихомъ
десятисложнымъ изъ двухъ дактилей и двухъ тро-
хеевъ, которые чередуются, начиная стихъ дакти-
лемъ; V, пѣсни со стихомъ одиннадцатисложнымъ
изъ четырехъ трохеевъ и пяти дактилей; VI, со сти-
хомъ двадцатисложнымъ изъ четырехъ дактилей и
шести трохеевъ; VII, со стихомъ изъ тринадцати
слоговъ въ шесть стопъ, изъ которыхъ четыре тро-
хея предшествуютъ цезурѣ, а послѣ цезуры трохей
и дактиль, которые могутъ стоять и наоборотъ, или
трохей и амфибрахій; VIII, со стихомъ четырнад-

*) Народне пјесме Т. I, изд. 1824, стр. LIII.

цатисложнымъ изъ семи трохеическихъ стопъ; IX, со стихомъ шестисложнымъ изъ трехъ трохеевъ или двухъ дактилей безъ цезуры, и наконецъ X, со стихомъ пятисложнымъ изъ одного дактиля и одного трохея.

Вукъ Караджичъ касался вопроса о сербскомъ удареніи и стихосложеніи въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ. Такъ въ 1846 г. онъ въ письмѣ къ Бабукичу *) и въ 1858 г. въ письмѣ къ Іовану Стеріи Поповичу **), „о српској просодији“ дѣлаеть нѣсколько замѣчаній о размѣрахъ, свойственныхъ сербскому стиху. Караджичъ замѣчаетъ, что метрика Гундулича и вообще дубровницкихъ писателей заимствована изъ итальянского.

Отвѣтная на различные статьи и замѣтки въ различныхъ газетахъ, направленные противъ него, Вукъ Караджичъ часто касался вопросовъ объ ореографіи и особенностяхъ сербского языка. Такъ онъ отвѣчалъ на вопросы, заданные въ Будимскомъ Скоротечѣ (№ 32 за 1842) Нинковичемъ,—въ той же газетѣ (№ 47). Этотъ его отвѣтъ напечатанъ въ „Писма“ подъ заглавіемъ: „Одговор на задатакъ Србскомъ Филологу“ ***). Подъ конецъ своей дѣятельности Караджичъ еще разъ вернулся къ вопросу о разницахъ между церковно-славянскимъ и сербскимъ языками. Онъ въ 1857 году издалъ „Примјери Српско-славенскага језика“, интересныя по примѣрамъ старо-сербского языка. Караджичъ, который въ это время уже имѣлъ обширную извѣстность и знакомство съ

*) Кело Stanka Vraza IV, 72—79.

**) Slavische Bibliothek Миклошича, II, стр. 232—236.

***) Писма, стр. 54—59

лучшими учеными и славистами того времени, какъ Линде, Надеждинъ, Погодинъ, Бодянскимъ, Срезневскимъ, Миклошичемъ, интересовался и изучалъ рукописи и старопечатныя книги, которая онъ, между прочимъ, покупалъ и пересыпалъ Погодину*). Теперь онъ старался найти основанія для своей реформы въ сербской ореографіи въ историческихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ старыхъ сербскихъ рукописей и книгъ. Въ „Примѣрахъ“ онъ дѣлить *старый* славянскій языкъ на два вида: болгарскій и сербо-славянскій и указываетъ существенные отличительные черты обоихъ. Теперь Караджичъ, знакомый со многими славянскими нарѣчіями, прибѣгааетъ къ указанію ихъ особенностей для подкѣпленія своихъ выводовъ. Приводя выдержки изъ сербскихъ рукописей и старо-печатныхъ книгъ, Караджичъ останавливается на современной замѣнѣ ж и л въ сербскомъ, русскомъ, польскомъ и болгарскомъ языкахъ. Находя въ старопечатныхъ сербскихъ книгахъ *е* вместо *и*, Вукъ Караджичъ замѣчаетъ, что знаки эти смѣшивались уже въ старину въ сербской письменности, и что слѣдовательно разницы въ ихъ произношеніи не было. Тутъ онъ останавливается и на книгѣ Матіи Дивковича „наукъ карстиански“, въ которой не употреблено ни *з* и *ь*, ни *я*, *ю*, *ю*, а для смягченія *л* и *н* предъ ними ставится *ћ*, напр. спаситељ, свагдашћни. „Примјери“ былъ послѣдній трудъ Караджича, въ которомъ онъ пасался вопроса о своей ореографіи.

*) Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель изд. проф. Ниломъ Поповымъ. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1880, кн. I, или 3 вып. писемъ, стр. 678; 683 и др.

Но самымъ важнымъ и лучшимъ трудомъ Караджича по языку, безъ сомнія, второе изданіе словаря, вышедшее въ Вѣнѣ въ 1852 году. Переработка первого изданія словаря была начата Караджичемъ лѣтъ за десять до втораго его изданія.*) Онъ и самъ собиралъ слова, невошедшія въ первое изданіе словаря, извлекая ихъ изъ пѣсенъ, и пользовался помощью многихъ другихъ. Какъ и въ первый разъ, такъ и теперь сначала Копитаръ былъ главнымъ его помощникомъ въ переводѣ сербскихъ словъ на латинскій языкъ, а затѣмъ Даничичъ. Въ своемъ предисловіи Караджичъ благодаритъ Юрия Даничича за помощь при переводѣ словъ на нѣмецкій и латинскій языки. Даничичъ въ это время началъ уже свою ученую дѣятельность, какъ сербскій филологъ, и издавъ *Rat za српски језик* въ 1847 г. въ защиту Вука, черезъ три года — въ 1850 г., напечаталъ Малую сербскую грамматику, которая сдѣлала излишнимъ присоединеніе ко второму изданію словаря Вука Караджича грамматики, подобно тому, какъ это было сдѣлано имъ при первомъ изданіи.

При сравненіи втораго изданія съ первымъ (1818 г.), прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что онъ значительно пополненъ многими новыми словами и выраженіями, собранными и Вукомъ, и его помощниками. Вукъ Караджичъ теперь уже объѣхалъ главныя страны сербскаго племени, хотя ему не удалось быть въ Босніи, Герцеговинѣ, Старой Сербіи, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ этому изданію Речника**), но ему помогали и знатоки боснійскихъ

*) Срезневскій стр. 359.

**) Српски Речник у Бечу 1852., Предговор.

говоровъ, какъ напр. Вукъ Врчевичъ и священникъ Вукъ Поповичъ.

Караджичъ и до изданія и послѣ изданія словаря нѣсколько разъѣзжалъ въ Далмацию и въ австрійскія земли, населенные сербами: такъ въ 1837 году онъѣзжалъ въ Венгрию, Славонію и Хорватію, въ 1838 г. былъ въ Славоніи и Далмациі, въ 1841 г. онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ Надеждинымъ и Княжевичемъ по Далмациі, Черногоріи, Хорватіи, Славоніи и Сербіи*) и т. д. Такимъ образомъ Вукъ Караджичъ могъ во всѣхъ главнѣйшихъ мѣстностяхъ, занятыхъ Сербскимъ племенемъ, слышать и изучать особенности различныхъ говоровъ.

Въ словарь вошли выдержки изо всѣхъ важнѣйшихъ трудовъ Караджича: народныя пѣсни, пословицы, сказки, имъ изданныя, преданія и историческая событія, этнографическія наблюденія и географическія замѣтки — все давало матеріалъ для его словаря и отчасти вошло въ него, то какъ примѣръ, подтверждающій то или другое значеніе сербскаго слова, то какъ разъясненіе и пополненіе. По количеству вошедшихъ въ новое изданіе словаря сербскихъ словъ, онъ почти удвоился въ объемѣ**). Караджичъ, исключившій изъ сербской азбуки для сербскихъ словъ *x* и потому не помѣстившій ни одного слова подъ *x* въ первомъ изданіи словаря, перемѣнилъ теперь свое мнѣніе, и во второмъ изданіи *рјечника* находимъ цѣлый рядъ словъ подъ

*) Срезнев. стр. 351.

**) Въ письмѣ къ Надеждину отъ 13 Марта 1851 г. Караджичъ говоритъ, что онъ прибавилъ 20,000 новыхъ словъ. — Русск. Архивъ за 1873 г., стр. 1216.

буквою *x*, помѣщенныхъ прежде подъ другими буквами *).

Что касается системы удареній и знаковъ для нихъ, то и тутъ Караджичемъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: такъ просодіи, о которыхъ Караджичъ говорилъ въ своей *писменности* очевидно подъ вліяніемъ видѣнной имъ рукописи Милованова, были уже усовершенствованы въ первомъ изданіи словаря, а во второмъ онъ принялъ вмѣсто циркумфлекса знакъ двойнаго грависа**).

Теперь значеніе Вука Караджича и его литературной дѣятельности было понято всѣми, и появленіе втораго улучшенаго изданія словаря не возбудило бури, подобной той, которую ему пришлось вынести при появленіи первого изданія въ 1818 г. Изъ этого изданія онъ исключилъ всѣ слова ругательныя или оскорблявшія нравственное чувство, противъ чего такъ сильно вооружились его противники послѣ выхода въ свѣтъ первого изданія Рjeчника въ 1818 году. Значеніе этого труда Караджича но можетъ быть подвергнуто никакому спору: *Рjeчник* — во второмъ изданіи представляетъ не только словарь живаго сербскаго языка, но и собраніе обычавъ, и описание нравовъ сербскаго народа и имѣть равную цѣну какъ для филолога, такъ и для этнографа. Внося турецкія слова въ словарь, Караджичъ имѣлъ въ виду запи-
сать все, что употребляетъ народъ для выраженій своихъ мыслей. Это было тѣмъ естественнѣе, что долгая власть Турокъ внесла въ самую жизнь сербовъ новыя для нихъ понятія, которыхъ получали и свое

*) Оцѣнка словаря сдѣлана Гатталою. Rad. IV, 127—135 стр.

**) Подробности см. въ трудѣ Романа Бранта — Начертаніе славянской акцентологии. С.-Пбргъ. 1880, стр. 75—79.

имя оттуда, откуда они были принесены. Ставилось въ упрекъ Караджичу, что онъ не внесъ словъ, употребительныхъ въ сербскомъ литературномъ языке того времени *); но задача Вука Караджича именно и состояла въ томъ, чтобы показать богатство народнаго языка и измѣнить самый языкъ сербской книги, очистивъ его отъ элементовъ русскаго и церковно-славянскаго, противъ которыхъ онъ ратовалъ.

Но оппозиція противъ нововведеній Вука Караджича въ языке и въ орографіи не прекращалась. Особенно же сильныхъ противниковъ она встрѣчала въ средѣ сербовъ Венгрии, которые въ трудахъ Караджича видѣли уступку правительственному давленію въ Австріи на православнаго народности. Это отразилось и въ Сербіи, гдѣ Яковъ Живановичъ, секретарь князя Милоша, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ правописанія Вука Караджича. 19 Декабря 1832 г., вѣроятно подъ вліяніемъ раздраженія противъ Вука за его письмо о правленіи въ Сербіи, князь Милошъ издалъ приказаніе, чтобы въ Сербію даже не привозились книги, печатанные по правиламъ Вуковой орографіи. Съ тѣхъ поръ это запрещеніе вуковицы въ Сербіи повторялось и всколько разъ, и хотя Общество Сербской словесности въ 1848 и въ 1849 г. просило правительство снять это запрещеніе, но противники Вука Караджича имѣли перевѣсь, и это запрещеніе было возобновлено 29 марта 1850 и 14 Апрѣля 1852 года. Даже въ 1858 г. „попечительство просвѣщенія“, какъ въ то время называлось въ Сербіи Министерство Народнаго Просвѣщенія, сдѣлало замѣчаніе редактору Сербской офи-

*) Серб. Лѣтопись за 1864, кн. 109., стр. 125.

циальной газеты за употребление нѣкоторыхъ словъ и правописанія по системѣ Вука Караджича. Оно предписывало вмѣсть съ тѣмъ редактору держаться правилъ сербской орографіи, указанныхъ въ IV т. Гласника и выработанныхъ обществомъ Сербской словесности, а также указаній грамматики Вуича *).

На „Малогоспоїнскай“ снушицѣ, т. е. бывшей 8 Сентября, въ 1859 г. было сдѣлано предложеніе о разрѣшениі вуковицы въ Сербской литературѣ, вслѣдствіе котораго правительство, послѣ нѣкотораго колебанія, издало 23 Января 1860 г. законъ, который разрѣшалось употребленіе азбуки Вука Караджича во всѣхъ изданіяхъ, за исключеніемъ офиціальныхъ и книгъ учебныхъ. Наконецъ 12 Марта 1868 г. уже послѣ смерти Вука Караджича былъ снятъ всякий запрѣтъ съ его орографіи, и съ тѣхъ лишь порь вуковица стала употребительной и въ офиціальныхъ изданіяхъ въ Сербии **).

Къ разряду трудовъ Вука Караджича имѣющихъ ближайшее соотношеніе и связь съ установленіемъ сербскаго литературнаго языка слѣдуетъ отнести и его переводъ Новаго Завѣта, изданный имъ въ 1847 г. Карадничъ, ратовавшій противъ церковно-славянскаго языка въ сербской литературѣ, былъ того мнѣнія, что славянскій текстъ священныхъ книгъ почти совсѣмъ непонятенъ Сербу. Мы видѣли, что по порученію библейскаго общества въ Петербургѣ онъ занялся переведомъ священнаго писанія на сербскій языкъ. Рукопись его, переданная Стойковичу, исчезла, и Ка-

*) Србске Новине за 1858 г. Приказаніе Министра Просвѣщенія Црнобарца подъ № 948 отъ 31 Мая. Редакторомъ этой газеты былъ въ то время Милошъ Поповичъ.

**) Србија, 1868 г. № 27 отъ 3 Апрѣля, стр. 106.

дничъ сталъ исподволь готовить новый переводъ Нового Завѣта на чисто-сербскій языкъ. Къ своему переводу онъ отнесся чрезвычайно заботливо: почти каждый день, говорить Срѣзневскій, читалъ онъ, хоть по немногу, Новый Завѣтъ; соображая, какъ перевести прочитанное на чисто-сербскій языкъ *). Плодомъ этихъ заботъ былъ Новый Завѣтъ — на сербскомъ языкѣ. Но онъ напечаталъ этотъ переводъ по своей ореографической системѣ. Это подняло противъ Вука Караджича цѣлую бурю, особенно въ средѣ духовенства, видѣвшаго во внесеніи ј въ священную книгу оскорблѣніе ея святости. Это негодованіе было такъ сильно, что въ Сербіи было издано особенное постановленіе въ 1850 г. о запрещеніи употребленія язиковицы и ввояѣ перевода Нового Завѣта въ Сербію. — Караджичъ хлопоталъ передъ правительствомъ и письменно, и лично просилъ, отиравшись въ Сербію, о снятіи запрета, — но многіе, особенно изъ среды духовенства, рѣшительно не хотѣли допустить этотъ переводъ къ распространенію въ народѣ. Сначала недовольство это не переходило въ печать, но вскорѣ появились нападки на него и въ современныхъ газетахъ и журналахъ.

Одно изъ первыхъ нападеній на переводъ Нового Завѣта было вызвано статьею, помѣщенною въ прибавленіи *Luna* къ Загребской иѣменской газетѣ **). Въ этой статьѣ подробно рассказывалась история Вукова перевода Нового Завѣта на сербскій языкъ, при чемъ авторъ отвѣчалъ на нападки, которыхъ слышались на этотъ трудъ Вука. Въ ней доказывалась потребность этого

*) Братская помочь, стр. 361.

**) № 98 за 1847 г.

перевода на живой сербскій языкъ примѣромъ Грековъ, которые также нуждаются въ новогреческомъ переводѣ, таѢ какъ теперешніе Греки такъ же плохо понимаютъ старый Греческій языкъ, какъ Сербы славянскій, тѣмъ болѣе что славянскій переводѣ болыше соблюдалъ точность въ передачѣ словъ, чѣмъ содѣржанія и мысли греческаго подлинника Нового Завѣта. Даѣже авторъ этой замѣтки старается защитить переводѣ отъ нападеній на неточность перевода и подозрѣній, что онъ изданъ по наговору Римской пропаганды, желающей внести разладъ въ среду православныхъ Сербовъ. Переводу Вука ставилось въ заслугу то, что переводчикъ, самъ извѣстный знатокъ языка, наблюдалъ, чтобы передать точно мысль подлинника и поэтому не обращалъ вниманія на точность перевода словъ. На эту статью отозвался В. Лазичъ, секретарь сербскаго Митрополита Петра, въ Подунавкѣ *), въ которой онъ, доказывая необходимость развивать книжный языкъ, какой въ ту пору господствовалъ въ сербской литературѣ, а не принимать неприспособленный для выражений науки и высшихъ знаній — языкъ простаго народа, богатство котораго вынесъ въ своихъ изданіяхъ Вукъ Караджићъ, между прочимъ замѣчаетъ, что въ изданіи Вукова перевода встрѣчаются слова, оскорбляющія нравственное чувство, какъ напр. курва, вместо котораго онъ соѣттовалъ употребить слово: блудница. На эти замѣчанія Лазича отозвался Даничичъ, помогавшій Вуку Караджичу въ этомъ перевода Нового Завѣта, издавъ брошюру: В. Лазичу I. Въ ней онъ, защищая переводѣ Караджича, съ горячностью нападаетъ на Лазича, виня его въ невѣжествѣ, по обычаю сербской

*) Подунавка, еженедѣльное приложеніе къ Серб. Нов. № 3 за 1848 г.

критики того времени, и оправдывалъ употребленіе въ этомъ переводѣ такихъ словъ, какъ *курва**).

Въ другой своей статьѣ противъ Вукова перевода **) Лазичъ, повторяя прежнія свои возраженія, прибавляетъ, что Караджичъ имѣетъ связи съ „фратрами“ и „другими иновѣрцами“, заподозривая такимъ образомъ самую благонамѣренность Караджичеваго перевода Нового Завѣта. И на эту статью отвѣтилъ Даничичъ брошюрой, въ которой защищаетъ Вука или, правильнѣе сказать, доказываетъ неосновательность сужденій самого Лазича. Даничичъ выступаетъ теперь горячимъ защитникомъ правописанія Вука Караджича, ссылаясь на мнѣнія Греча и Надеждина о несовершенствѣ русскаго правописанія.

Но и Караджичъ не оставилъ безъ возраженій нападки на его переводѣ Нового Завѣта. Когда появился благосклонный отзывъ о его переводѣ въ „Сѣверной пчелѣ“, на который отозвалась *Подунавка* ***) въ статьѣ, обозначенной двумя крестами, Караджичъ издалъ брошюру: Господину са два креста. Въ *Подунавкѣ* къ прежнимъ обвиненіямъ прибавлено, что во 1) языкъ перевода не можетъ быть названъ ни языкомъ книги, ни языкомъ разговора, но представляеть смѣсь Черногорскаго и Герцеговинскаго нарѣчий, во 2) Караджичъ не имѣлъ подъ руками греческаго оригинала, что доказывалось переводомъ слова *акриды* словомъ *скакавци* (саранча), въ 3) что переводъ былъ напечатанъ на счетъ мѣхитаристовъ въ Вѣнѣ и былъ изданъ безъ всякаго одобренія или участія со стороны духовныхъ властей,

*) В. Лазаћу I. стр. 10 и 11.

**) Подунавка № 8 за 1848.

**) 49 за 1847.

которых могли бы быть единственными компетентными въ этомъ дѣлѣ. Караджичъ, доказывая, что переводъ ахридиы сдѣланъ имъ вѣрно, и что это слово не значитъ верхушки растенія, какъ доказывается авторъ статьи въ Подунавкѣ, ссылается на церковно-славянскій словарь Алексѣева и объясненіе, сдѣланное въ изданіи славянскаго евангелія 1820 г. въ Петербургѣ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что какъ Даничичъ, такъ и Караджичъ защищали переводъ Новаго Завѣта ссылками на русскія сочиненія и на то, что онъ переведенъ и на русскій языкъ. Эта ссылка имѣла особенно ивѣкое значеніе, такъ какъ значение русскихъ, какъ строгого православныхъ, было особено высоко цѣнено въ то время въ средѣ родственныхъ намъ единовѣрныхъ племенъ.

Но это было лишь начало полемики, и вскорѣ появились довольно вѣсія замѣчанія на переводъ Караджича. Јованъ Стейчъ, секретарь Совѣта и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества сербской словесности, напечаталъ „Езыкословие примѣтбе на предговоръ“ Караджича и Новому Завѣту, *) а въ 1852 году появился примѣтбе Никанора Груича, въ то время архимандрита, а впослѣдствіи епископа Пакрацкаго и Славонскаго. **)

Стейчъ, признавая заслуги Вука Караджича, какъ лучшаго сербскаго филолога, указываетъ, что „самъ

*) Гласник. II, I—42.

**) Примѣтбе Никанора Груича, архимандрита куземдинскаго на переводъ новаго завѣта кои је господина Вука С. Карадића писао и у Бечу у штампаріји Јерменскога конактира печатао 1847. У Земуну. 1852 г. (138 стр.). Противъ перевода писао Јовановић Евгеније: О преводу новога Завѣта. г. Вука Стее. Карадића у Карађорђу 1850. Било много другихъ брошюре и статей объ этомъ переводѣ.

Вукъ не могъ соблюсти своего принципа: пиши, какъ говоришь—въ своемъ переводѣ Нового Завѣта и принуждѣшь бытъ оставить 49 славянскихъ словъ, 47 словъ произвѣль изъ славянскаго языка и 84 придумалъ *). Это отступленіе Вука Караджича, который до того времени сильно нападалъ на каждого изъ писателей, употреблявшаго то или другое славянское слово, казалось Стеничу признаніемъ съ его стороны, что онъ понимъ невозможность построить новый книжный языкъ на языѣ чисто народномъ и признаетъ силу возраженій тѣхъ сербскихъ писателей, которые старались создать на основе славяно-сербскаго языка новый литературный языкъ. Что насасется выбора нарѣчія, на который переведенъ Новый Завѣтъ, то Стеничъ указываетъ Караджичу, что лучше было бы выбрать Сремское вмѣсто Герцеговинскаго, которому Вукъ Караджичъ отдавалъ предпочтеніе. Стеничъ считалъ неразумнымъ отказываться отъ исторического начала правописанія и не могъ согласиться съ „фонетическимъ письмомъ“ Вука Караджича. Въ подробное разсмотрѣніе самого перевода Стеничъ не входитъ.

Но эту задачу принялъ на себя Никаноръ Груичъ, который тщательно прослѣдилъ стихъ за стихомъ переводъ Караджича, указавъ неточности выраженій и срав-

*) Въ своемъ предисловіи къ переводу Нового Завѣта Караджичъ пересчитываетъ 30 Турецкихъ словъ, имъ употребленныхъ изъ числа вошедшихъ въ общее употребленіе у Сербовъ, 49 Славянскихъ, 47 „посербленныхъ изъ славянскихъ“ и 84 имъ произведенныхъ, но не употребляющихся въ народномъ языкѣ. (см. предговор. къ изданию Нового Завѣта 1847 г. стр. V—VIII). Замѣтили кстати, что не все экземпляры этого первого изданія Нового Завѣта снабжены предисловіемъ и объясненіями Вука Караджича. Сколько мнѣ известно, предисловіе это не перепечатывалось послѣ этого ни въ одномъ изъ последующихъ изданій.

ничь соответствующаиа иѣста съ греческими и латинскими текстами. Ученый архимандритъ дѣлаетъ Караджичу много весьма основательныхъ упрековъ за то, что онъ, стараясь упростить выраженія евангелия, придавалъ имъ тривиальный характеръ. Такъ въ гл. I, стр. 23 евангелия отъ Матея онъ называетъ Богородицу *девојка*, хотя всякий сербъ могъ бы понять слово *дѣвка*; славянскій переводъ греческаго привѣтствія *χαῖρε* — радуйся, Караджичъ не передалъ словами: *дабро ютро* *), что въ сущности не имѣеть никакаго смысла, какъ напр. въ гл. 25 ст. 49 евангелия отъ Матея. Нѣкоторыя сербскія слова, совершенно несоответствующаиа по своему значенію смыслу славянскаго подлинника, такъ и остались въ тенерешнемъ сербскомъ языкѣ, благодаря переводу Караджича, въ томъ значеніи, какое онъ имъ придалъ. Такъ остались напр. слова *незабожачки*, *незабожци* въ смыслѣ языческій, идолопоклонники. На неправильность перевода слова идолопоклонникъ указывалъ и архимандритъ Груичъ. **) Всѣ замѣчанія Никанора Груича сводятся къ тому, что Караджичъ слѣдя то славянскому, то греческому тексту, ***) то не слѣдя ни одному изъ нихъ, не имѣль возможности перевести всюду правильно, вслѣдствіе чего духъ того времени, къ которому относится евангелие, не получилъ достаточнаго выраженія въ переводе; что же касается языка, то кроме неточности перевода Груичъ указываетъ на то, что въ переводѣ Нового Завѣта употреблены выраженія, оскорбляющія стыдливость.

*.) Впослѣдствіи это выраженіе замѣнено словомъ *здраво*. Мате. 26 гл., 49 ст. въ изданіи англійскаго библейскаго общества. Будапешть 1877 г.

**) Прайматбе, стр. 10.

***) Кондитаръ переводилъ съ греческаго, специальнѣ для Караджита. Нѣкоторыя иѣста евангелия.

Воть тѣ главныя замѣчанія, которыя были сдѣланы сербскими критиками на переводъ Новаго Завѣта Вука Караджича.

Объ этомъ трудѣ Караджича были ограждены и въ русской печати. Выше было уже упомянуто о похвальномъ замѣчаніи о немъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 243 за 1847 г.). Покойный И. И. Срезневскій написалъ весьма обстоятельную статью по поводу выхода въ свѣтъ перевода Новаго Завѣта на сербскомъ языке *). Хотя Срезневскій признавалъ за нимъ высокое достоинство въ глазахъ филолога, но въ то же время считалъ этотъ трудъ Караджича неудачнымъ и недостигающимъ цѣли. Онъ указываетъ примѣры излишней заботливости Караджича употреблять лишь общепонятныя сербскія слова, напр. *силуло* вместо *светла* (въ переводѣ выраженія: и свѣтъ во тмѣ свѣтится), между тѣмъ, какъ слово *светла* и въ сербскомъ языке имѣеть и то значеніе, въ кото-ромъ оно употребляется въ славянскомъ текстѣ Новаго Завѣта. Срезневскій полагалъ также, что при переводѣ Новаго Завѣта Караджичъ могъ бы обойтись безъ турецкихъ словъ, оставилъ старославянскія, русскія или греческія слова текста и сдѣлавъ объясненія въ смос-кахъ. Самое фонетическое правописаніе Вука Караджича онъ не считалъ умѣстнымъ въ переводѣ Новаго Завѣта, не говоря уже о томъ, что вообще признавалъ эту орѳографію *странною* и *лишенною характера кириллицы* **).

Впослѣдствіи обвиненія этого перевода Новаго Завѣта приняли особый характеръ: критики стали находить

*.) Журн. Министерства Народ. Просвѣщ. за № 1848 г. Т. LVII, отдѣление VI, 139—157.

**) Ibidem. стр. 156. и 157.

въ немъ погрѣшности и противъ ученія православной церкви.

Въ 1858 году Гильфердингъ напечаталъ въ Парижъ книгу *les slaves occidentaux*, которая почти одновременно появилась и въ русскомъ подлинникѣ въ Русской Бесѣдѣ за 1858 г. *) Онъ, высказывая тогда широкораспространенное подозрѣніе между противниками Вука Караджича, что Копитаръ былъ подкупленъ Австрійскимъ правительствомъ, чтобы и въ наукѣ проводить католический тенденціи, обвиняетъ Вука Караджича, что онъ служитъ лишь орудіемъ Копитара въ его интересахъ. Самая азбука Караджича, по мнѣнію Гильфердинга, въ этомъ случаѣ лишь отражавшаго мнѣніе многихъ сербовъ того времени, — также служитъ орудіемъ латинской пропаганды. Что же касается перевода Новаго Завѣта, то въ немъ одно мѣсто, по словамъ Гильфердинга, „имѣло цѣлью приписать св. Петру верховную власть надъ апостолами; узнали также, что переводъ этотъ былъ изданъ на счетъ Римской пропаганды.“ Караджичъ не оставилъ этого обвиненія безъ возраженій; онъ совѣтуетъ Гильфердингу обратиться къ изученію старой сербской письменности, въ которой онъ бы нашелъ, что сербы никогда не держались вполнѣ кириллицы, и указываетъ на своихъ предшественниковъ въ реформѣ правописанія, на Меркайля, Лукіана Мушицкаго и т. д. Возражая на обвиненія его перевода Новаго Завѣта въ ереси, Вукъ Караджичъ требуетъ доказательствъ и называетъ ложью и клеветою, будто переводъ его изданъ на счетъ Римской пропаганды *).

*) Собр. соч. Гильфердинга: Развитіе народности у западныхъ Славянъ. т. II. (о Копитарѣ и Вукѣ стр. 79—81.

*.) Одбрана од ружења и кујења. Караджича.

Мѣсто, которое вѣроятно и подало поводъ къ обвиненію перевода Караджича въ пропагандѣ латинства, заподозрено еще Никаноромъ Груичемъ *). Оно находится въ первомъ посланіи Апостола Петра въ 5 гл. 1 ст., въ которомъ слово славянскаго текста *старецъ* (въ лат. текстѣ *consenior*, въ греч. ὁ συνπρεσβύτερος, относящееся къ Петру, Караджичъ перевелъ на сербскій словомъ *старјешина*—старѣйшина. Но Груичъ не выражаетъ подозрѣнія, что Караджичъ проводить здѣсь мысль о главенствѣ Петра подъ *слѣдніемъ* ученія латинской церкви или римской пропаганды. Онъ просто замѣчаетъ, что здѣсь можно вывести (хотя слѣдуетъ признаться — съ большими натяжками), что апостолъ Петръ называетъ себя *старѣйшиной* апостоловъ, что противно ученію православной церкви. „Отсюда видно, говорить Груичъ, какъ опасно дать въ руки переводъ священнаго писанія тому, который долженъ бы быть самъ признаться, что это ему не по силамъ“. Гильфердингъ въ этомъ обвиненіи Караджича былъ лишь выразителемъ общественной молвы.

Но нельзя не признать, что переводъ Нового Завѣта, сдѣланный Вукомъ, давалъ слишкомъ обыденный характеръ такой священной книгѣ, какъ Новый Завѣтъ. Принижаясь до пониманія самого простаго человѣка, Вукъ Караджичъ старался и самыя евангельскія понятія принаровить къ понятію простаго серба. Этимъ лишь избытокъ усердія сдѣлать изъ Нового Завѣта книгу для чтенія и можно объяснить, что Караджичъ употребилъ такія выраженія, какъ: *трудна од Духа светога* (Мате. I. 18), что соответствуетъ русскому: *беременна отъ Духа святаго*, или

*.) Примѣчаніе и т. д. стр. 92.

узе за ѡазо, выражение, имѣющее въ простомъ обыденномъ сербскомъ языке смыслъ ругательный. Онь не соблюль той мѣры, которая необходима при перевода священного писания для сохраненія высоты выражений Нового Завѣта.

Эту черту подмѣтили всѣ критики перевода Вука Караджича, и одинъ изъ нихъ, Евстаѳій Михайловичъ, выразилъ уображеніе, что Вукъ переводилъ съ нѣмецкаго текста, а не со славянскаго *).

5.

Новыя изданія сербскихъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и Ковчежиціа. Связи Караджича съ учеными и писателями.—Смерть Вука Караджича.

Перейдемъ теперь къ исторіи дѣятельности Вука Караджича, какъ собирателя и издателя устной словесности сербскаго народа съ того времени, какъ онъ задумалъ сдѣлать новое изданіе пѣсенъ, которое заставило забыть о его пѣснирацахъ. Это второе изданіе Вукъ Караджичъ началъ въ Лейпцигѣ и сначала, какъ было выше указано, издалъ III томъ, въ 1823 г., посвятивъ его князю Милошу Обреновичу, съ которымъ онъ уже сблизился въ послѣднія поѣздки свои въ Сербію, затѣмъ II томъ, а въ слѣдующемъ году I томъ, въ которыхъ были напечатаны женскія и юнацкія пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ. Причиною того, что эти томы пѣсенъ Караджича не были отпечатаны

*) Обрана езика Србскогъ одѣ изопачаванї и простачени и њговоњ и Кирилице одѣ Вуковице писао Евстати Михайловић. У Великомъ Бечкереску. 1863 г. стр. 48—68.

въ Вѣнѣ, а появился въ Лейпцигѣ, была Вѣнская полиція. Не смотря на то, что Копитаръ, какъ цензоръ славянскихъ изданій, конечно, не нашелъ никакихъ препятствій для ихъ напечатанія въ Вѣнѣ, полиція не дала своего разрѣшенія, потому что между пѣснями была одна, очень болѣшая, о восстаніи Сербовъ въ 1804 г., которая, по мнѣнію вѣнской полиціи, могла „нарушить спокойствіе государства“. Не смотря на всѣ старанія Караджича и Копитара, полицейское запрещеніе не было снято, и Караджичу пришлось издать эти три тома пѣсенъ въ Лейпцигѣ. Когда они появились въ продажѣ въ Вѣнѣ, Копитару и Караджичу пришлось долго оправдываться передъ полиціей *).

Къ первому тому этого изданія пѣсенъ Караджичъ приложилъ большое предисловіе, въ которомъ опредѣляетъ характеръ юнацкихъ и женскихъ пѣсенъ. Знатокъ обычаетъ и нравовъ своего народа, Караджичъ разсказываетъ, какъ поются тѣ и другія пѣсни. Юнацкія, которые по взгляду народа имѣютъ значеніе исторической были, поются въ ладъ гуслей для того, чтобы слушали и поучались, а женскія поются всѣ присутствующіе, всего чаще двое въ одинъ голосъ. Онъ указываетъ, что юнацкія пѣсни сохранились по преимуществу въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ сбереглось больше историческихъ традицій, и гдѣ образъ жизни населенія проще, какъ напр. въ Герцеговинѣ, Черногорії, Босніи. Караджичъ замѣчаетъ, что въ городахъ Срема, Бачки и Баната, гдѣ уже преобладаетъ жизнь цивилизованнаго запада, не знаютъ даже женскихъ пѣсенъ.

*) Kopitarjeva Spomenica. Josipa Marna. V Ljubljani. Стр. 51 и 59.

Караджичъ останавливается и на истории пѣсень и приводитъ доказательство того, что и въ данное время могутъ создаваться въ народѣ пѣсни по поводу какихънибудь важныхъ и интересныхъ событій или случаевъ. Въ своемъ предисловіи къ первому тому Караджичъ впервые говоритъ о размѣрѣ сербскихъ пѣсень. Первый томъ посвященъ издателемъ Великой княгинѣ Марѣ Павловнѣ, наследной Великой Герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, второй—Канцлеру графу Румянцеву. IV томъ, посвященный Татищеву, русскому послу при Австрійскомъ дворѣ, вышелъ лишь десять лѣтъ спустя послѣ третьего. Равличныя обстоятельства, какъ было указано выше, отвлекли Караджича отъ его дѣятельности издателя народныхъ пѣсень. Въ этотъ IV томъ вошли юнацкія пѣсни различнаго содержанія; между ними имѣются пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ и о новѣйшихъ событіяхъ, какъ напр. о бѣгствѣ Карагеоргія изъ Сербіи (1813) и бой на Морачѣ (1820 г.). Въ предисловіи издатель называетъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ получалъ, пѣсни и перечисляетъ пѣвцовъ, со словъ которыхъ онъ записывалъ главнѣйшія свои пѣсни, при чемъ даетъ характеристику каждого изъ нихъ.

Но въ десятилѣтній промежутокъ между изданіемъ первого и четвертаго томовъ, Караджичъ напечаталъ нѣсколько народныхъ пѣсень въ своихъ *Даницахъ*. Такъ, въ Даницѣ за 1826 г. онъ напечаталъ пѣсню: „Марко Кралевић и вила“, вошедшую впослѣдствіи во второй томъ изданія 1845 г. и историческую пѣсню *Срби у Донаверту* (1744), записанную Орефиномъ и присланную ему Лукіаномъ Мушицкимъ; въ Даницѣ за 1829 г. были напечатаны пѣсни „Женидба Іове Будимије“ и „Ускок Караман“.

Это издание пѣсень привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе въ Европѣ. Яковъ Гrimmъ привѣтствовалъ каждый новый томъ Вука Караджича статьями въ „Геттингенскомъ ученомъ указателѣ“. Отъ его вниманія не ускользнула и пѣсня о *Маркъ Кралесичъ и Вимъ*, напечатанная въ Даницѣ. Онъ сравниваетъ сербскія пѣсни съ Гомеровыми эпосомъ и восхваляетъ Вука *).

Въ тоже время Вукъ Караджичъ собиралъ и народные разсказы, анекдоты и сказки. Въ Даницѣ за 1828 и 1829 г. онъ помѣстилъ нѣсколько разсказовъ и анекдотовъ, болѣе или мѣнѣе народныхъ, и въ этомъ

*) Критическія статьи Якова Гrimма появлялись въ *Göttingische gelehrte Anzeigen*. О второй и первой части пѣсень онъ писалъ въ 1824 г., о „Даницѣ“ за 1826 г., вскорѣ послѣ ея выхода въ свѣтъ, отзывался и на переводъ Тальфи и Евгения Веселаго, издавшаго въ 1826 г. нѣмецкій переводъ первыхъ 50 женскихъ пѣсень изъ собранія Караджича: *Serbische Hochzeitslieder, metrisch ins deutsche übersetzt und von einer Einleitung begleitet von Eugen Wesely, professor am K. K. Gymnasium zu Winkovcze in Slavonien. Pest 1826.* 96 стр. Яковъ Гrimmъ хвалитъ Вука Караджича за то, что онъ обозначилъ въ календарь при Даницѣ всѣ праздники сербскими ихъ названіями, какъ напр. вѣтство *пасха* — *васкресеније*, Успеніе Божіей Матери — *Велика Госпођа*, а Рождество Богородицы — *Мала Госпођа*. Въ рецензіи на переводъ Тальфи: *Volkslieder der Serben. 2 Bände. Halle 1825 и 1826.* Яковъ Гrimmъ тагъ отзывается о сербскіхъ пѣсняхъ и Вуке (*Kleinere Schriften von Jacob Grimm, IV т. Berlin 1869, стр. 419*): Seit den Homericischen dichtungen ist eigentlich in ganz Europa keine erscheinungen zu nennen, die uns wie sie über das wesen und entspringen des epos klar verständigen können. Wir sehen sich jedes bedeutende ereigniss bis auf die allerneueste zeit herunter zu liedern gestalten, die im munde der sänger lebendig fortgetragen werden; deren dichter niemand verräth.

О Караджичѣ Яковъ Гrimmъ замѣчаетъ: Vuk hat durch ihre Bekanntmachung einen unvergänglichen ruhm, keinen zweideutigen wie Macpherson, errungen, zugleich hat er sich um das studium der slavischen sprachen ein grosses verdienst erworben. dieser lieder wegen, glauben wir, wird man jetzt slavisch lernen.

же альманахъ за 1834 г. напечатана краткая народная легенда о силѣ молитвы и о Святомъ Николаѣ.

Побывавъ въ Черногоріи, Караджичъ издалъ въ Цетинѣ въ 1836 г.: Народне српске пословице и друге разаличне, као оне у обичај узете ријечи. Онъ далъ и объясненія къ весьма многимъ пословицамъ, вошедшими въ его собраніе. Хорошо понимая цѣну точности подобныхъ изданій, Караджичъ означаетъ даже мѣсто, гдѣ онъ слышалъ пословицу, если пословица не была изъ числа общезвѣстныхъ, а также при нѣкоторыхъ сообщаетъ и народный разсказъ, отъ которого, по его мнѣнію, произошла пословица, или который можетъ объяснить значение самой пословицы *).

Этому изданію сербскихъ пословицъ Вукъ Караджичъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ сообщаетъ весьма много интересныхъ данныхъ о разныхъ особеностяхъ сербскаго языка и произношенія въ раз-

*) Пословицы въ этомъ изданіи напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, и объясненія къ нимъ обыкновеннымъ гражданскимъ. Въ Цетинѣ былъ лишь одинъ шрифтъ, и для того, чтобы отмѣтить и по виду пословицы отъ разъясненій, Караджичъ употребилъ для первыхъ славянскій наборъ. До Вука Караджича нѣкоторыя народныя пословицы были однажды собраны и изданы Мушкатировичемъ: Притче илити по простому пословице, тѣмже Сентенце илити Рѣченія, трудомъ и приложеніемъ Мушкатировића Јована, у Бечу. 1787. Второе изданіе собранія Мушкатировича было сдѣлано въ Будимѣ въ 1807 г., откуда перевезъ Добровесій въ Slovanka на вѣмецкій языкъ нѣкоторымъ изъ пословицъ.

Затѣмъ, въ басняхъ Досиоїа Обрадовича, въ отдѣлѣ нравоученій, попадаются отдельные сербскіе пословицы. Нѣкоторыя сербскіе пословицы попали въ число изречений, приложенныхъ къ книгѣ: Оумна наставленіе или нравоучительные правила въ пользу славено-сербскому дѣтице съ греческаго на простый славено-сербскій языкъ преведена Михаиломъ Бояцій Риторики Смышателемъ въ Пештанской Гимназіи. Въ Будимѣ 1808 г. — Въ 1820 г. вышло въ Вѣнѣ собраніе пословицъ Илича, какъ приложение къ 63—66 №ѣ Сербскихъ Новинъ Давидовича.

ныхъ мѣстностяхъ, занимаемыхъ сербами. Посѣтивъ Далмацію и Черногорію, Караджичъ ближе ознакомился съ особенностями языка этихъ сербскихъ мѣстностей, который и отмѣтилъ въ своемъ предисловіи къ пословицамъ. Между прочимъ онъ теперь убѣдился, что необходимо принять букву *х* въ сербскую азбуку, такъ какъ этотъ звукъ произносится въ Черногоріи, Дубровникѣ и адриатическомъ приморье, и потому съ этихъ поръ въ его изданіяхъ появляется *х* тамъ, где „его мѣсто, по этимології“. Такимъ образомъ Караджичъ уже въ это время ощутилъ недостаточность своего правила: пиши, какъ говоришь. Тутъ же онъ отмѣчаетъ и выдающуюся разницу между произношеніемъ нѣкоторыхъ звуковъ у Черногорцевъ и Далматинцевъ которое господствуетъ въ другихъ краяхъ сербскаго племени, но ни въ чёмъ больше не дѣлаетъ уступокъ этимологическому правописанію. Пословицы были вновь изданы Караджичемъ въ 1849 *), въ дополненномъ видѣ. Будучи въ Черногоріи послѣ еще нѣсколько разъ и посѣтивъ различные страны сербскаго племени, Караджичъ и самъ собиралъ пословицы, и просилъ о томъ же и другихъ. Онъ самъ обращаетъ вниманіе читателя на собраніе заклятій, отчасти собранныхъ имъ самимъ въ Черногоріи, а отчасти Вукомъ Врчевичемъ, **) которому онъ обязанъ и за материалъ для шестаго тома сербскихъ пѣсенъ (женскихъ), изданного уже послѣ его смерти.

Караджичъ началъ собраніе загадокъ и издалъ ихъ еще въ 1821 году, какъ прибавленіе къ „Приповѣд-

*). У Бечу. у штампарији јерменскаго манастира 1849.

**). Заклятія эти напечатаны на стр. 297—311, но нѣкоторые изъ нихъ были уже въ первомъ изданіи сказокъ 1821 г.

камъ“, вышедшими въ качестве приложений къ 29 № Сербскихъ Новинъ этого года*). Это собрание оно впослѣдствіи пополнилось и въ предисловіи къ своей кни-
гѣ „Правительствующій Советъ“ замѣчается, что оно собралъ около тысячи загадокъ, которыхъ и намѣренъ было издать, но, какъ известно, не успѣло этого сдѣлать **).

Что касается собранія сербскихъ сказокъ, то Вукъ Караджичъ издалъ ихъ вторично въ 1853 году, посвятивъ это свое изданіе Якову Гримму ***). Оно дѣлится сказки на два рода: мужскія, въ которыхъ разсказывается возможное, похожее на дѣйствительность, и женскія, содержаніе которыхъ основано на чудесномъ, невѣроятномъ.—Въ это время примѣръ собирания народныхъ произведеній, поданный Вукомъ Караджичемъ, нашелъ уже своихъ послѣдователей, и его изданію сербскихъ сказокъ предшествовало изданіе Аѳанасія Николича, издавшаго къ Бѣлграду въ 1842 и 1843 гг. дѣлъ книги Сербскихъ народныхъ сказокъ, а въ 1846 г. въ Сербской Лѣтописи была напечатана одна изъ сказокъ, собранныхъ Георгіемъ Стефановичемъ. Но языкъ въ всѣхъ этихъ напечатанныхъ сказкахъ былъ подправленъ согласно съ воззрѣніями, господствовавшими въ то время въ школѣ писателей, несогласныхъ съ Вуковой реформой. Въ предисловіи Вукъ Караджичъ сообщаетъ о лицахъ, отъ которыхъ онъ записалъ или получилъ записанные сказки. „Приповијетке“ обратили на себя всеобщее вниманіе, а вышедший измѣцкій ихъ переводъ дочери Вука, съ предисловіемъ Якова Грим-

*) Загадки напечатаны на стр. 33—48.

**) См. Правит. Советъ, стр. II. Лучшее изданіе сербскихъ загадокъ сдѣлано Стояномъ Новаковичемъ. (Панчево 1877).

***) Српске народне приповијетке у Бечу 1853 г.

ма, сдѣлалъ ихъ известными и европейской литературѣ *). Караджичъ въ концѣ своего предисловія просить собирать и присыпать ему сказки, по преимуществу же изъ Герцеговины, Босніи и Старой Сербіи. И дѣйствительно, его собраніе сказокъ пополнялось, но онъ самъ не успѣлъ напечатать ихъ вновь, и лишь послѣ его смерти, въ 1870 году, вышло новое изданіе сербскихъ сказокъ въ кеторомъ прибавлены и новыя, не вошедшия въ изданіе 1853 года.

Караджичъ съ конца 1832 года постоянно жилъ въ Вѣнѣ, но часто на болѣе или менѣе продолжительное время юздила въ Сербію, въ Далмацию, Черногорію и вообще путешествовалъ по землямъ, занятымъ сербскимъ и хорватскимъ племенемъ. Однако не смотря на частыя его поѣздки въ Далмацию и Сербію, ему не пришлось побывать въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, хотя о своемъ желаніи посѣтить эти мѣста онъ вспоминаетъ нѣсколько разъ въ своихъ книгахъ **). Всѣ поѣздки Караджича были плодоносны для литературы, и онъ постоянно расширялъ поле своихъ занятій. Въ 1849 году онъ издалъ „Ковчежић“, въ кеторомъ помѣстилъ нѣсколько статей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ описанію Далмациі. Первая статья въ этой книгѣ Караджича озаглавлена: Сербы всю и всюду; въ ней онъ дѣлаетъ общее опредѣленіе жилища сербскаго племени и числа сербовъ (около 5

*) Вотъ заглавіе немецкаго перевода этихъ сказокъ: *Volksmärchen der Serben. Gesammelt und herausgegeben von Wuk Stephanowitsch Karadschitsch. In's Deutsche übersetzt von dessen Tochter Wilhelmine. Mit einer Vorrede von Jakob Grimm. Nebst einem Anhange von mehr als tausend serbischen Sprichwörtern. Berlin. Druck und Verlag von Georg Reimer. 1854.*

**) Ковчежић. примѣчаніе на стр. I. Рјечник. 2 изд. предисловіе стр. 1.

милліоновъ). Онъ указываетъ, что Сербами себя зовутъ лишь православные сербы, между тѣмъ, какъ сербы, исповѣдующіе магометанскую вѣру, называютъ себя турками, а католики—сербы, живущіе въ Босніи, Герцеговинѣ и въ предѣлахъ австрійской имперіи, какъ въ Хорватіи, Славоніи и т. д., носятъ имена или по мѣсту жительства, какъ напр. католикъ сербъ, въ Дубровникѣ называетъ себя лишь Дубровчаниномъ, или известны подъ прозвищами, какъ напр. въ Бачѣ зовутся Буньевцы и т. д.— Караджичъ старается отыскать причину, почему самое имя *Серба* сдѣлалось ненавистнымъ для магометанъ и католиковъ сербовъ, и находить ее въ религіозной распѣ и старой борьбѣ двухъ вліяній на сербовъ: католического запада и православнаго востока; въ Босніи же присоединяется и гордость дворянина магометанина, не желающаго носить одинаковое имя со своей рабой. Въ общихъ чертахъ Караджичъ рисуетъ и соціальныя условия жизни сербовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ далматинскаго говора обитателей приморскихъ острововъ, которые, помимо Караджича, представляютъ остатки старого хорватскаго населения, онъ переходитъ къ дѣленію южныхъ славянъ, исключая Болгаръ, на Сербовъ штокавцевъ, мѣняющихъ *л* на *с* въ концѣ слова, Хорватовъ—чакавцевъ, и Славенцевъ—кайкавцевъ, къ которымъ причисляетъ и теперешнихъ Хорватовъ въ округахъ Загребскомъ, Вараждинскомъ и Крижевачкомъ.

Караджичъ, такимъ образомъ, выходитъ изъ тѣснаго круга собирателя народныхъ произведеній и установителя правилъ нового сербскаго литературнаго языка,— онъ уже ищетъ существенныхъ отличій въ языкахъ сербовъ и хорватовъ и старается найти оправданіе своей ре-

Формы въ историческихъ традиціяхъ сербско-хорватской литературы. Съ этою цѣлью онъ приводить выписки изъ Рельковича и Канижлича, писателей 18 вѣка, которые, по мнѣнію Караджича, писали на сербскомъ языкѣ болѣе чистомъ, чѣмъ многие писатели его времени.

Въ Ковчежичъ Караджичъ даетъ весьма интересное описание Боки Которской (27—42), о которой впрочемъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія и въ предисловіи къ цетинскому изданію пословиць. Но большая половина этой книги Караджича посвящена описанію народнаго быта въ Риснѣ. Онъ пользовался тутъ помощью священника Вука Поповича изъ Рисна. Описывая свадебные и похоронные обычай въ Риснѣ, онъ приводитъ нѣсколько пѣсенъ, которыя поются на свадьбахъ, и причитанья („покаяніце“) по умершимъ, употребляемыя въ этомъ краѣ. Онъ обратилъ уже вниманіе на приплачі и причитанья въ первомъ томѣ новаго изданія сербскихъ народныхъ пѣсенъ, *) гдѣ помѣстилъ причитанья Паштровичей, присланныя ему Вукомъ Врчевичемъ. Наконецъ Караджичъ пополнилъ и собраніе здравицъ, т. е. приговоровъ, употребительныхъ у сербовъ на праздникъ домашней славы. Въ первомъ томѣ пѣсенъ онъ напечаталъ 7 такихъ здравицъ, употребительныхъ у Паштровичей **), здесь онъ напечаталъ еще 7, употребительныхъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Такимъ образомъ Караджичъ постепенно расширилъ кругъ своихъ занятій. Онъ задумалъ выдѣлить всѣ свои описанія обрядовъ и обычаевъ сербскаго народа, которые по частямъ попадали и въ его изданія пѣсенъ, и въ его словарь, въ особую книгу, которая и вышла послѣ его смерти:

*) Издание 1841 г., стр. 37—97.

**) ibidem стр. 77—84.

Жъивот и обичаји срискога народа. Караджичъ очевидно готовилъ полное описание народныхъ обычаевъ, върова-ний и преданий, но не успѣлъ пополнить тѣ бѣлыхъ страницы, на которыхъ онъ озаглавилъ имена и на-звания предметовъ, которые онъ намѣренъ былъ описать. Такимъ образомъ посмертное издание этого труда Ка-раджича представляетъ въ сущности лишь простую перепечатку многихъ мѣстъ изъ Ковчежича, словаря, пѣсень и т. д. съ весьма рѣдкими видоизмѣненіями текста и прибавками *). Караджичъ высоко цѣнилъ на-родные обычай и давалъ особенную цѣну ихъ сохране-нию еще въ 1817 году, разбирая романъ Видаковича „Любомиръ у Елисіуму“. Онъ между прочимъ, сильно нападаетъ на романиста за то, что тотъ описываетъ въ извращенномъ видѣ сербскую *славу* и ея праздно-ваніе. „Напѣтъ Любомиръ, иронически замѣчаетъ Карад-жичъ, вѣроятно слышалъ, какъ Досиоѣй и Рельковичъ нападали на народные обычай, но не умѣлъ сообразить, что въ этомъ они *жалутили*. У всякаго народа самые святые — три предмета: вѣра, языкъ и обычай: этимъ народы одинъ съ другимъ опредѣляютъ свое родство и этимъ же одинъ отъ другаго раздѣляются. Когда народъ потеряетъ эти три святыни, онъ теряетъ и свое имя“ **).

Въ 1841 году Караджичъ началъ новое издание серб-скихъ пѣсень, которое можно рассматривать, какъ со-вершенно самостоятельное и имѣющее мало сходства съ предшествующимъ: такъ оно отличается богатствомъ материала. Въ это время онъ напечаталъ первый томъ сербскихъ пѣсень (всѣхъ 793.), въ который вошли однѣ

*) Такъ напр. новая вставка *копање новаца* (238—299) *сватовски обичаји у Сријему* (стр. 302—322) *Dјевојачка врачаЊа у Сријему* (322—327)

**) Новине србске 1817 г., № 60, стр. 478.

женскія. Мы видѣли, что въ первыхъ изданіяхъ пѣсенъ Караджичъ иногда измѣнялъ выраженія пѣсенъ. Теперь, по свидѣтельству Срезневскаго, онъ не позволялъ себѣ никакихъ поправокъ и передѣлокъ въ пѣсняхъ и, свыкшись со складомъ пѣсни и народнаго выраженія, онъ чувствовалъ и инстинктивно угадывалъ всякую прибавку, всякое измѣненіе. Срезневскій разсказываетъ, что онъ однажды читалъ вмѣстѣ съ Караджичемъ „Пѣванія Церногорска и Хѣрцеговачка“ Симы Милутиновича, и Караджичъ, лишь только замѣчалъ, что стихъ или выраженіе передѣланы или что пѣсня поддѣлана, поднималъ голову и восклицалъ: „Э, Чубро!“ *) Убѣждение, что народныхъ произведеній должны быть издаваемы въ точности такъ, какъ они существуютъ въ устахъ народа, а затѣмъ тонкое чутье ко всякой поддѣлкѣ и прекрасный опытъ, приобрѣтенный Караджичемъ въ теченіе почти 30 лѣтъ его дѣятельности, какъ собирателя народныхъ произвѣденій, оградили его собраніе пѣсенъ отъ всякихъ фальсификацій и поддѣлокъ.

Второй и третій томы послѣдовали очень скоро: второй вышелъ въ 1845 г., а третій въ 1846 г. Въ нихъ распределены юнацкія пѣсни въ хронологическомъ порядке: во второй томъ вошли пѣсни съ содержаніемъ изъ старого времени (всѣхъ 101), въ третій — относящіяся къ тому времени (89), когда сербское государство окончательно подпало подъ власть турокъ. Четвертый томъ, вышедший въ 1862 г., занятъ пѣснями (62), въ которыхъ воспѣваются события новѣйшей сербской борбы съ турками, подъ предводительствомъ Кара-Георгія и Милоша. Этотъ томъ посвященъ князю Михаилу Обреновичу, который постоянно

*) Срезневскій стр. 357.

оказывалъ помошь Вуку Караджичу и давалъ ему пенсію.

Послѣ смерти Караджича составленъ былъ редакціонный комитетъ изъ Огнешлава Утѣшевовича, Милюшича и Іована Субботича, который продолжалъ изданіе трудовъ Караджича. Пятый томъ, посвященный пѣснямъ Черногорскимъ (18) изъ временъ новѣйшихъ, и шестой, въ который вошли Герцеговинскія женскія пѣсни, изданы ѣтимъ редакціоннымъ комитетомъ. Послѣдній былъ составленъ Караджичемъ изъ собранія пѣсенъ, переданного ему Вукомъ Врчевичемъ, который во многомъ помогалъ ему, какъ говорить самъ Караджичъ въ нѣсколькихъ своихъ изданіяхъ и который извѣстенъ въ Сербской литературѣ, какъ лучшій собиратель произведеній народной словесности послѣ Караджича*). Этотъ послѣдній томъ вышелъ въ 1866 году.

Для полноты очерка литературной и издательской дѣятельности Вука Караджича слѣдуетъ упомянуть еще объ одной книгѣ, приготовленной имъ къ печати и изданной въ 1864 г., послѣ его смерти. Дмитрій Владисавлевичъ, бывшій учителемъ въ Триестѣ, перевелъ, по указанію Караджича, съ нѣмецкаго языка краткое введеніе въ исторію для дѣтей. Караджичъ исправилъ этотъ переводъ, упростивъ языкъ и приспособивъ къ пониманію дѣтей различныя свѣдѣнія о людяхъ и землѣ и начальной исторіи человѣчества до Ноа. Эта книга носитъ заглавіе: Приправа за историју свега свијета ради дјете**).

*) См. Биографический свѣдѣнія о Вуку Врчевичѣ, а также о его дѣятельности въ сербской литературѣ Српска Зора 1881 г. вып. II, стр. 35—36, Slovinac 1881 г. 144—145.

**) Дмитрій Владисавлевичъ умеръ въ 1858 г. — Караджичъ упоми-

Въ 1872 г. напечатанъ былъ въ Вѣнѣ Deutsch-serbischес Wörterbuch, составленный Караджичемъ.

Вукъ Караджичъ предполагалъ также написать исторію времени Карагеоргія *) и оставилъ много разныхъ начатыхъ трудовъ.

Со времени своего отъѣзда изъ Сербіи въ 1831 г., Караджичъ, женатый на Аннѣ Краусъ, уроженкѣ Вѣны, и самъ сдѣлался почти постояннымъ жителемъ этого города. Но онъ часто пріѣзжалъ въ Сербію и проводилъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ, а также принималъ путешествія и поѣздки по славянскимъ областямъ Австріи, особенно въ мѣста, заселенные Сербами и Хорватами. Почти каждую весну или лѣто онъ употреблялъ на такія поѣздки, которыя всегда были полезны для его трудовъ, такъ какъ онъ собиралъ материалы для своихъ изданій, записывалъ пѣсни, сказки, пословицы и разыскивалъ рукописи и старопечатныя книги какъ мы уже говорили выше.

Въ 1845 году онъ, посѣтивъ Бѣлградъ, принималъ участіе въ засѣданії Общества Сербской словесности, въ которомъ обсуждался вопросъ о составленії словаря техническихъ и научныхъ словъ и выражений. Въ 1841 году два профессора Бѣлградскаго Лицея сдѣлали заявленіе о необходимости найти замѣну для иностранныхъ словъ, все болѣе и болѣе употребляющихся въ сербскихъ книгахъ, а также установить единство въ употребленії всякихъ терминовъ. Общество начало работы для составленія такого словаря и при этомъ при переводѣ терминовъ держалось русскаго

настѣ о немъ въ Словарѣ sub v. школа, замѣчая, что въ Триестѣ лучшая сербская школа въ Австріи.

*) Объ этомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Надеждину въ 1848 г. Русск. Архивъ, за 1873 г. стр. 1162.

языка: такъ употреблялись слова: двобрачіе, двосу-
пружіе, безбрачность, полковникъ и т. п. Вукъ Карад-
жичъ посовѣтовалъ Обществу обратиться къ изуче-
нію исторіи сербскаго языка и искать замѣны для
техническихъ иностранныхъ выраженій въ языкѣ на-
родномъ.*). Онъ указываетъ причину, почему серб-
скіе писатели и ученые не находятъ словъ для терми-
новъ, въ томъ, что они сами не *думаютъ* по сербски,
но по нѣмецки или по латыни**). Общество однако
не приняло предложенія Караджича, совѣтовавшаго
ему критиковать со стороны языка всѣ выходящія со-
чиненія на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ изу-
ченія исторіи языка и живаго его употребленія, и рѣ-
шило собирать материалъ для сербской фразеологии.

Въ 1848 году Караджичъ принималъ участіе въ Сла-
вянскомъ съездѣ въ Прагѣ.

Свои связи съ учеными и писателями Караджичъ
поддерживалъ весьма старательно. Кроме Лукіана Му-
шицкаго, который принималъ живое участіе и въ ре-
формѣ сербской орѣографіи, задуманной Караджичемъ,
и въ собираніи народныхъ пѣсенъ, хотя Вукъ впо-
слѣдствіи и отвергалъ это,—съ нимъ было особенно
близокъ Сима Милутиновичъ Сарайлія, пѣвецъ „Сер-
біянки“ и наставникъ черногорскаго владыки и зна-
менитаго сербскаго поэта Петра II Нѣготиша. Караджичъ
и Милутиновичъ въ молодости были такъ близки ме-
жду собою, что мать Симы называла Вука сыномъ.***)

*) Гласник. I, стр. 10. Писма, стр. 14—30.

**) ibilem стр. 16.

***) Вуков одговор на Утук, стр. 22. Сима Милутиновичъ написалъ
мотто къ виньеткѣ, приложенной къ первому выпуску пѣсници Ка-
раджича: Србска мона, ил'е дома и. т. д.

Сима Милутиновичъ, бывшій побратимомъ Вука, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Видинѣ, куда онъ отправился разыскивать своихъ родителей, бѣжавшихъ туда въ 1813 году. Отсюда онъ переписывался съ Вукомъ Караджичемъ, и Лукіанъ Мушицкій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вуку проситъ его написать Симѣ, чтобы онъ собиралъ болгарскія пѣсни и перевелъ какую нибудь сербскую комедію на болгарскій языкъ.*). Рассказывается, что Милутиновичъ условился съ Караджичемъ описать борьбу сербовъ за независимость 1804-1815 гг., при чемъ первый долженъ былъ сдѣлать это описание въ стихахъ, а второй въ прозѣ, и действительно, первая часть Сербянки появилась одновременно съ первымъ выпускомъ Даницы Вука Караджича (1826 г.), въ которой помѣщено „житије Ајдук-Велька“, славнаго героя временъ Карагеоргія.**) Но Сима Милутиновичъ не держался ни языка, ни правописанія Вука Караджича: онъ замѣнялъ ј і и вмѣсто љ и њ употреблялъ л, ні, хотя высоко цѣнилъ заслуги Вука Караджича въ сербской литературѣ***). Онъ считалъ Караджича лучшимъ сербскимъ языкоиспытателемъ*. Когда въ 1847 году въ Обществѣ Сербской Словесности задумывали планъ устройства Архива, въ которомъ были бы собраны документы и свидѣтельства, относящіяся къ новой сербской исторіи, Сима Милутиновичъ внесъ предложеніе, чтобы на

*.) Српска Зора за 1877, стр. 30; письмо отъ 7 мая 1817 г. Slovinac, за 1881, стр. 86.

**) Годишњица Николе Чупића. Т. II, стр. 307. статья Св. Вуловича о Симѣ Милутиновичѣ. Въ 1837 г. Милутиновичъ напечаталъ въ Лейпцигѣ исторію Сербіи отъ начала 1813 г. до конца 1815 г.

***) Ђела Јакова Игњатовића. Т. I стр. 258.

должность начальника такого архива былъ приглашенъ Вукъ Караджичъ *).

Къ реформѣ языка и правописанія въ хорватской литературѣ Вукъ Караджичъ относился съ полнымъ одобрениемъ, хотя самого Гая онъ не высоко цѣнилъ **). Подобно Копитару, онъ былъ противъ буквъ съ надстрочными знаками (ć, ć, ž, š, ё) и совѣтовалъ ихъ замѣнить новыми придуманными буквами. ***) Станко Вразъ, намѣреваясь въ 1839 г. напечатать первый томъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Крайнѣ и Штирии, просить Вука Караджича о позволеніи посвятить ему эту книгу. Вразъ познакомился съ сербскими пѣснями въ *нѣмецкомъ* переводѣ и по-смѣ училъ сербскому языку по грамматикѣ Вука Караджича †). Въ 1845 г. Станко Вразъ пишетъ изъ Вѣны Ербену, что онъ бы желалъ „проводи всю свою жизнь въ томъ городѣ“, гдѣ живеть Вукъ Караджичъ: такъ высоко онъ цѣнилъ Вука ††). Около Вука Караджича въ Вѣнѣ собирались лучшіе сербскіе писатели и начинающіе въ то время ученые. Между первыми отмѣтимъ Алексѣя Радичевича, известнаго въ сербской литературѣ подъ именемъ *Бранка Радичевича* (1824—1853), Вукъ Караджичъ особенно высоко

*) Гласник. II, стр. 162.

**) Письма къ Надеждину. Русск. Арх. за 1873, стр. 1158, 1164, 1206.

***) Писма, стр. 23.

†) Српска Зора 1877, стр. 204. Poklѣ bi u Vašoj gramatici na toliko doterao bio, da sam pomocju narječja svoga zavičaja (štajersko-slovenskog) već několiko od izvorne 1 knjige (ženske pѣsme) razumeo bio, čitah ju jutrom i vecerom; metah noću pod uzglavlje kanoti kakova satravljena děvojka list od svoga ljubovnika. O! od Vaših knjigah svaku više čenim, nego sva ostala srbske literature, ako iznimemo deset do dvanaest svezakah.

††) Dѣla Stanka Vraza, т. V, стр. 373.

цѣнилъ дарованія этого такъ рано умершаго поэта. *)
Бранко первый между сербскими поэтами окончательно порвалъ всѣ связи съ преданіями можно классицизма и сталъ писать свои стихотворенія на чисто народномъ языке. Онъ уже въ дѣствѣ читалъ народныя пѣсни въ изданіяхъ Караджича, и первыя его произведенія поражаютъ правильностью и чистотою своего языка. Въ стихотвореніи „Пут“ (Путь) Бранко Радичевичъ осмѣиваетъ враговъ ореографическихъ нововведеній Караджича и защитниковъ зи и ложноклассическихъ правилъ въ поэзіи, представляя при этомъ Вука подъ видомъ человѣка, одареннаго чудодѣйственною силою и извлекающаго плевелы изъ поля сербской словесности **). Поэтическія произведенія Радичевича показали, на чьей сторонѣ стоитъ молодое поколѣніе Сербіи въ спорѣ между защитниками старыхъ началъ сербской литературы и Вукомъ Караджичемъ ***).

Молодые ученые слависты видѣли въ Вука Караджића — своего учителя. Срезневский, Миклошичъ и Даничић принадлежали къ кружку Вука, который въ своихъ письмахъ называлъ молодыхъ ученыхъ сербовъ *учениками*. †) Даничић — ученикъ Караджича и ревностный защитникъ вѣхъ его реформъ.

Не смотря на свой разрывъ съ княземъ Милошемъ въ 1831 году, Вукъ Караджић всегда оставался однимъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ князя Милоша

*) Јавор, 1877, стр. 1355. Писмо дочери Караджича Мины Вукомановичъ къ издателю календаря „Орао“ за 1877 г.

**) Песме Бранка Радичевића. изд. 1878 стр. 74—109.

***) Стоянъ Новаковичъ: Ђуро Даничић или Филологија и књижевни језик Српски стр. 8.

†) Русск. Арх. за 1873 стр. 1211 г. въ другихъ мѣстахъ.

и династії Обреновичей. Когда въ 1843 году были назначены вторичные выборы князя въ Сербіи по требованію Россіи, и Александръ Карагеоргіевичъ долженъ быть на время сложить княжескую власть, Вукъ Караджичъ пріѣзжалъ изъ Вѣны въ Новый Садъ и убѣждалъ сербскихъ бѣглецовъ, въ то время туда перебѣжавшихъ изъ Сербіи, что великия державы допускаютъ къ выбору въ сербскіе князья лишь князя Милоша или Александра Карагеоргіевича. Онъ былъ на сторонѣ хотя деспотического, но прекрасно знавшаго свой народъ князя Милоша.*) Караджичъ, не смотря на свои новаторскія стремленія относительно сербской литературы, убѣждалъ своихъ соплеменниковъ бережно хранить все, что осталось отъ старины и что составляетъ отличительныя черты сербской народности. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ, что сербы должны сохранить свою народную одежду, и при этомъ ссылается на примѣръ „теперешнихъ родолюбцевъ въ Россіи“, которые обвиняютъ Петра Великаго въ томъ, что онъ заставилъ образованный классъ народа оставить свое національное платье. Онъ не видѣтъ нужды въ томъ, чтобы чиновники по платью отличались отъ остального народа, и утверждалъ, что войска должны носить народное платье. — Самая реформа въ сербскомъ литературномъ языке и вся дѣятельность Вука Караджича можетъ быть объяснена лишь его преданностью своей народности. Онъ называетъ свою дѣятельность „служеніемъ славянству на поприщѣ сербской литературы“. *)

*) Нилъ Поповъ. Россія и Сербія, II, стр. 220.

**) Русс. Арх. за 1873 стр. 1208. — Письмо Караджича къ князю П. А. Ширинскому — Шахматову, когда онъ сталъ Министромъ Народного

Въ 1863 году въ Дмитріевъ день (26 Октября) Вукъ Караджичъ праздновалъ пятидесяти-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности и со слезами слушалъ привѣтствія молодаго поколѣнія сербовъ, оцѣнившаго его стремленія и принявшаго его ново-введенія. Вскорѣ послѣ юбилея онъѣздилъ, по порученію сербскаго князя Михаила, въ Черногорію, на возвратномъ пути оттуда онъ заболѣлъ и, пріѣхавъ въ Вѣну уже больной, умеръ 26 Января 1864 г. Надъ его могилой на Марксовомъ кладбищѣ воздвигнутъ памятникъ со скромной надписью: „Вук Стеф. Карадић. 1864.“ — Караджичъ умеръ въ то время, когда всѣ препятствія, стоявшія на пути его дѣятельности, были уже устраниены, и когда его реформа и сербскаго литературнаго языка, и сербской орѣографіи почти не встрѣчала враговъ среди сербскихъ писателей. Правда, нѣкоторыя ограниченія въ употребленіи *вуковицы* въ Сербскомъ княжествѣ еще существовали, но они были лишь временные и, какъ выше сказано, въ 1868 году вуковица получила въ Сербіи полное господство. Вукъ Караджичъ былъ на столько счастливъ, что онъ видѣлъ побѣду всего того, что онъ такъ заботливо и такъ послѣдовательно проповѣдывалъ всю свою жизнь.

Проспѣщенія. Караджичъ въ это время чрезъ Надеждинъ и другихъ хлопоталъ объ увеличеніи ему русской пенсіи со 100 на 300 червонцевъ.

ГЛАВА III.

**Значение Вука Караджича въ сербской литературѣ.
Его предшественники и исторія реформы сербскаго
литературнаго языка и сербской ореографіи.**

Историки сербской литературы обыкновенно рассматриваютъ Вука Караджича, какъ явленіе исключительное, какъ дѣятеля вполнѣ оригинального, не имѣвшаго своихъ предшественниковъ. Патріотическая гордость сербо-хорватскихъ ученыхъ, вполнѣ понятная и оправдываемая при нынѣшнемъ положеніи сербскаго племени, боится уменьшить великую славу и значеніе этого замѣчательнаго преобразователя сербскаго литературнаго языка и сербской азбуки, признаніемъ того факта, что предшественники Вука Караджича намѣтили уже путь для всѣхъ его нововведеній и что многія его положенія и аргументы, которыми онъ защищалъ свое дѣло отъ своихъ противниковъ, были имъ заимствованы у предшествовавшихъ ему сербскихъ писателей. Самое вліяніе Копитара на Вука Караджича и его участіе въ реформаторской дѣятельности послѣдняго еще далеко недостаточно оцѣнено.—Въ противникахъ Вука Караджича историки сербской литературы видѣть людей безъ всякихъ знаній, даже безъ способности пониманія, тупыхъ филистеровъ или безразсудныхъ консерваторовъ, которые видѣли лишь ересь въ буквѣ, ввѣ-

денной Караджичемъ въ сербскую азбуку, и которые сами не понимали тѣхъ оснований, на коихъ они защищали старое правописаніе и прежній языкъ сербской книги.*^{*)} Но если побѣда, какъ естественно было ожидать, осталась за новыми началами національной сербской словесности, такъ блестяще защищаемыи Вукомъ Караджичемъ и при томъ во время возрожденія сербской государственной жизни, то нельзя не признать, что эта побѣда досталась дорогою цѣною: она уединила Сербовъ и ихъ литературу въ средѣ восточнаго славянства, не давъ имъ въ замѣнѣ опоры въ славянствѣ западномъ, и безъ того раздѣленномъ на многія мелкія единицы, на что именно и указывали нѣкоторые изъ противниковъ Вука Караджича; она предоставила сербскую литературу, и въ наше время, весьма слабую и бѣдную, всѣмъ случайностямъ, оставивъ ее беззащитною предъ усиливающимся вліяніемъ западно-европейскихъ литературъ, при чёмъ и самый языкъ, и способъ выраженія сербской книги подвергается вліянію не русско-славянскому, а нѣмецкому, французскому и даже мадьярскому.

Какъ собиратель и издатель народныхъ пѣсенъ и вообще народныхъ произведеній, Вукъ Караджичъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми дѣятелями новаго времени въ этой области во всѣхъ славянскихъ литературахъ. Если не считать его предшественниками дубровницкихъ писателей XVI и XVII вѣковъ, какъ Гекторовича и Бараковича, которые иногда вносили въ свои сочиненія народныя пѣсни, и „Разговоръ угодни“ Качича-Міопича XVIII в., то Вукъ Карад-

^{)} Стоянъ Новаковичъ. Историја српске книжевности стр. 228. Ягичъ, Književnik, I, стр. 467.

жичь занимаетъ и по времени первое мѣсто между собирателями сербскихъ пѣсень. Вукъ Караджичъ, тѣсно связанный съ живымъ источникомъ народной пѣсни — селомъ и народомъ, богато одаренный отъ природы, инстинктивно умѣлъ опредѣлить цѣну каждого изъ произведеній народной словесности. Онъ не издавалъ всего, что получалъ отъ другихъ или самъ записывалъ, потому что умѣлъ найти въ массѣ матеріала именно то, что имѣть дѣйствительно высокую цѣнность. Близко знакомый съ жизнью сербского народа, онъ зналъ цѣну народныхъ обычаевъ и преданій, умѣлъ описать и записать ихъ и при томъ такъ просто, такъ ясно, что его изданія даютъ вѣрное и точное понятіе о сербской жизни и сербскихъ нравахъ. Его изданія пародныхъ произведеній сверхъ того оказали большую услугу Сербамъ и чисто политического свойства: сербскія народныя пѣсни привлекли общее вниманіе западной Европы къ этому славянскому племени, которое тогда отстаивало свои права на самостоятельность. Оцѣнка дѣятельности Вука Караджича въ этомъ отношеніи, а также и критической разборъ его сборниковъ народныхъ произведеній не входитъ въ планъ этого моего труда. Замѣтимъ одно: позднѣйшіе собиратели и издатели сербскихъ народныхъ пѣсень не могли сравняться съ Вукомъ Караджичемъ въ отношеній точности и систематичности изданія.

Вторая заслуга Вука Караджича состоитъ въ томъ, что онъ создалъ сербскую национальную литературу, съ одной стороны сдѣлавъ народный сербскій языкъ — языкомъ книжнымъ и очистивъ его для этой цѣли отъ всѣхъ чужихъ, неживыхъ элементовъ, съ другой опредѣливъ извѣстное единообразіе въ самомъ правописа-

ніи, до тѣхъ порь зависившемъ почти исключительно отъ прихоти писавшаго. Провозгласивъ лишь правило: пиши, какъ говоришь, Караджичъ не могъ бы создать сербскаго литературнаго языка, — онъ долженъ былъ выработать и подходящее правописаніе, которое однако давало бы возможность держаться этого правила, и указать правила для правильной рѣчи. Поэтому орографическая реформа Вука Караджича тѣсно связана съ возведеніемъ живаго сербскаго языка на степень языка литературы. Караджичу предстояло сдѣлать выборъ между сербскими говорами, и въ началѣ онъ выбралъ для сербской книги говоръ восточный, но очень скоро замѣнилъ его южнымъ или герцеговинскимъ. Этотъ его выборъ однако не решилъ вопроса, и большинство сербскихъ писателей настоящаго времени ^пушутъ говоромъ восточнымъ. „Речник“ Вука Караджича опредѣлилъ материальное богатство сербскаго языка, а грамматика, приложенная къ первому изданію Словаря, положила начало изученію сербскаго живаго языка со стороны формы.

Первые учителя, пришедшие изъ Россіи въ Бѣлградъ, Карловцы и Новый Садъ, первая славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, введенная ими въ сербскихъ школахъ, и церковные книги русской печати, которые привозились ежегодно русскими купцами на ярмарку, вѣроятно въ Адріанополь *), и отсюда расходились по церквамъ православнаго югославянства, — все это надолго закрѣпило господство русского церковнославянскаго языка среди всего югославянства. Онъ сдѣлался языкомъ и обыкновенной свѣтской литературы. На немъ переписывались между собою образо-

*) Соларичъ. Поминакъ книжескій, стр. 58.

ванные люди, на немъ печатались учебныя и ученыя сочиненія, на него переводились даже иностранныя произведенія беллетристическія. Самое начертаніе церковно славянской азбуки представлялось священнымъ тогдашнему грамотному Сербу, а введеніе гражданскаго алфавита казалось профанациею и оскорблениемъ литературы. Но уже Орфелинъ началъ вводить гражданскій шрифтъ въ сербскую печать.

Его „Славено-сербскій Магазинъ“ (1768) и по языку можетъ быть названъ первою сербскою книгою, хотя онъ умѣлъ такъ выражаться, что *Магазинъ* можетъ казаться написаннымъ русскимъ языкомъ половины прошлаго столѣтія. Но въ этой книгѣ Орфелина мы находимъ род. прил. сербскогъ, форму *иѣстоим. иѣму, иѣю, нарѣч. садъ*, выраженія: *све наредбе и распоредке* (стр. 33), дабы у исполненію по оныхъ не по-такиуose (стр. 33), обаче никакагъ подчиненный *ниe обvezанъ* исполнявати и т. д. Въ букварѣ, вышедшемъ не позже 1768 г. и приписываемомъ Орфелину, даже указываются неудобства при обученіі дѣтей грамотѣ слѣдоватъ старому способу обученія по *азамъ* и при этомъ дается совѣтъ употреблять звуковой методъ и передвижныя буквы. — Это былъ смѣлый шагъ въ то время.

Первый сербскій, писатель поднявшій свой голосъ въ защиту правъ сербскаго языка на литературу, былъ Досиѣй Обрадовичъ. Въ 1783 г. онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ свою первую книгу *Животъ и приключения*, въ которой языкомъ по возможности чисто сербскимъ онъ изложилъ свои приключения, съ тою цѣлью, какъ онъ объясняетъ, чтобы дать „прикладъ“ ученымъ „моего народа“ писать и печатать сочиненія на „прос-

томъ діалектѣ“ *). Въ предисловіи онъ объясняетъ, что его сочиненіе будетъ написано на чисто сербскомъ языѣ, такъ чтобы его могли понимать всѣ „сербскіе сыны и дочери отъ Черногоріи до Смедерева и до Баната“. Указывая на примѣръ „просвѣщенной Европы“, Досиѣй приглашаетъ сербскихъ писателей усовершенствовать сербскій живой языкъ такъ, чтобы на немъ могли издаваться сочиненія объ ученыхъ предметахъ, которыя такимъ образомъ сдѣлаются доступными пониманію всѣхъ, не однихъ только знакомыхъ съ книжнымъ языкомъ. „Какая намъ польза отъ языка, который въ цѣломъ народѣ понимается, какъ слѣдуетъ, изъ десяти тысячъ лишь одинъ человѣкъ и который чуждъ матери моей и сестрамъ?“ восклицаетъ Досиѣй. Онъ однако не отрицалъ значенія „стараго“, т. е. церковнославянского языка: съ помощью стараго, говоритъ онъ, новый языкъ постоянно будетъ улучшаться. Успокаивая читателей, что языкъ *старый* не пропадеть вслѣдствіе введенія въ книгу *живаго сербскаго языка*, Досиѣй Обрадовичъ ссылается на примѣръ „Москалей“, которые „всѣ свои лучшія книги пишутъ на своемъ діалектѣ и печатаютъ гражданской азбукою“ *). Сообразно съ этимъ отступленіемъ отъ обычнаго литературнаго языка, Досиѣй Обрадовичъ долженъ былъ отступить и отъ обычной орѳографіи. Онъ почти совсѣмъ пересталъ употреблять г и ъ, замѣтивъ, что въ сербскомъ языѣ они не имѣютъ того значенія, которое имѣется въ языѣ русско-славянскомъ. Онъ перемѣшиалъ эти знаки, такъ какъ сербы произносятъ слово *путь*, какъ *путъ*, не обращая вниманія на ъ, и ѿ

*.) Животъ и приключенія изд. Возаровича Т. I, стр. 120.

**) ibidem, XIII—XVII.

совершенно исключилъ изъ своей азбуки, потому что его „у насъ нѣть“ *).

Но этотъ разрывъ съ преданіями церкви и съ го-
сподствовавшимъ тогда въ сербской письменности цер-
ковно-славянскимъ языкомъ не могъ совершиться такъ
скоро и рѣшительно. Самъ Досиѣй Обрадовичъ, касав-
шійся въ своихъ сочиненіяхъ вопросовъ философскихъ
и богословскихъ, не могъ обойтись безъ помощи языка
русско-славянского. Причина этого, конечно, лежала
въ самой неприспособленности сербскаго языка къ ли-
тературѣ, и поэтому, едва ли можно согласиться съ
мнѣніемъ проф. Ягича, объяснявшаго, между прочимъ
что языкъ въ сочиненіяхъ Досиѣя Обрадовича не до-
стигъ той ступени, на которой онъ могъ бы быть
названъ чисто-народнымъ, — незнакомствомъ Досиѣя съ
хорватскою литературую Далмации и Славоніи**). Хор-
ватская литература, современная Досиѣю, немногимъ
превосходила сербскую, а впослѣдствіи и сами хорваты
приняли сербскій языкъ въ свою литературу, сдѣлавъ
въ немъ лишь нѣкоторыя видоизмѣненія. Досиѣй упо-
треблялъ нѣкоторыя русско-славянскія слова и выра-
женія, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не находилъ
для нихъ удобной замѣны въ языкѣ сербскомъ***). Нарѣчіе сербскаго языка, которымъ писалъ Досиѣй, было
восточное или сремское.

Примѣръ Досиѣя Обрадовича нашелъ своихъ послѣ-
дователей, но не увлекъ всѣхъ сербскихъ писателей.
Если съ одной стороны мысль Досиѣя о литературѣ

*.) Собр. сочин. Дос. Обр. Т. II, стр. 121.

**) Književnik T. I, стр. 453.

***) ibidem. стр. 454—455. Проф. Ягичъ указываетъ важнѣйшия слѣды
влиянія русскаго и церковно-славянскаго языка въ сочиненіяхъ Досиѣя
Обрадовича.

на народномъ языке, которая такимъ образомъ послужить скорѣйшему просвѣщенію сербскаго народа, должна была найти отзывъ въ средѣ патріотическихъ сербскихъ писателей, то съ другой стороны нападки Досиѳея на монашество и духовенство, въ связи съ рационалистическимъ направленіемъ всѣхъ его сочиненій и разрывомъ съ языкомъ церковно-славянскимъ, удерживали тѣхъ же патріотовъ отъ подраженія его примѣру. Къ тому же, именно въ это же время, австрійское правительство стало искать способовъ вытѣснить кириллицу изъ сербскихъ книгъ и замѣнить ее латиницей. Въ царствованіе Маріи Терезіи было издано нѣсколько указовъ о томъ, чтобы изъ школъ греко-несоединеннаго т. е. православнаго вѣроисповѣданія быть постепенно удаленъ кирилловскій алфавитъ, которому отводилось мѣсто лишь въ церковныхъ книгахъ, и замѣненъ „славонскими письменами,“ т. е. латиницей *). Въ 1784 году былъ изданъ указъ на имя Архіепископа и Митрополита Карловацкаго Мойсея Путника, въ которомъ называется *злоупотребленіемъ* обученіе дѣтей въ школахъ языку церковному, который можетъ употребляться лишь въ церковной службѣ и долженъ считаться безполезнымъ и мертвымъ (*pro inutili ac mortuo reputari debet*) и приказывается печатать учебныя и свѣтскаго содержанія книги языкомъ простымъ, илирскимъ и буквами латинскими (*alii vero libri scholastici et profani dialecto vulgari, illyrica cultiori et characteribus Latinis typis excludantur*) **). Хотя благодаря ходатайству митрополита у императора Іосифа II и удалось пріостановить исполненіе этого правительственнаго распоряженія, но подозрѣніе въ томъ, что дѣло идетъ

*.) Гласник I, стр. 131.

**) ibidem, стр. 136.

о насильственномъ совращеніи православныхъ сербовъ въ католицизмъ, могло найти въ подобномъ указѣ лишь явное доказательство прозелитическихъ стремленій австрійского правительства. Послѣ этого понятно, что немногіе писатели рѣшались послѣдовать примѣру Досиоэя Обрадовича, печатать свои произведенія на языкѣ сербскомъ и дѣлать отступленія отъ славяно-русской орѳографіи. Архимандритъ Раичъ написалъ свою „исторію разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ“ (1794—1795 г.) на славяно-русскомъ языкѣ, который значительно ближе къ языку русскихъ писателей половины XVIII вѣка, чѣмъ языки въ „Славено-сербскомъ Магазинѣ“ Орфелина (1768 г.), хотя онъ же напечаталъ „Бой змая съ орловы“, на языке сравнительно чистомъ отъ славянизмовъ. Такимъ образомъ русско-славянскій языкъ церковныхъ книгъ сдѣлался особенно дорогимъ достояніемъ православныхъ сербовъ, какъ знакъ православія и народности,—и введеніе народнаго языка въ сербскую литературу должно было встрѣтить особыя затрудненія.

Но и въ эту пору появлялись въ сербской литературѣ писатели, которые осмѣливались издавать сочиненія на языкахъ народномъ. Къ числу такихъ принадлежитъ Янковичъ, который въ 1789 издалъ въ Лейпцигѣ первую оригинальную комедію „благодарный сынъ“ гражданскимъ шрифтомъ, а въ Пештѣ въ томъ же году церковно-славянскимъ переводѣ нѣмецкой комедіи Старка „Злой отецъ и негодный сынъ“. Обѣ эти комедіи написаны на сербскомъ языке, на столько чистомъ, что въ этомъ отношеніи Янковичъ можетъ быть названъ вполнѣ справедливо предшественникомъ Караджича *).

*) Терговци, комедіа у три акта приведена с' італіанскогъ изъ Карла

Еще раньше (1787) онъ перевелъ на сербскій языкъ и напечаталъ гражданскимъ шрифтомъ въ Лейпцигѣ комедію Гольдони „Терговци“. Но Янковичъ никакъ не могъ совладать съ правописаніемъ, которое не соотвѣтствовало потребностямъ новаго въ литературѣ языка.

Между выдающимися послѣдователями Досиѣа Обрадовича обыкновенно называютъ Павла Соларича, одного изъ ученыхъ сербовъ начала текущаго столѣтія. Соларичъ (1781 — 1821) писалъ о разныхъ предметахъ, попреимуществу же извѣстенъ, какъ составитель первой Географіи на сербскомъ языкѣ и переводчикъ философско-поучительныхъ сочиненій. Онъ писалъ на языкѣ сербскомъ, но съ значительно болѣею примѣсью русско-славянскихъ выражений, чѣмъ его учитель Досиѣа Обрадовичъ, котораго онъ особенно высоко цѣнилъ за содержаніе его сочиненій. Языкъ въ сочиненіяхъ Соларича далеко не всюду одинаковъ: такъ въ „Землеописанії“ Соларичъ старается избѣгать славянскихъ выражений, а въ такихъ сочиненіяхъ, какъ „Букварь Триазбучный“ (1812 году) и „Римляни славенствовавши“ (1818), которая при томъ напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, онъ болѣе держится языка и правописанія церковныхъ книгъ. Соларичъ считалъ русскій церковно-славянскій языкъ *самхимъ сербскимъ*, какъ было сказано выше, но при-

Гольдонини. Комедіа отъ Е. Янковича, студента Медицине. Щампано у Лаписигу. У типографіи госп. Тайлбеля. 1787 године. — Въ предисловіи къ ней Янковичъ между прочимъ говоритъ: Италіанска имена персона ове комедіе нисамъ хотео са Српскимъ променути, връ э име, било Италіанско или српско, а друго опоминѣти дасе нисамъ непрестано италіанскогъ автора речи держао него вадъ кадъ ицелу конструкцію променую, за датиои српски ликъ. Ащо нисамъ (писао) у славенскими негъ у матернимъ Езику, то ћеми сваки опростити, кадъ помисли, да я нисамъ Славининъ негъ Србинъ, и да не пишемъ за Славяне, негъ за Срблѣ.

знавалъ существоание и славянского языка „перваго края“, по его выражению *), между тѣмъ какъ *свѣтхой сербскій*, наравнѣ съ латинскимъ и греческимъ, онъ причисляеть къ языкамъ „втораго края“. Онъ требуетъ чтобы всякий писатель, священникъ и учитель хорошо зналъ этотъ *сербскій свѣтхій языкъ*, при чёмъ признаеть его удобнымъ и для *свѣтской литературы* **), но въ то же время, по его мнѣнию, народъ долженъ получать просвѣщеніе на родномъ, новомъ сербскомъ языке, за которымъ Соларичъ признаеть, какъ его отличительную черту, особенную мягкость, приравнивающую его къ итальянскому. Въ другомъ сочиненіи Соларичъ замѣчаетъ: „всякому свой языкъ, будь онъ мягкий или грубый, кажется самымъ удобнымъ и самымъ лучшимъ, — это естественно; но говоря безпристрастно, какъ между коренными языками, такъ и между нарѣчіями одного коренного языка одно должно одержать побѣду надъ всѣми другими. Между нарѣчіями языка славянского россійское въ письменности самое совершенное, а сербское самое мягкое“ ***). Онъ обращается къ сербскимъ писателямъ съ возваніемъ

*) Римл. Слав. стр. 56.

**) Сравни Лѣтоп. Мат. Серб. за 1826, № 6 стр. 196. Въ письмѣ къ Байченчу (отъ 17 июля 1814 г.) Соларичъ, высказывая ту же мысль о церковно-славянскомъ языке, замѣчаетъ, что русская гражданская азбука недостаточна и хуже славянской. „Гражданскую азбуку сербомъ давлѣвша присвоити у Букварѣхъ и не далше“. Сербы не любить этой азбуки, и въ Далмациѣ Сербскія Новини, выходившия въ Вѣнѣ, не имѣли читателей, потому что печатались гражданскимъ шрифтомъ.

***) Улог ума человѣческаго с'ятмѣцкаго преведен Павломъ Соларичемъ, 1808. стр 159. Соларичъ въ этой книгѣ (182 стр.) доказываетъ излишность буквы *ф* въ Сербской азбукѣ, такъ какъ народъ выговариваетъ *ф*, какъ *в*, и между прочимъ замѣчаетъ, что слово *грамматика* слѣдуетъ перевести *письменница*, *географія* — *землеописаніе*, *Фрѣка* — *Эстественница* и т. д.

составить словарь и грамматику, которые введутъ единобразіе въ говорѣ и письмѣ. Но онъ замѣтилъ, что употребляемыя имъ многія слова, какъ славянскія, такъ и чисто сербскія, непонятны читателямъ, и потому къ нѣкоторымъ изъ своихъ сочиненій онъ приложилъ маленькие словари, въ которыхъ попадаются объясненія словъ чисто сербскихъ, какъ напр. *надничар*, и въ оригиналльной формѣ, какъ *сталиш* (обыкнов. серб. *сталеж*) и русскихъ, какъ *правъ*, *мошенничество*, *наскокомъ* и т. д. *).

Если Соларичъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ того практическаго духа, который такъ отличаетъ всѣ сочиненія Досиѣя Обрадовича, то съ другой стороны онъ не показалъ и того умѣнія владѣть живымъ языкомъ, какое поражаетъ въ сочиненіяхъ первого.

Раньше, чѣмъ началъ Соларичъ свою дѣятельность въ сербской литературѣ, другой сербскій писатель Терлаичъ издалъ книгу: *Забавленіе единаго лѣтняго утра или удивленіе естественнымъ красотамъ* (1793) **), въ которой въ качествѣ пополненія или приложенія онъ напечаталъ весьма характерную статью: Увѣщаніе представляющее Серблемъ причину — побужденія къ присвоенію себѣ Славянскаго языка своего. Отдавая все уваженіе Обрадовичу какъ „преславному первопросвѣтителю рода“ Сербскаго***), Терлаичъ доказываетъ необходимость сохранить для сербской литературы и *Славянский языкъ*. Свое сочиненіе онъ начинаетъ восхваленіемъ

*.) *Сверхъ Воспитанія къ человѣколюбію.* У Венеціи. 1809, стр. 165 — 173. Улог ума челов. стр. 164—176.

**) Переводъ съ нѣмецкаго *Николаи*, см. Шафарикъ *Geschichte des Serbischen Schriftthums*, стр. 397.

***) *Забавленіе* и т. д. стр. 67.

богатства и красотъ ~~славянского~~ языка, подъ которыемъ онъ понимаетъ языкъ русскихъ церковныхъ книгъ, и затѣмъ доказываетъ, что славянскій ~~языкъ~~ понятенъ всякому сербу. Онъ старается опровергнуть тѣ упреки, которые сдѣлалъ Досиѣй Обрадовичъ современнымъ сербскимъ писателямъ, призывая ихъ писать на понятномъ народу сербскомъ языкѣ. Терлаичъ признаетъ славянскій языкъ болѣе удобнымъ для произведеній науки во 1) потому, что „простый языкъ зѣло недостаточенъ есть“, во 2) что „съ простымъ языккомъ, понеже его никто кромѣ насъ не разумѣеть, въ тѣснѣмъ и темнѣмъ предѣлѣ нашемъ оставшеся, останемъ, яко же и до днесь есмы, темны и забвены во очію всѣхъ прочихъ во Европѣ народовъ“ *). При этомъ онъ указываетъ, что сербскій языкъ понятенъ лишь немногимъ неизвестеннымъ „народамъ“, а сохранивъ славянскій языкъ, „Россійскія книги“ много могутъ содѣйствовать просвѣщенію сербскаго народа, и русскіе будутъ понимать произведенія сербскихъ писателей. Славянскій языкъ представлялся Терлаичу вполнѣ обработаннымъ и удобнымъ для „высокой матеріи“, между тѣмъ какъ простой сербскій языкъ нуждается въ обработкѣ, быть можетъ, въ теченіе столѣтія, чтобы стать удобнымъ для употребленія въ сочиненіяхъ науки. Онъ предполагаетъ, что на народномъ языкѣ придется „въ началѣ низшія науки писати, то есть таковыя, яже ко увеселенію паче кратковременному, или къ виѣнику благоображенію читателей служить“, и потому естественно для остальныхъ отраслей литературы слѣдуетъ оставить славянскій языкъ. Возражая

*) ibidem стр. 64.

на то замѣчаніе, что народъ скорѣе просвѣтится, если писатели станутъ употреблять въ своихъ сочиненіяхъ языкъ простаго народа, Терлаичъ замѣчаетъ, что нужна постепенность и въ этомъ отношеніи. Онъ говоритъ, что слѣдуетъ заботиться о просвѣщеніи „вящей“ части народа на славянскомъ языкѣ и выражаетъ надежду, что придетъ время, когда по славянски станутъ читать „и сами пастыре въ невинныхъ и благопащественныхъ колибахъ своихъ“. Досиѣй Обрадовичъ указывалъ на примѣръ Французовъ, Итальянцевъ и Русскихъ, употребляющихъ языкъ народный въ литературѣ, какъ на достойный подраженія со стороны Сербовъ,—Терлаичъ пользуется этимъ примѣромъ и доказываетъ, на примѣрѣ нѣмцевъ, что литературный и разговорный языкъ у нихъ значительно разнятся между собою, и что разница между ними значительно большая чѣмъ между славянскимъ письменнымъ и сербскимъ — разговорнымъ. „Нѣмцы пишутъ, замѣчаетъ онъ, ихъ хабе гезагтъ, а просто говорять: і аб' ксоктъ“, и перечисляетъ нѣсколько словъ, употребительныхъ лишь въ письменномъ языкѣ нѣмцевъ, непонятныхъ и неизвѣстныхъ простому народу. — Онъ справедливо замѣчаетъ, что для пониманія „высокописанныхъ книгъ“, подъ которыми онъ разумѣеть, между прочимъ, и сочиненія философскія слѣдуетъ имѣть „великое искусство, пространная же о вещми понятія“.

Терлаичъ приводить образцы славянского и сербскаго языковъ, при чѣмъ отдаетъ предпочтеніе славянскому.

Такимъ образомъ, Терлаичъ въ смоемъ возраженіи, очевидно направленномъ противъ Досиѣя, указываетъ и на возможное единство литературнаго языка въ русской и сербской литературѣ, если сѣрбская начинающая тогда литература, оставается при употреблениіи славян-

скаго языка. Онъ признаеть, что между языкомъ живымъ разговорнымъ и языкомъ книги всюду существует разница, что у Нѣмцевъ или у Французовъ, у которыхъ „гражданинъ Паризскій селянина нимало не разумѣеть“, много самыx различныхъ говоровъ, смотря по мѣстностямъ и что разница между ними значительно больше, чѣмъ между языкомъ Серба и его славянской книги. Такъ рѣшительно высказавшись за сохраненіе за славянскимъ языкомъ его литературнаго значенія, Терлаичъ и не касается вопроса о правописаніи. Свою книгу онъ написалъ не только на своеобразномъ языкѣ, но и издалъ церковнымъ шрифтомъ. Это было его первое сочиненіе.

Ко времени выступленія Вука Караджича въ сербской литературѣ, слѣдовательно, выяснилось два направлениія въ разрѣшеніи вопроса о сербскомъ литературномъ языке: одни видѣли необходимость сдѣлать его болѣе народнымъ, хотя еще не рѣшались отказаться и отъ славянскаго языка, какъ напр. Соларичъ, другіе же твердо держались убѣжденія, что развитіе сербской литературы возможно лишь на языке русско-церковно-славянскомъ, за которымъ признавалось даже имя „Сербскаго ветхаго“ языка.

Но Соларичъ уже понялъ, что необходимо регулировать новый литературный языкъ, и надѣялся, что при помощи грамматики и словаря введется единообразіе языка у сербскихъ писателей. И поэтому, онъ заявляетъ о необходимости составить словарь и грамматику сербскаго языка.

Между тѣмъ сербскіе писатели стали каждый по своему мѣшать сербскія слова и формы со славяно-русскими, пользуясь въ этомъ отношеніи полною свободой.

дою, не ограниченнаю никакими правилами, никакою мѣркою. Если бы въ сербской литературѣ явился свой Ломоносовъ, онъ бы, быть можетъ, указалъ предѣлы этой смѣси, но между сербскими учеными и писателями того времени не было ни одного, которому бы пришлась по силамъ такая задача.

Въ церкви, въ школѣ, въ официальныхъ сношеніяхъ между собою какъ у сербовъ австрійскихъ, такъ и у сербовъ задунайскихъ употреблялось смѣщеніе сербскаго и церковно-славянскаго языковъ, въ которомъ однако давался перевѣсъ послѣднему составному элементу. Въ произведеніяхъ свѣтской литературы и даже въ поэзіи и въ стихахъ всякий изъ писателей дѣлалъ это смѣщеніе по своему вкусу, по своему произволу.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ сербскихъ писателей и патріотовъ стали указывать, что необходимо образовать двѣ литературы, два литературныхъ языка у Сербовъ, чтобы представилась наконецъ возможность выйти изъ этого лабиринта произвольнаго смѣщенія выражений, словъ, формъ и установить какое нибудь общее правило ореографіи. Лукіанъ Мушицкій сталъ пѣть свои оды на сербскомъ и славянскомъ языкахъ и въ „Гласъ Народолюбца“ *) указываетъ необходимость „книжества славенскаго“ и „книжества сербскаго“ съ двумя языками. Но онъ явился и поздно, и неудачно со своими „славенскими“ одами, уже повѣяло новымъ духомъ въ сербской литературѣ.

Къ этому факту полнѣйшей неурядицы въ языке сербской литературы относится известное восклицаніе Кенгельца: у насъ книги по правиламъ бабы Смиляны

*) Ода напечатана въ первый разъ въ Сербскихъ Новинахъ за 1819 г.
№ 44.

пишутся *). Кенгелацъ не былъ на сторонѣ тѣхъ писателей, которые желали писать такъ, какъ говорять. Онъ называетъ языкъ современныхъ ему сербскихъ

* Естествословіе. Пачомъ Кенгельцомъ архімандритомъ Свято-Георгіевскимъ сочиненное. Въ Будинѣ Градѣ. 1811. Печатано церковно-славянскимъ прифтомъ. Кенгелацъ писалъ по церковно-славянски. Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ, между прочимъ, такъ оправдываетъ свой языкъ: Аще тако книги писати будемъ, якоже иѣцы нынѣшиаго вѣка книжницы ниже славянски, ниже сербски, но тако да реку: славено-сербо-иѣмецко-мѣдваро-турско-цыгански, и Богъ единъ вѣсть, какова речея въ своя книги спряташа, и написаша, то всегда останемъ, еже есмы, сирѣчъ на послѣднемъ степени языкораспространенія и оукрашенія, и никогда инымъ языку свой паче и паче оукрашающимъ проповѣщеннымъ народомъ оуравнимъ. Лють листати, иже мнить, яко славянинъ не можетъ все то на своемъ языцѣ списати и рещи, еже Еллинъ, Латинъ, Галліанинъ, Британинъ и Нѣмецъ на своихъ языцѣхъ списаша и рѣша. Не училися матерней, но странноязычнай грамматіцѣ, и не чилии своя, но странныя книги: и того ради скудоязычни въ своемъ языцѣ осташа. Гдѣ суть тія славянскія книги? вопросити ии кто можетъ. Шедъ въ церковь, и обрящеши тамо многое множество оумоудрти тя могущихъ книгъ, оунше мало, и мудрѣе паче многихъ сусловнаго содержанія преводовъ, въ нынѣшиемъ вѣцѣ славянски списанныхъ и преведенныхъ. Латинскаго языка кроме, иже единъ неправильно говорити не терпитъ, вси прочіи народи погрѣшио говорать, обаче книгописатели, не обозирающиеся, како простый людъ говоритъ, но како правила языка взыскуютъ, тако пишуть. Аще бы кто, на прикладъ, иѣмецки онако писалъ, яко же обыкновениѣ говорится, оубо бы и проста иѣмецка баба книги писати могла. Тако иѣцы нашего рода книжницы книги свои списавше, вѣнцемъ книжническимъ оу люда оувѣнчашася, и суетную похвалу оулоучиша. Вси народи и сами язычницы книги свои по грамматійскимъ прѣвиламъ списаша, оу нась по правиламъ бабы Смилины пишутся.“

И такъ Кенгелацъ, раньше Вука Караджича (Писма, стр. 16 и 17), видѣлъ существенную помѣжу для развитія литературнаго сербскаго языка въ отсутствіи национальной школы. Но Кенгелацъ былъ того мнѣнія, что языкъ народа, который казался ему неправильнымъ, не можетъ быть языкомъ книги, а лишь языкъ книги церковной, языкъ славянскій, представлялся ему достойнымъ сдѣлаться книжнымъ языкъ въ сербской литературѣ.

Біографіческія свѣдѣнія о Кенгельцѣ смотрі въ приложенії.

писателей „славено-сербо-нѣмецко-мадьюро-турско-цыганскимъ“ и указываетъ на языкъ церкви, какъ на такой, который имѣть и правила, и грамматику, и сочиненія, достойныя вниманія и изученія. Вукъ Караджичъ впослѣдствіи толковалъ по своему выраженіе Кенгельца: по правиламъ бабы Смиляны, объясняя его въ томъ смыслѣ, что Кенгелацъ требуетъ введенія чисто-сербскаго языка въ литературу, но такое объясненіе со стороны Караджича было лишь натяжкою. Въ 1821 году въ своемъ „Сбытісловії“ Кенгелацъ сравниваетъ *Славяно-сербовъ* и *Іудеевъ* въ отношеніи къ ихъ знанію ихъ стараго языка. Онъ замѣчаетъ, что какъ Іудеи не понимаютъ своего ветхаго завѣта и прочихъ своихъ книгъ, писанныхъ до Рождества Христова, такъ и *Славяно-сербы* лишь немногіе „разумѣютъ витійство и составъ“ переведенныхъ съ греческаго на славянскій языкъ книгъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. „Охромоша и они, якоже и мы, отъ правописанія и правоглаголанія своего языка“, замѣчаетъ Кенгелацъ, который можетъ быть названъ самымъ лучшимъ знатокомъ церковно-славянскаго языка изъ сербскихъ писателей, употреблявшихъ славянскій языкъ въ своихъ сочиненіяхъ *).

Вотъ въ это-то время, когда въ сербской литературѣ господствовало полнѣйшее смѣщеніе языковъ сербскаго, русскаго и церковно-славянскаго, когда произволь писателей въ этомъ отношеніи достигъ крайнихъ предѣловъ, и сербскія книги писались „по правиламъ бабы Смиляны“, является Караджичъ сначала со своей „Пѣс-

*.) Всемірного сбытісловія, Часть первая. Начломъ Кенгельцемъ, архімандритомъ Святогоеоргіевскимъ сочиненная. Въ Будиномъ Градѣ. 1821 стр. 302.

нарицей“, а послѣ съ „Писменицей“, (1814 г.) какъ онъ назвалъ свою первую грамматику сербскаго языка, пользуясь терминомъ, придуманнымъ Соларичемъ.

Въ этой первой сербской грамматикѣ Караджичъ впервые подводитъ подъ грамматическія рубрики осо- бенности сербскаго языка и намѣщаетъ тѣ свои ореог- рафическія новизны, которыя преобразили сербскую азбуку и сербское письмо и удалили его отъ русскаго. Тутъ онъ намѣтилъ основы своей фонетической системы правописанія, которую онъ потомъ развили въ „Рjeч- никѣ“ и „Пословицахъ“. Но въ Писменицѣ Караджичъ еще не касается вопроса о выборѣ нарѣчія или лучше говора сербскаго языка для сербской Литературы. На этотъ вопросъ онъ отвѣтываетъ лишь въ 1818 году, когда, издавая словарь, Караджичъ переиздалъ и свою „Пис- меницу“, переработавъ ее и давъ ей имя грамматики.

Если Кенгелацъ, Мушицкій и другіе нападали на постоянное и произвольное смѣшаніе языка у Славяно-сербовъ и требовали, чтобы сербскіе писатели ввели однообразіе въ своемъ литературномъ языкѣ, упо- требляя или славянскій, или сербскій, то Вукъ Карад- жичъ пошелъ дальше: онъ отрицалъ всякое значеніе церковно-славянскаго языка въ сербской письменности и требовалъ, чтобы сербскій языкъ сдѣлался единствен- нымъ языккомъ сербской литературы въ той его формѣ, какая выработана народомъ. Съ этою цѣлью онъ и составилъ свою письменницу, которую хотѣлъ опредѣлить какъ формы этого языка, такъ и дать новую ореографію для выраженія сербскихъ звуковъ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, какое изъ сербскихъ нарѣчій болѣе удобно, какъ литературное, Караджичъ сначала руководствовался чисто личными соображенія- ми. Издавая словарь, Караджичъ замѣчаетъ, что онъ

составилъ эту книгу на герцеговинскомъ нарѣчіи во
1) потому, что такъ говорится на *ею* родинѣ, во
2) чтобы видѣли австрійскіе сербы, какъ говорятъ Сербы
въ Герцеговинѣ *). Дѣленіе сербскихъ говоровъ на три
вида: Герцеговинскій, Ресавскій и Сремскій Караджичъ
вообще не мѣнялъ, но впослѣдствіи переименовалъ
эти говоры на: южный, западный и восточный **). Ос-
новой для этого подраздѣленія Караджичъ взялъ почти
исключительно произношеніе *н* въ разныхъ мѣстахъ
сербской территории, а впослѣдствіи пополнилъ его
указаніями иѣкоторыхъ особенностей произношенія
которая онъ напечъ въ пѣсняхъ. Въ первомъ томѣ
втораго изданія пѣсень ***) онъ замѣчаетъ, что босняки
по городамъ, въ особенности магометане, не измѣняютъ
dj и *mj* въ І и Ї, выговаривая напр. дјед, не Ѣед. Но
впослѣдствіи онъ немного видоизмѣнилъ это свое
дѣленіе и въ „Рѣчникѣ“ 1852 г. находимъ часто че-
тыре вида написанія словъ и ихъ произношенія: напр.
где — восточн., гдѣ — западн., гдје — югозападн., гђе —
южн., дед, дид, дјед и Ѣед и т. д. Караджичъ тре-
бовалъ, чтобы писатель держался одного опредѣлен-
наго нарѣчія въ своемъ сочиненіи, и ставить въ упрекъ
Хаджичу, что онъ въ своей статьѣ: Ситнице језикословне
употребилъ разное обозначеніе для выговора *н*: такъ
Хаджиичъ пишетъ *векъ* по восточному, *дњмо* — по юж-
ному и *иди* — по западному говору †). Самъ Караджичъ
выбралъ для литературы югозападный говоръ, который
онъ еще въ 1845 году называлъ *южнымъ* ‡‡). Причины

*.) Рѣчник 1818, XVII.

**) Одговор на ситнице језикословие, стр. 16.

***) Пѣсни изд. 1824., стр. XXXV.

†) Одговор. стр. 16. Писма, стр. 94.

‡‡) Писма стр. 19.

такого выбора отъ основываетъ на томъ, что онъ са-
мый распространенный, что почти всѣ народныя пѣсни
возникли среди народа, говорящаго южнѣмъ нарѣчіемъ,
что на немъ при помощи различного произношенія не
могутъ быть отличены однозвучные слова различного
значенія, какъ напр. *сједим* (сижу) и *сиједим*, сѣдѣю,
что онъ ближе всѣхъ къ славянскому языку, отъ
котораго, „какъ многіе кричатъ“, не слѣдуетъ удалять-
ся, и наконецъ, что это нарѣчіе употреблялось и у
Дубровницкихъ писателей, а слѣдовательно можетъ
сдѣлаться общимъ у сербовъ православныхъ и като-
лическихъ. Но Караджићъ писалъ искоренія свои
сочиненія и на восточномъ нарѣчіи. Такъ, на этомъ
послѣднемъ было имъ издано въ 1828 жизнеописаніе
князя Милоша.

Одна изъ причинъ порчи сербскаго языка лежить,
по мнѣнію Караджича, въ самихъ писателяхъ, кото-
рые по своей прихоти пользуются славянскимъ язы-
комъ и не обращаютъ вниманія на языкъ народный.
„Первый сербскій писатель, былъ ли онъ Досиоей, или
Орфелинъ, или кто нибудь другой, какъ началъ писать,
такъ началъ и портить свой языкъ, и это продолжаетъ-
ся и, говоря правду, прогрессируетъ и теперь“ *).
Въ другомъ мѣстѣ Караджићъ замѣчаетъ, что тамъ
всего больше испорченъ языкъ, гдѣ всего больше пи-
сателей, т. е. въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ, гдѣ
разговорный языкъ всего болѣе подвергается влія-
нію исправленнаго книжнаго языка сербскихъ писа-
телей. Съ развитиемъ просвѣщенія и сербской литера-
туры на этомъ произвольномъ языкѣ сербскихъ писа-
телей въ области сербскаго княжества, эти ошибки

*) Писма стр. 17—18.

противъ народнаго языка проникаютъ и въ рѣчъ жи-
телей. Гдѣ же самое чистое нарѣчіе сербскаго языка?,
спрашиваетъ Караджичъ, и отвѣтаетъ, что всего чище
и правильнѣе говорятьъ въ Босніи и Герцеговинѣ*).

Но этотъ выборъ нарѣчія не обошелся безъ борьбы
для Вука Караджича. Въ приложениі къ Сербскимъ Но-
винамъ 1821 г. **) появилась статья, подписанная псев-
донимомъ *Штипкаловичъ* (Григорій Гершичъ, по
указанію Райковича ***), въ которой между прочимъ
дѣлаются упреки Караджичу за то, что онъ выбралъ
Герцеговинское, а не Сремское нарѣчіе. При этомъ ав-
торъ полемической статьи, увлеченный узкимъ про-
винциальнымъ патріотизмомъ, не признаетъ права на
имя Сербовъ за Герцеговинцами. Караджичъ, отвѣ-
чая заразъ на многія нападенія, попавшія на стра-
ницы прибавленій къ Сербскимъ Новинамъ, въ одной
статьѣ: Неколико ријечи мојим овогодишњим рецен-
зентима, а особито Благоју Штипкаловићу и старцу
Куцкалу †), признаетъ, что онъ первый началъ пи-
сать Герцеговинскимъ говоромъ, но въ то же время
замѣчаетъ, что онъ и не думалъ никогда, чтобы на-
рѣчіе Срема или Бачвы было хуже нарѣчія Герцего-
винскаго,—напротивъ того, онъ въ эту пору еще ду-
малъ, чтобы всякий писалъ на своемъ нарѣчіи, а
впослѣдствіи присоединилъ къ этому лишь одно усло-
віе, чтобы писатели не мѣшали нарѣчій. Интересно
замѣтить, что Стейчъ въ своихъ замѣчаніяхъ на пе-
реводъ „Новаго Завѣта“ въ 1849 точно также от-

*.) Писма. 85—87, стр. 86 примѣчаніе.

**) № 25, Нов. Сербк. Неколико речи за старца од седамдесет го
дина Благоја Штипкаловића.

***) Јавор 1877. 151 стр.

†) Додатакъ № 49 Серб. Нов. за 1821 г.

даетъ предпочтеніе Сремскому нарѣчію предъ Герцеговинскимъ. Причины этого предпочтенія заключаются въ томъ, что, по мнѣнію Стейча, этимъ нарѣчіемъ говоритьъ большинство Сербовъ, что оно благозвучнѣе въ выговорѣ *ň*, какъ *e* и какъ *i*, и въ отсутствіи звука *x*, что оно — языкъ старыхъ сербскихъ памятниковъ и Досиоа Обрадовича, и наконецъ, что большинство образованныхъ сербовъ говорить именно на этомъ нарѣчіи. И действительно, этотъ восточный говоръ удержалъ за собою довольно значительное большинство писателей, такъ что теперь онъ можетъ быть названъ преобладающимъ въ сербской литературѣ.

Принципъ Караджича, что языкъ народный долженъ быть литературнымъ, какъ вытекающій изъ природы вещей, конечно одержалъ верхъ. Но въ этомъ у Караджича было много противниковъ, изъ которыхъ многіе находили крайности въ стремленіяхъ Вука и указывали, что онъ лишаетъ языкъ почвы для правильного развитія. Караджичъ, въ предисловіи къ первому изданію своего словаря, уже спѣшилъ себя оградить отъ обвиненій въ неуваженіи къ славянскому языку. Онъ говоритъ, что отдѣленіемъ сербскаго и славянскаго лишь возвышается достоинство языка церкви. Уже въ 1821 году въ письмѣ своемъ къ Фрушичу *) онъ разъясняетъ, что сербо-славянскій и русско-славянскій языки старыхъ книгъ далеко не одно и тоже, что, конечно, было новинкою для сербскихъ писателей того времени, которымъ представлялся языкъ русскихъ церковныхъ книгъ — настоящимъ славянскимъ, и даже *семихо-сербскимъ*. Но побѣдить господствовавшее предубѣжденіе противъ введенія народнаго сербскаго языка

*) Додатакъ къ № 68 за 1821 г. Серб. Нов.

въ книгу и мнѣніе, что славянскій и сербскій языки одно и тоже, было не такъ легко. Еще въ 1842 г. Савва Текели въ своемъ письмѣ къ епископу Платону Атанацковичу замѣчаетъ: „не лучше и похвалынѣ бы было намъ возвратитися нашему правилному Славенскому языку, еже есть истинный Сербскій, Русси бо от нас ваяша, и предѣлаша по своему, обаче основаніе наше остало“ *)... По его мнѣнію, русскіе лишь замѣнили сербское *e*—знаками *ъ* и *ѧ* (*я*),—и слѣдовательно, возстановивъ *e* въ его правахъ, сербскіе писатели получать чисто сербскій языкъ. Старый сербскій патріотъ, который даже нѣкогда договаривался съ Обрадовичемъ и Ненадовичемъ о томъ, чтобы быть правителемъ сербскаго народа **), когда онъ отвоюетъ себѣ свободу, цѣнилъ славянскій языкъ особенно потому, что онъ языкъ церкви. „Славянскій языкъ есть языкъ вѣри, сеи и Русси с почитаніем великим имѣютъ, яко Петр I тому нос отрѣзати повелѣвъ, иже едино слово погрѣшилъ въ печатнѣй. Примѣтити можемъ, яко от того времени, что не наблюдаемъ правила вѣри держати, и языкъ церковныи не токмо пренебрегаемъ, но даже хулимъ“. Въ своемъ завѣщаніи Текели, какъ мы видѣли выше, прямо требуетъ, чтобы Матица сербская издавала лишь книги, писанныя на славянскомъ языкѣ. Онъ высказывается противъ употребленія какого бы то ни было изъ народныхъ сербскихъ говоровъ въ литературѣ, называя ихъ провинциализмами, и выражаетъ надежду, что и католические Хорваты и остальные Славяне примутъ славянскій языкъ для своей литературы. Народ-

*) Писма, 9.

**) Лѣтоп. Серб. № 120, стр. 22, автобиографія Саввы Текели.

ному языку онъ отводить мѣсто лишь въ народныхъ пѣсняхъ *).

Если Саввѣ Текели простительно было отождествлять церковно-славянскій языкъ съ старосербскимъ, то едва ли можно найти оправданіе для Хаджича, который всегда прикрывался ученой мантіею и въ 1864 году въ *Огледалъ* утверждалъ, что Остромирово Евангеліе писано на старосербскомъ языке **).

Но и между ожесточенными противниками Вуковой ореографіи являются сторонники его взгляда на литературный языкъ. Такъ, Евстаѣй Михайловичъ издалъ въ 1843 году сочиненіе „Иллуми и Срѣблы“, въ которомъ, не оправдывая ореографическихъ нововведеній Караджича и его крайняго нерасположенія къ славянскому языку, онъ признаетъ необходимость избрать одно изъ нарѣчій сербскаго языка для сербской литературы. Но онъ указываетъ иной путь для этой цѣли: между тѣмъ какъ Караджичъ требовалъ, чтобы писатель держался одного нарѣчія, Михайловичъ утверждаетъ что слѣдуетъ то, что окажется неправильнымъ въ избранномъ нарѣчіи, замѣнить заимствованіями изъ другаго ***).

Стеичъ въ своихъ замѣчаніяхъ на переводъ Нового Завѣта, признавая Караджича первымъ сербскимъ филологомъ, не отрицаешь, что языкъ народный можетъ быть языкомъ литературы; но въ тоже время указываетъ, что это возможно лишь тогда, когда

*) Писма, стр. 10 и слѣд.

**) Огледало, Свѣзка II, стр. 53.

***) Иллуми и Срѣблы или прегледъ народности старосѣдоца Иллумика и имена, писмена и начини писанія данашнии Срѣблы отъ Евстаѣя Михайловича. У Новомъ Саду. 1843, стр. 103.

въ немъ достаточно выражений чтобы писать на немъ „и для поселянина, и для работника, и для литератора, и для ученаго“.

Вукъ Караджићъ дѣйствительно убѣдился, что не такъ-то легко разрывать связи съ историческими преданіями языка и литературы. Въ своемъ письмѣ въ Общество Сербской Словесности въ 1845 г. онъ говоритъ: „я не утверждаю, что мы при писаніи книгъ можемъ совершенно обойтись безъ славянскихъ и новыхъ словъ, но я бы хотѣлъ, чтобы эти слова не выдумывались безъ нужды“ *). Такимъ образомъ Караджићъ нѣсколько измѣнилъ поставленному имъ принципу писать такъ, какъ говорить простой народъ.

Но онъ въ тоже время требуетъ строго соблюдать границу между сербскимъ и церковно-славянскимъ языками. Самъ онъ очень часто останавливается надъ формой того или другаго слова и указываетъ, какова она въ славянскомъ и сербскомъ языкахъ. Такъ онъ замѣчаетъ, что слово *књижевност* болѣе соответствуетъ духу сербскаго языка, нежели *књижество*, *отачество*, въ виду сербской формы *отац*, вм. отечество, члан вм. членъ **), *кнез* вм. князь, *начелник* вм. начальникъ ***), опредѣляетъ разницу въ значеніи словъ *част* и *чест*, которыхъ соответствуютъ русскимъ честь и часть. Онъ вполнѣ основательно и научно доказываетъ сербскимъ писателямъ, что именно слово *част* соответствуетъ старо-славянскому честь, а *чест* старо-славянскому честь.

Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ языка для литературы постепенно разрѣшался въ пользу начала,

*) Писма 17.

**) Писма 21, 23.

***) Одговор на лажи 17, 18.

провозглашеннаго Вукомъ Караджичемъ. Вукъ Караджичъ засталъ славянскую и славяно-сербскую школу писателей. Число защитниковъ первой постоянно уменьшалось. Лукіанъ Мушицкій, обѣщавшій передать свой „варвітонъ“ тому кто станетъ послѣ него писать на славянскомъ языкѣ, не нашелъ себѣ послѣдователей, да и самъ онъ примѣшивалъ въ свои славянскія оды сербскія слова и выраженія. Славяно-сербы были значительно сильнѣе: съ одной стороны ихъ поддерживало духовенство, которое боялось нововведеній въ сербской литературѣ, опасаясь что за ними скрываются политическія цѣли австрійского правительства, желавшаго привести сербовъ въ унію или обратить въ католичество, съ другой они руководствовались и надеждами создать обще-славянскій языкъ по крайней мѣрѣ для всего православнаго славянскаго востока. Близкое знакомство многихъ литературныхъ дѣятелей того времени съ русскою литературою и громадный интересъ къ Россіи, а также возраставшія связи между Сербіею и Россіею были причиною того, что знакомство съ русскимъ языккомъ и русскою литературою было очень распространено въ то время между сербами. Имена Карамзина и Шишкова, споръ, возникшій о языке русской литературы въ то время, Державинская поэзія — все этоказалось образцовымъ для сербскихъ писателей. Въ альманахѣ „Србска Пчела“ издаваемомъ Стаматовичемъ, мы находимъ переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ сочиненій Шишкова, Карамзина, и даже перепечатку съ небольшими измѣненіями подлинника оды Державина: на смерть князя Мещерскаго. Но распространеніе просвѣщенія между Сербскимъ народомъ и развитіе литературы естественно требовало развитія и народнаго языка, который и сталъ языккомъ сербской литературы.

Эта победа началась: пиши, какъ говоришь — получаетъ еще большее значеніе, когда и Гай въ Хорватіи принялъ сербскій языкъ Караджича литературнымъ языкомъ Хорватовъ. Если Лукіанъ Мушицкій дѣялъ попытки ввести нѣкоторыя буквы кириллицы въ латинской азбукѣ и напечаталъ австрійскій гимнъ латиницею съ замѣною ё—ч, Ѽ—ж *) и т. д., то Караджичъ шелъ далѣе: онъ старался писать по сербски такъ, чтобы „братья римскаго закона“ могли свободно перепечатывать своею латинскою азбукою, не измѣняя ее, все, что напечатано *вуковицей*. Говоря о выборѣ нарѣчія Герцеговинскаго, Караджичъ между прочимъ въ числѣ доказательствъ, что именно это нарѣчіе должно сдѣлаться литературнымъ сербскимъ, замѣчаетъ, что чрезъ него возможно единеніе съ „братьями римскаго закона, которые радостно простираютъ къ намъ руки: мы всѣ должны стараться довести языкъ до того, чтобы онъ былъ въ книгахъ одинаковъ, чтобы всякую книгу можно было перепечатывать буква въ букву съ латиницы — кириллицею и наоборотъ“. Но для этого нужно было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ хорватскомъ алфавитѣ. На это не были согласны Хорваты, и Вѣкославъ Бабукичъ въ письмѣ къ Караджичу не признаетъ нужнымъ „ковать новыя письмена“ въ хорватской азбукѣ, потому, что это было бы излишне и портило бы видъ латинскихъ, или лучше, западно-европейскихъ писменъ **). Караджичъ лишь предлагалъ найти простые знаки для Ѽ, Ѽ, ъ, љ, ѧ, ѻ, ѽ. Хорваты, какъ известно,

*) Собр. соч. Лукіана Мушицкаго Т. IV, стр. 206.

**) Kolo. IV, стр. 76. Письмо Бабукича къ Вуку Караджичу. Što se pismenah novih tiče, koja naměravate kovati, ja mislim da bi to suvišno i nespretno bilo; jer bi se time obliče latinskih, ili bolje rekuć zapadno-europejskih pismenah poremetilo i nagárdilo.

приняли для своей азбуки чешскую систему надстрочныхъ знаковъ и лишь въ послѣднее время стали видоизмѣнять ее *).

Въ 1850 г. произошло соглашеніе между Хорватами и Сербами относительно выбора одного нарѣчія для литературы и единства въ правописаніи **).

“) Въ словарѣ *Hrvatskoga ili srpskoga jezika*, издаваемомъ Югославской Академіей въ Загребѣ подъ редакціей г. Даничича, находимъ новые знаки для Ї, Њ, Ђ.

**) Воть имена лицъ, подписавшихъ это соглашеніе: Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, Дмитрій Деметрѣвъ, Иванъ Мажураличъ, Вукъ Карадничъ, Винко Пацель, Францъ Миклошичъ, Стеванъ Пејковичъ и Юрій Даничичъ. Причина этого договора означена въ началѣ: „Мы ниже подпісаные въ убѣждѣніи, что одинъ народъ долженъ имѣть одну литературу, и замѣчая съ горестью, какъ наша литература разъединена не только въ азбукѣ, но и въ правописаніи, собрались на этихъ дніяхъ, чтобы условиться, какимъ бы образомъ мы могли согласиться и достигнуть объединенія въ литературѣ, насколько это теперь возможно“. Поэтому они 1) признали, что не слѣдуетъ мѣшать нарѣчій, но нужно выбрать одно, потому что а) невозможно писать такъ, чтобы всякий могъ читать на своемъ нарѣчіи; б) всякая смесь нарѣчій хуже одного чистаго нарѣчія какого бы то ни было; с) пріимѣръ Нѣццевъ и Итальянцевъ, выбравшихъ одно нарѣчіе для литературы, можетъ быть образцемъ для Сербовъ и Хорватовъ. 2) Такимъ литературнымъ нарѣчіемъ признается южное: а) потому что иѣ говорятъ всего больше народа, б) что оно ближе всѣхъ старо-славянскому языку и всѣмъ остальнымъ славянскимъ языкамъ; с) что почти всѣ народныя пѣсни поются этимъ нарѣчіемъ; d) что вся старая дубровницкая литература употребляла это нарѣчіе; с) что большинство писателей и восточного, и западного вѣроисповѣданія пишутъ на немъ. Затѣмъ они согласились, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ этомъ нарѣчіи нѣ произносится въ два слога,—писалось је, а тамъ, гдѣ въ одинъ, писалось је или є или і, какъ гдѣ нужно, напр. *bijelo*, *bjelina*, *trgeza*, *donio*.

3) x (h) слѣдуетъ писать всюду, гдѣ оно имѣетъ мѣсто по этимологіи въ виду того, что народъ на югѣ во многихъ мѣстахъ произносить этотъ звукъ.

4) h въ концѣ именъ существ. въ род. пад. мн. ч. не слѣдуетъ писать, потому что тамъ нѣтъ для него мѣста ни по этимологіи, ни въ

Такимъ образомъ языкъ сербскаго народа, языкъ живой, сталъ общепринятымъ въ сербской литературѣ. Сначала запреты и ограничнія правъ ореографіи Вука Караджича въ Сербіи оказывали нѣкоторую поддержку защитникамъ старого правописанія и прежняго литературнаго языка, но съ уничтоженіемъ правительственной опеки и прежній литературный языкъ, и старое правописаніе потеряли всякое значеніе.

Переходимъ къ исторіи ореографическихъ измѣненій, произведенныхъ Вукомъ Караджичемъ въ сербской азбукѣ.

Алфавитъ находится въ ближайшемъ соотношеніи со звукомъ слова. Та азбука, которая представляетъ возможность точнѣе обозначить всѣ звуки языка, лучше и цѣлесообразнѣе, и въ этомъ отношеніи кириллица занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между алфавитами. Но кирилловская азбука пережила много перемѣнъ, и въ примѣненіи къ тому или другому изъ славянскихъ языковъ она то лишалась того или другаго изъ своихъ знаковъ, то получала прибавленія

народномъ говорѣ, ни въ старо-славянскомъ языкѣ, ни въ новыхъ славянскихъ языкахъ.

5) Предъ *r* (г), гдѣ оно образуетъ слогъ, не слѣдуетъ писать ни *a*, ни *e*, потому что а) народъ такъ и произносить, б) писатели восточнаго вѣроисповѣданія такъ и пишутъ, с) чехи такъ пишутъ, д) во многихъ славянскихъ книгахъ такъ пишется глаголическою азбуково; е) „и въ старославянскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ предъ *r* и *a* не слѣдовало писать *erogъ*, какъ теперь это доказывается (1850), ибо *r* и *a* были гласными въ подобныхъ случаяхъ, какъ и въ Санскритѣ“.

Это соглашеніе, произшедшее между вышеуказанными лицами въ Вѣнѣ, первоначально появилось въ „*Narodne Novine*“ 1850 г. № 76.

При этомъ была приложена и объяснительная записка Вука Караджича, въ которой онъ подробно останавливается на произношеніи и въ сербскихъ нарѣчіяхъ, особенно же въ южномъ.—Соглашеніе перепечатано въ *Književnik*'ѣ т. I, стр. 179—180.

въ видѣ какого нибудь нового знака. Такъ и ж оказались лишними въ примѣненіи кириллицы къ языку русскому, а знакъ Я встрѣчается уже и въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ *).

До Вука Караджича сербская орѳографія часто отступала отъ правилъ русской и славянской, сербскіе писатели вводили въ нея различныя измѣненія, и степень ихъ отступленія отъ русскаго правописанія обыкновенно могла опредѣлиться степенью ихъ знакомства съ русскимъ и церковно-славянскимъ языкамъ. Караджичъ имѣлъ много предшественниковъ въ орѳографическомъ новаторствѣ, но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ такъ строго и систематично провести новыхъ начала правописанія. Но это новаторство Вука Караджича, или, правильнѣе, система въ новаторствѣ и возбудила бурю противъ Вука Караджича въ сербской литературѣ. Если одни враждебно отнеслись къ Вуковой реформѣ вслѣдствіе опасеній обособить сербскую литературу и естественной подозрительности, воспитанной австрійской политикою у православныхъ сербовъ постоянными ея стараніями совратить ихъ въ католичество, то другіе просто по зависти къ успѣхамъ Караджича. Хаджичъ, который пользовался болѣшою славою ученаго у своихъ современниковъ, не обладалъ ~~и знаніемъ~~ ~~како-~~ язика, ни основными филологическими свѣдѣніями, ни яснымъ взглядомъ на потребности литературы и жизни, какимъ отъ природы былъ богато одаренъ Вукъ Караджичъ. Выше была изложена исторія этого спора между Хаджичемъ и Караджичемъ,

*) Въ грамотѣ боснійскаго бана Кулина 1189 года Я встрѣчается въ словахъ: граїамъ и еваниље. Никлошичъ: *Monumenta Serbiæ*, стр. 1 и 2.

завершившагося сильнымъ вмѣшательствомъ Юрія Даничича.

Вукъ Караджичъ исключилъ изъ русской кириллицы, примѣняя ее къ сербскому языку і, й, ъ, ѿ, ѿ, ю, є, ѵ, оставилъ зъ лишь въ такихъ случаяхъ, когда было нужно обозначить слогъ, образуемый гласнымъ *p*, напр. умръю, нашель замѣну для ѿ, принявъ въ свою азбуку *j* и придумавъ начертанія ѿ и Ѽ, ввелъ знакъ Ѽ и окончательно укрѣпилъ употребленіе Ѽ и ѵ.

Уже въ XVIII столѣтіи нѣкоторые сербскіе писатели стали отказываться отъ употребленія ѿ. Первый изъ нихъ былъ Досиоѣй Обрадовичъ, который, хотя и употреблялъ его, но не дѣлалъ никакого различія между зъ и ѿ. Въ концѣ словъ онъ писалъ, какъ придется то ѿ, то ѿ: напр. самъ на даръ полуچio (изд. 1783 г. стр. 422), самъ на даръ полуچio (изд. Возаровича 1833, т. II, стр. 121), самъ на нашъ чистъ изговоръ сматрао (изд. 1783 г. стр. 423), самъ на нашъ чистъ изговоръ сматрао (изд. Возар. II, 121), отацъ мои звао се Ѽураїз Обрадовиїз родомъ сръбинъ (изд. 1783 г. стр. 17) и т. д. Свое сочиненіе Досиоѣй озаглавилъ; „животъ и приключенія Димитрія Обрадовича, нареченнаго у калуђерству Досиоѣа: нимъ истимъ списать и издать“ (въ Лейпцигѣ, 1783 г.). Такимъ образомъ Досиоѣй воскресилъ преданія старо-сербской ореографии, одинъ изъ отличительнѣйшихъ признаковъ которой — отсутствіе зъ и замѣна его ѿ **).

Второй сербскій писатель конца прошлаго столѣтія, высказавшійся противъ употребленія зъ въ сербской

**) „Слово поучительно Господина Цоликоера“ Досиоѣй издалъ въ 1784 году, употребляя въ немъ лишь ѿ.

азбукѣ былъ Эммануилъ Янковичъ, который въ послѣдовательности своей переводной комедіи: *Злой отецъ и негодный сынъ* (1789) замѣчаетъ, что *з* и *ъ* слѣдуетъ замѣнить надстрочнымъ знакомъ (‘) въ тѣхъ случаяхъ, когда эти знаки приходятся въ срединѣ словъ: такъ Янковичъ писалъ *кад'су* вм. обычнаго *кадъ су*, *с'еднимъ* вм. съ *еднимъ*, соединяя эти выраженія въ одно; вмѣсто *з* и *ъ*, употреблявшихся послѣ *л* и *н* для ихъ смягченія въ срединѣ словъ, Янковичъ сталъ пользоваться апострофомъ: *н'имъ*, *нымъ* (*имъ*) онъ писалъ *н'имъ*. Даѣше онъ замѣчаетъ: „такимъ образомъ вся разница между *з* и *ъ* обращается въ ничто, при такомъ способѣ обозначенія (т. е. при употребленіи апострофа) они не нужны, и я бы даже и въ концѣ словъ не писалъ *з*, еслибы не боялся необычности“. Но Янковичъ идетъ еще далѣе: онъ замѣчаетъ, что *л* тоже можетъ быть легко исключено изъ сербской азбуки, какъ ненужное, и замѣнено *а* съ апострофираніемъ предшествующей согласной, напр. *клястъ* онъ предлагаетъ писать *кл'астъ*. Тоже самое онъ предлагаетъ для *п* и *ю* съ замѣной ихъ *е* и *у**).

Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей славено-сербовъ, Аѳанасій Стойковичъ, который въ предисловіи къ изданной имъ „Фусікѣ“ выражается о задачѣ этой школы „соединити силу Раичева и сладость Обрадовичева языка“**), въ своемъ Сербскомъ Секретарѣ говорить о *з* слѣдующимъ образомъ: „я удивляюсь, какъ отецъ нашихъ письменъ дошелъ до дебелаго ера. Оно пятое колесо въ повозкѣ, потому что для смягченія звука мы имѣемъ тонкое ерь. Большое или дебелое *з*

*) Зао отацъ и невалюо синъ. в'Виеннѣ. 1789, стр. 112.

**) Фусіка, 1801 т., стр. 9.

не производитъ никакого дѣйствія, стоитъ оно или нѣтъ въ словѣ“ *). Но не смотря на такое рѣзкое сужденіе о совершенной ненадобности з, Стойковичъ не осмѣлился исключить его изъ сербской азбуки. Первою сербскою книгою, напечатанною безъ з, былъ переводъ „Римляни у Шпанії“ въ 1805 г. **) Саввы Текели, впослѣдствіи того крайняго противника вуковицы, который и въ своемъ завѣщаніи Матицѣ Сербской, какъ мы видѣли, поставилъ условіемъ держаться славянскаго языка. Онъ, впрочемъ, всегда держался того мнѣнія, что з не нужно въ сербской азбуцѣ и въ своемъ письмѣ къ Платону Атанасковичу въ 1842 г. говоритъ: „в присмотренію писма т аз до нынѣ того мнѣнія есмь не употребляти з дотолѣ, дондеже извѣщенъ не буду о нуждѣ его. Зачем наполняти листъ с'непотребними“ ***).

Въ тоже время и Соларичъ началъ печатать свои сочиненія безъ з. Въ „Новомъ Землеописаніи“, вышедшемъ въ 1804 году, онъ еще не рѣшился исключить з изъ азбуки, хотя и далъ совершенно особое значеніе знаку ѧ, но уже въ книгѣ: „Улог ума человѣческага“, изданной въ 1808 г., онъ совершенно устранилъ з. Съ этихъ поръ всѣ его сочиненія, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ, были изданы безъ з, ио въ тѣхъ,

*) Сербскій Секретарь или Руководство како сочинявати различнѣша писма, Квіте, Облагаше, Контракте, Тестаменте, Реверсе, Конте и пр. сочиненъ отъ Асанасія Стойковича. Въ Будимѣ. Печатано писмены Кралев. Університета. 1802, стр. 19.

**) Римляни у Шпанії по Списанію Ватсона Англичанина. Преведено на сербскій языкъ чрезъ Савву отъ Текели, с примѣчаніями, и краткимъ додаткомъ правила, и упражненія военнаго, Управленія Сраженія, и укреплениія мѣстахъ. Въ Будинѣ Градѣ, печатано писмены Славено-Сербскія печатни Кралевскаго Всеучилища Пештанскаго. 1805.

***) Писма Вука Кар. стр. 12.

которыя издавались церковно-славянскою азбукою, этотъ знакъ имъ сохранялся.

Хотя это нововведеніе большинству тогдашихъ сербскихъ читателей казалось не только безосновательнымъ, но опаснымъ и подозрительнымъ, однако оно быстро распространилось. Послѣдователи Соларича и Досиѣя все больше и больше развивали этотъ вопросъ о перемѣнахъ въ сербской азбукѣ и сербской орѳографії. Между писателями, которые въ это время уже не употребляли г, упомянемъ Дошевовича, издавшаго въ 1809 году въ Будимѣ нѣсколько переводныхъ анакрооническихъ одѣ подъ заглавиемъ: Лирическа пѣнія.

Въ 1810 году въ Будимѣ Савва Меркайль, или какъ его называлъ Караджичъ „Мриаль“, *) напечаталъ брошюру о сербскомъ правописаніи и сербской азбукѣ подъ юмористическимъ заглавиемъ: „Сало дебелога ера либо Азбукопретрес“, въ которой рассматривается русско-церковно-славянскій алфавитъ и предлагается сдѣлать въ немъ соответствующія измѣненія для приспособленія ея къ сербскому языку **). Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что хотя и есть такие сербскіе писатели, которые „размышиляютъ“ о сербской азбукѣ, но мало такихъ, которые бы „не боялись не что либо другое, но лишь дебелое ерь исключить“ изъ нея. Дѣйствительно, выходъ этой брошюры произвелъ такое впечатлѣніе, что даже Пештская цензура не сочла возможнымъ допустить къ напечатанію безъ г „Опит

*) Додатакъ къ Серб. Нов. № 49 за 1821 г., стр. 2.

**) Конитарь въ письмѣ къ Добровскому отъ 24 Апрѣля 1811 г. такъ отзываются объ этой книгѣ: es ist mir so logische Abhandlung, dass ich darüber erstaunt bin. (Сборникъ писемъ Конитара къ Добровскому въ Чешскомъ Музѣ. Письмо № 32). Ср. отзывъ Конитара объ этой книгѣ: Kleinere Schriften, стр. 142—144.

Сличнорелности“, когда Лука Миловановъ представилъ свою книгу весною 1811 года для нового разсмотрѣнія, хотя уже однажды, до выхода Азбукопретреса, она была одобрена для напечатанія. И впослѣдствіи Давидовичъ встрѣтилъ также большія затрудненія, когда хотѣлъ издать одинъ изъ своихъ Забавниковъ (за 1819 г.) безъ тѣ, со стороны цензуры въ Будимѣ. Эта заботливость будимской цензуры о сохраненіи тѣ въ сербской азбукѣ объясняется общимъ настроениемъ, особенно духовенства, которому казалось подобное нововведеніе даже опаснымъ въ отношеніи религіозномъ.

Савва Меркайль въ своей брошюрѣ, исходя изъ положенія, что цѣль языка литературы есть ясность и полная „разумителност“¹, прежде всего указываетъ, что всякий писатель долженъ держаться народнаго языка или даже той части народа, для которой онъ пишетъ. Для азбуки какого нибудь языка нужно лишь столько знаковъ, сколько языкъ имѣеть простыхъ звуковъ, — поэтому тѣ азбуки, въ которыхъ или больше знаковъ, чѣмъ звуковъ, или не достаетъ знаковъ для выраженія всѣхъ звуковъ, имѣющихихся въ языкѣ, несовершены. Эту мысль Меркайль поясняетъ примѣромъ нѣмецкаго алфавита, имѣющаго для *sch* — сочетаніе трехъ знаковъ (*sch*), а звуки *z* и *s* обозначающаго однимъ знакомъ *s*. Для азбуки нужны лишь знаки, выражающіе одинъ звукъ, слѣдовательно всѣ тѣ буквы, которые въ разныхъ случаяхъ выговариваются различнымъ образомъ или означаютъ сложеніе звуковъ, какъ напр. нѣмецкое *x*, излишни или подлежать перемѣнѣ. Переходя къ разсмотрѣнію сербской азбуки, Савва Меркайль задаетъ вопросъ: сколько письменъ требуютъ сербы для своего алфавита. Для этого онъ рассматриваетъ славянскія письмена, раздѣливъ ихъ на рубрики: едино-

звуковыхъ, многозвучныхъ, звукоперемѣнныхъ (звукопримѣнлива письмена, какъ е, произносимое то какъ э, то какъ је), замѣняющихсяъ (какъ е, є и ъ) и сложныхъ. На примѣрѣ ѿ, которое одни сербскіе писатели совершенно смѣшиваютъ съ и, а другие произвольно употребляютъ, давая ему свое tolkovanie, какъ напр. Соларичъ, который даетъ ему значеніе ъ + и, (напр. ныва, по теперешней сербской ореографіи нъва), Меркайль объясняетъ, почему нѣ-которые знаки славянской азбуки негодны для сербской. „Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто бы мы не умѣемъ читать славянскихъ или церковныхъ книгъ“, воскликнуетъ Меркайль, указывая на странное значеніе, которое Соларичемъ дается знаку ѿ. — Говоря о письменахъ сложныхъ Меркайль такъ разсуждаетъ: „почти всѣ наши письмена могутъ смягчаться и соединяться съ мягкимъ звукомъ; это ничто иное, какъ новыя, сложные письмена. Такое свойство нашего языка побудило святаго Кирилла придумать дебелый ъ. Видя, что письмена, которыя онъ уже придумалъ для насъ, подлежать такимъ большимъ измѣненіямъ, онъ прибавилъ одинъ знакъ г, который бы намъ напоминалъ, что тамъ, где онъ находится, не можетъ быть никакого смягченія. Излишняя предусмотрительность, воскликнуетъ Меркайль, лучше бы сдѣлалъ святой Кирилль, если бы, вместо многихъ другихъ ненужныхъ письменъ, онъ придумалъ знаки для звуковъ, происходящихъ чрезъ смягченіе. Тогда бы ему нечего было ломать головы и изъ-за тонкаго ера“ *). Затѣмъ онъ отмѣтаетъ самые важные въ сербскомъ языкѣ „сложенія“, именно дъ, лъ, нъ, и тъ, для которыхъ онъ

*.) Сало дебелога ера стр. 11.

предлагаетъ придумать особые знаки, по подобію существующаго уже Ѯ для сочетанія тъ. Тогда не оказалось бы потребности въ ѣ, которое можно было бы исключить изъ сербской азбуки, а Меркайль исключаетъ изъ нея, замѣчая при этомъ, что ѣтотъ знакъ бытъ болѣе вреденъ, нежели полезенъ. По Меркайлю сербская азбука состояла изъ 26 знаковъ: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ј, ъ; остальная буквы славянскаго алфавита (ѕ, љ, ђ, ѕ, ј, є, ю, ѡ, ј, Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѫ, Ѩ) онъ исключалъ, какъ излишнія. Что касается произношенія оставляемыхъ имъ письменъ, Меркайль замѣчаетъ, что *e*, должно произноситься, какъ нѣмецкое *e*, а *i*, замѣняющее ѹ, получаетъ значеніе *j*, *f* должно остаться, по мнѣнію Меркайля, лишь для иностраннныхъ словъ, а *x*, котораго „не знаютъ сербскіе поселяне“, занимаетъ място въ сербской азбукѣ потому, что „болѣе образованные сербы почти всегда его произносятъ“. Самъ Меркайль не пользуется еще въ своей брошюрѣ знакомъ Ѯ, такъ какъ оно „нишь недавно стало употребляться“. Предлагая такія измѣненія въ сербской азбукѣ, Меркайль предвидѣлъ одно возраженіе, что при сокращеніи числа буквъ нельзя будетъ дѣлать различія между словами однозвучными при ихъ написанії (напр. бити и быти). На это онъ справедливо замѣчаетъ, что различать однозвучныя слова не составляется задачи азбуки.—Пользу отъ предлагаемой имъ реформы сербской ореографіи Меркайль находитъ прежде всего въ отношеніи педагогическому: дѣти скорѣе могутъ выучить азбuku и не будетъ нужно „выучить, какъ теперь, всю *письменницу* прежде, чѣмъ научиться правильно писать“. „Отныне, восклицаетъ онъ, наше правописаніе подходитъ

подъ правило: *пиши, какъ говоришъ*". Меркайль объщалъ въ будущемъ выпускъ своего „Іезикопретреса“ заняться вопросомъ о сербской грамматикѣ.

Въ этой замѣчательной брошюре бѣднаго учителя въ Пештѣ мы находимъ все, что впослѣдствіи было приложено, осуществлено и улучшено Вукомъ Караджичемъ въ сербской орѳографії.

Впослѣдствіи однако Меркайль, потерпѣвши много гоненій отъ „дебелоеровцевъ“ за смѣлые планы, выразившіеся въ „Салѣ дебелога ера“, нѣсколько видоизмѣнилъ свой взглядъ на з*). Въ 1817 году онъ напечаталъ въ Сербскихъ Новинахъ статью подъ заглавиемъ: „Палинодія либо обрана дебелога ъ,“**) въ которой доказывалъ, что з необходимо для означенія гласнаго изглашенія р, въ срединѣ словъ, напр. на връу — на верху, умръо — умеръ, что предлоги съ, къ, съ, должны имѣть и гласный элементъ, что въ словахъ *благъ*, *силъзъ*, *живъзъ* два гласныхъ звука, изъ которыхъ одинъ ясный, другой неясный. Но тогда онъ встрѣтилъ противника въ лицѣ Вука Караджича, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ статья, помѣщенная въ послѣдующихъ затѣмъ номерахъ этой газеты; въ ней Караджичъ доказываетъ, что словъ, въ которыхъ можетъ быть нужно з, наберется въ сербскомъ языкѣ не болѣе 10, и что въ остальныхъ случаяхъ з совершенно ненуженъ.

Такимъ образомъ предшественники Вука Караджича указали всѣ тѣ измѣненія въ кирилловской азбукѣ, которые нужны при ея примѣненіи къ сербскому языку, но никто изъ нихъ не умѣлъ и не могъ провести

*) Біографіческія свѣдѣнія о Савѣ Меркайль см. въ приложеніи.

**) Новине Сербске за 1817 г. № 41, додатакъ, стр. 326—328.

ихъ систематично на практикѣ. Въ этомъ отношеніи вся заслуга, какъ и вся отвѣтственность принадлежитъ Вуку Караджичу.

Издавая въ 1814 г. первый томъ пѣснарицы, Вукъ Караджичъ не осмѣливался принять ореографіи, указанной Меркайлемъ. Онъ, правда, уже не употребляетъ ъ, замѣнивъ его всюду є, но оставилъ ю. Вместо по-слѣдняго онъ иногда употреблялъ ѿ, напр. написое, польбесе (стр. 45). Въ письменицѣ, вышедшей въ томъ же году, онъ уже придерживается Меркайлевой системы, и даже употребляетъ знакъ Ѯ: здѣсь є замѣнено ie, а i имѣеть значеніе j, при чемъ даже включено въ число согласныхъ. Вукъ Караджичъ тутъ предлагаетъ даже знаки въ замѣнѣ дь, ль, нь — ڏ, ڻ, ڻ, хотя самъ еще не осмѣливался употреблять ихъ. Въ слѣдующемъ году, издавая вторую часть пѣснарицы, онъ вновь возвращается къ старому правописанію и вводить ъ, ѿ, Ѹ, я, ю, тъ. Такимъ образомъ можно думать, что самъ Вукъ Караджичъ колебался въ это время, принять или нѣть новую ореографію. Вѣроятнѣе всего то, что, издавая второй выпускъ пѣснарицы, онъ сдѣлалъ уступку тому многочисленному хору противниковъ перемѣнъ въ сербской ореографіи, который не могъ простить Меркайлю его мнѣній о „салѣ дебелога ера“. Въ грамматикѣ, приложенной къ словарю (1818) Вукъ Караджичъ ясно уже опредѣляетъ всѣ свои ореографическія нововведенія и впредь не отступалъ отъ нихъ въ существенномъ. Онъ вводить новые знаки Ѯ, ڻ, ڻ, j, употребляетъ Ѯ и ڻ и исключаетъ Ѹ, ڻ и всѣ тѣ письмена, которыхъ Меркайль считалъ уже лишними въ своей брошюрѣ. Знакъ Ѹ онъ оставилъ лишь для обозначенія слога при r. Впрочемъ, онъ предлагаетъ и въ этомъ случаѣ замѣнить Ѹ какимъ нибудь знакомъ

въ родѣ апострофа. Въ ётихъ случаяхъ Караджићъ употреблялъ зъ почти всегда *).

Какъ прежде противъ Меркайля, такъ теперь противъ Вука Караджича возбудило очень многихъ это исключение зъ изъ сербской азбуки. Это явленіе, характерное для эпохи, обнаруживало и слабость противниковъ Вука Караджича. Въ Сербскихъ Новинахъ **) появилось стихотвореніе подъ весьма оригинальнымъ заглавіемъ: „Критика и остра протестація писмена Дебелога єра (ъ) и Танкога єра (ъ) противъ Курта-Херо-Шіячке Грамматіке Г. Вука Стефановича; что онъ Дебело єрь са согласнымъ писменемъ Рцы (р) и съ прочими самогласными писмени слаже, крпи и натеже: А опеть танко єрь съ писмени Люди єрь (љ) и Нашъ єрь (њ) калами, веже и злопати. Обаче при томъ и велика Радость речени писмена Дебелога и Танкога єра, что ихъ е Г. Вукъ изъ нѣгове горусказанне Грамматіке по сви другїи места изключю и избацио“. Эта „Критика и остра протестація“ принадлежала перу Йоакима Вуича, одного изъ извѣстнѣйшихъ въ это время и плодовитѣйшихъ сербскихъ переводчиковъ комедій и различныхъ другихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ. Въ ней Вуичъ нападаетъ на всѣ нововведенія, сдѣланныя Караджићемъ въ сербской азбукѣ. Изгнанные Вукомъ еры обнимаются и изъявляютъ свое удовольствіе, что они не попали въ сербскую азбуку, составленную Вукомъ. Между прочимъ Вуичъ нападаетъ на Караджича за то, что онъ считаетъ р

*) Такъ напр. умрло. Правит. Сов. 1860 г., стр. 77. Теперешніе писатели иногда употребляютъ *, напр. Миличевичъ Годишница Чупич. II, 189 стр. умрло.

**) Додатакъ къ № 8 за 1821 г.

гласнымъ, и Вукъ въ своемъ отвѣтѣ на эту *критіку* объявляетъ ложнымъ это обвиненіе. Тонъ этого стихотворенія таковъ, что Караджичъ имѣлъ основаніе считать себя оскорблѣннымъ: Вуичъ называетъ Вука парнемъ и пастухомъ, который дерзко вмѣшался въ вопросы литературные, и дѣлаетъ намеки на Копитара, который завязалъ пріятельскія связи „съ помрачителемъ сербскаго языка“. Понятно, что подобная критика не могла доказать неосновательность ореографическихъ нововведеній Вука,—она лишь раздражала общественное мнѣніе, и безъ того неблагосклонное къ Вуку Караджичу. Вуичъ противопоставляетъ тогдашніе ученые авторитеты: Мразовича, Ивана Берича, Милована Видаковича, неученому Вуку Караджичу, но этимъ лишь поднялъ значеніе послѣдняго, хорошо знавшаго языкъ сербскаго народа, чего нельзя было сказать о его ученыхъ противникахъ.

Вукъ Караджичъ отвѣчалъ на эту „Крітику и острую протестацію“ *) въ тѣхъ же Сербскихъ Новинахъ, при чемъ раскрывается анонимъ своего противника и довольно презрительно относится къ его выходкамъ и нападкамъ.

Съ этихъ поръ до шестидесятыхъ годовъ ореографические вопросы, а также вопросы о выборѣ литературного языка, объ его очищеніи отъ чужихъ элементовъ и его правильности сдѣлались любимыми въ сербской журналистикѣ и даже литературѣ. Почти нѣтъ ни одной газеты, ни одного номера литературныхъ прибавленій, гдѣ бы не нашлось статьи, имѣющей отношеніе къ этимъ вопросамъ. Въ 1845 г. особенно

*) Серб. Нов. за 1821 г. Додатакъ къ № 49 Неколико ријеги мојим овогодишњим рецензентима, и т. д.

выдавались статьи В. Лазича въ Сербскомъ Народномъ листѣ, направленныя противъ Вука Караджича *). Вопросы о з и ј сдѣвались существенными, живыми, интересовавшими общество. Стейчъ удачно смытается надъ этою общею склонностью вмѣшиваться въ грамматические и ореографические вопросы. Онъ въ 1839 г. въ одномъ изъ томовъ своего изданія „за душевну забаву“ юмористически изображаетъ въ лицѣ купца „Мудрослава Жикина“ любителя книжества. Такой любитель литературы принимаетъ участіе въ предварительной подпискѣ на изданіе или книгу, но лишь для того, чтобы фигурировало его имя въ спискѣ подпісчиковъ, который, по обычаю того времени, прилагался къ изданію. Но въ тоже время, говоря словами Стейча, „никто живой не могъ отъ него слышать, чтобы ему что нибудь понравилось въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, кроме одного дебелаго з, и ничего онъ такъ сильно ни ненавидѣлъ, какъ несчастное и злополучное ј. Буква з ему казалась столпомъ нашего благополучія и кровомъ нашей народности; а ј серпомъ нечестиваго, которымъ злые люди задумали уничтожить все, что намъ, по примѣру нашихъ предковъ, было до сихъ поръ мило и дорого“. Въ другомъ мѣстѣ Стейчъ такъ характеризуетъ славяно-сербскій языкъ: онъ безъ всякаго правила, порядка и духа составленъ изъ стараго славянскаго и изъ сербскаго, какъ кто хочетъ и знаетъ; поэтому это языкъ; какого нигдѣ нѣтъ на свѣтѣ и какой нигдѣ невозможенъ,

*) Сербскій Народный листъ, литературное еженедѣльное изданіе подъ редакціей Федора Павловича, въ Будапештѣ, выходилъ въ 1835 г. и съ 1837 по 1847 г. Упомянутыя статьи Лазича въ Серб. Нар. Листѣ за 1845 г. стр. 203—204, 209—211, 228—229, 241—243, 249—251, 293—295.

юка въ народахъ царствуетъ здравый смыслъ*). Но и самъ Стейчъ впослѣдствіи выступилъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ требованій Вука очистить сербскій языкъ отъ славянізмовъ и оторвать его отъ почвы новѣйшихъ преданій.

Наконецъ въ 1846 году стали выходить Сербскія Народныя Новини и Сербскій Народный Листъ безъ з, ѿ и ѿ.

Это было, какъ казалось современникамъ, значительный шагъ впередъ. Но именно въ это же время выступаетъ защитникомъ ѿ и ѿ Светичъ въ своемъ Утукѣ III, направленномъ противъ Караджича и его книги „Писма“, хотя въ своей „Голубицѣ“ въ 1839 г. онъ помѣстилъ насыпшку Стейча надъ ѿ и придавающей ему цѣною. Исходя изъ того положенія, что въ письмѣ должны быть различаемы слова однозвучные, и утверждая, что въ сербскомъ произношеніи сохранилась разница между и и ѿ, Светичъ доказываетъ, что ѿ и ѿ имѣютъ свое raison d'etre въ сербской ореографіи. Светичъ думаетъ, что ѿ означалъ глухой, а ѿ болѣе ясный звуки. Впослѣдствіи, по мнѣнію Светича, изъ ѿ образовалось ѿ, изъ ѿ—ѡ, которое онъ называетъ „тонкимъ, открытымъ или слитнымъ еромъ“ **). Систему свою онъ основываетъ на смягчительномъ знакѣ ѵ которое въ соединеніи съ ѿ образуетъ ѿ, съ к—ћ, съ д—ћ, обращаясь въ верхнюю черту этихъ знаковъ. Здѣсь Светичъ вполнѣ смыкаетъ звукъ и знакъ. Какъ доказательство, что ѿ и ѿ знаки необходимые, Светичъ хочетъ дать имъ значеніе, неподходящее къ

*) Новый прилагъ за душевну забаву отъ Дра Јована Стейча. книга V. У Новомъ Саду стр. 146 и 155. Такоже Голубица, т. I, стр. 21 и 23.

**) Утукъ III Езыкословный стр. 39.

ихъ природѣ: онъ полагаетъ, что ими можно различать однозвучные слова, различные по значенію, напр. првен (-нь) краснота и првенъ—красный, сад-теперь и садъ—садъ. Точно такимъ же способомъ онъ предполагаетъ при помощи з и ѳ различать сходныя формы существительныхъ и прилагательныхъ, какъ напр. твор. ед. и дат. мн. добрым и добрымъ, моим и моимъ и т. д *). Даничичъ, разбирая мнѣнія въ „Ратъ за српски језик“ обнаружилъ всю несостоятельность разсужденій Светича и его познаній въ языке и грамматикѣ **).

Если з не имѣть места въ сербской азбукѣ, то ѿ, которое потеряло свой отличительный выговоръ и не различается въ устахъ серба отъ и, тоже не могло остаться у Вука Караджича. Какъ мы видѣли, уже Досиѣей Обрадовичъ признавалъ его ненужнымъ, а Орфелинъ и Соларичъ даютъ ѿ значение з+и и особенное примѣненіе, напр. нымъ-нимъ-ним, ныховъ-нихов и т. д. Но не смотря и на авторитетъ Досиѣя, этотъ знакъ находилъ много защитниковъ. Субботичъ, который явился примирителемъ обоихъ ореографическихъ лагерей, въ 1842 выступилъ въ Лѣтописи со статьею, въ которой доказывалъ ненужность этого знака ***).

Исключивъ изъ сербской азбуки ѿ, Караджичъ нашелъ ему замѣну въ ѡ, љ и њ. Уже въ Лѣтописи въ 1827 году были статьи, доказывавшія необходимость принять љ и њ въ сербскую азбуку †), но еще долго

*) *ibidem*, стр. 41,

**) Рат за Српски језик стр. 8 и слѣд. о полуугласныхъ.

***) Лѣтоп. Мат. Серб. за 1842, кн. 56. „О письмену ѿ“.

†) Лѣтоп. Мат. Серб. за 1827; вып. 9, стр. 117, въ статьѣ Эмануила Коларовича: Неколико предложенія сверхъ азбуке сербског језика.

и впослѣдствіи раздавались голоса противъ нихъ. Еще въ 1863 въ одномъ изъ сочиненій, направленномъ противъ Вука, утверждалось, что съ введеніемъ въ сербскую азбуку ј, љ, ъ „гибнетъ и красота сербскаго языка“ *).

Какъ выше было сказано, всего болѣе опасеній у сербскихъ писателей и патріотовъ возбуждало введеніе ј **). Мушицкій для ихъ успокоенія въ одной изъ своихъ эпиграммъ указываетъ, что этотъ знакъ и его название еврейскіе, не латинскіе, равно какъ и принятное въ кириллицу ц. ***). Что касается формы ј, то некоторые предлагали принять і въ значеніи ј †). Принятіе ј въ сербскую азбуку было самымъ важнымъ орѳографическимъ нововведеніемъ Вука Караджича. Выше мы видѣли, что Савва Меркайль предлагалъ ввести знакъ і въ значеніи ј, и такимъ образомъ онъ былъ ближе къ мысли сохранить кирилловскій характеръ сербскихъ буквенныхъ знаковъ, чѣмъ Вукъ Караджичъ. Потребность въ ј давно ощущалась сербскими писателями, которые прибѣгали къ разнымъ спо-

*) Обрана езика србскогъ одѣ изопачаванія и т. д. Евстатія Михайловича, стр. 38.

**) Уже Крижаничъ предлагалъ ввести ј въ славянскую азбуку и писать јесут, јелеј, чујух, свѣтала. (Членія въ Общеѣтвѣ ист. и древ. за 1859, т. IV. 12 отдѣль. сочиненія Крижанича: Граматично исказаніе об рѣскомъ јевику, стр. 68).

***) Собр. сочин. Мушицкаго т. IV, стр. 13.

†) Дѣт. Мат. Серб. за 1838 № 44, стр. 79 въ статьѣ Нерито о некимъ нашимъ письменами.—Проф. Гаттала въ Сав. Ческ. Muz. за 1864, стр. 201 говоритъ: Vuk St. Karadžić, nezbaviv cyrillice hlavní vady její právě výloženým aní jiným obdobným spůsobem, než přijetím do ní latinského j, snevážil ovšem prvočný ráz její poněkud, a na str. 199 замítá, что Караджичъ могъ бы принять і въместѣ съ ј въ свою азбуку. Въ защиту ј см. статью А. Д. Ориска пісменост. Пісмє ј потребно српскоме пісму. Летоп. Мат. Серб. за 1882 г. № 31, стр. 19—35.

собамъ, чтобы отличить мягко изглагаемое *e* отъ обычнаго твердаго его изглагашенія. Соларичъ для мягкаго *e* употреблялъ знакъ *е*, а позднѣйшіе писатели *e*, съ введеніемъ ј устранилась потребность въ *я*, *ю* и *й*, которые были замѣнены *ја*, *ју*, *ј*. Для сочетанія *јо* нѣкоторые писатели считали нужнымъ изобрѣсти особый знакъ: Мушицкій предлагалъ соединить *i* и *o**), а Орфелинъ, Соларичъ, Лазаревичъ употребляли *io* съ циркумфлексомъ **). Принятіемъ ј — устранилась потребность въ особыхъ знакахъ для подобныхъ сочетаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вукъ Караджичъ вычеркнулъ изъ сербской азбуки знакъ *и*, который онъ называетъ слогомъ ***). Какъ мы видѣли, свое раздѣленіе сербскихъ нарѣчий Вукъ Караджичъ основываетъ на произношеніи *и* въ различныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ сербами. Въ ореографіи сербскихъ писателей XVIII и первой половины XIX вѣка царствовалъ вполнѣ хаосъ относительно употребленія ъ: уже у Орфелина находимъ нѣгово (вм. његово, Магаз, стр. 17), увесельеніе (стр. 39) и увеселѣніемъ (стр. 69) и т. д. Впослѣдствіи эта неопределѣленность употребленія ъ — еще усилилась. Светичъ писалъ ъ послѣ *и* и *л*, вмѣсто того, чтобы смягчать эти звуки: напр. преображаванъ, внутренѣнъ (Утукъ III, стр. 33) и т. д. Часто одинъ и тотъ же писатель писалъ разнообразнымъ способомъ одно и то же слово. Караджичъ указываетъ, что Светичъ написалъ въ одной и той же статьѣ одно и тоже слово двумя различными способами, въ одномъ случаѣ

*) Голубица т. IV, стр. 306.

**) Орфелинъ: славено-сербскій магазинъ (1768), напр. 46 стр., ющъ, Соларичъ: Сверхъ воспитанія къ человѣческому, напр. 50 стр. юшъ, Лазаревичъ: Содружество богословъ 1810, напр. 72 стр., юштеръ.

***) Первое изданіе словаря 1818 г. стр. XXXV.

употребивъ *н*, въ другомъ замѣнивъ его *е* (старонѣмачко и немачкій, векъ и дѣло) *).

Въ правилахъ сербскаго правописанія, составленныхъ Стейчемъ въ 1852 году, даются слѣдующія предпісанія для употребленія *н*: 1) *н* должно писаться всюду, гдѣ *л* и *н* предъ *е* выговариваются мягко, слѣд. вмѣсто ле и нье, напр. зелѣ (зелье), ягњѣ (ягнѣ) шиљѣмъ (шильем) и т. д.; 2) въ корнѣ и во флексіи словъ, „гдѣ слышится звукъ слитый изъ *и* и *е*“: напр. утѣха (утѣха), оружѣ (оружје), перѣ (перје) и т. д. **).

Караджичъ, основавъ свое раздѣленіе нарѣчій сербскаго языка на произношеніи ъ, нашелъ для него замѣну въ *e*, *и*, *је* и *ије*, при чемъ онъ далъ этимъ возможность выразить и герцеговинское произношеніе ъ въ два слога. Впрочемъ, Караджичъ допускалъ возможность сохранить *н* въ сербской ореографіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно употреблялось лишь тамъ, гдѣ оно имѣть мѣсто въ языке славянскомъ ***).

Но исключеніе ъ изъ сербской азбуки могло повести къ произволу въ употребленіи его замѣнъ. Если сербъ изъ Далмациі былъ совершенно вправѣ написать *лито*, то сербъ изъ Срема могъ и не понять этого слова, которое онъ пишеть *лето*. Стейчъ, сначала замѣнявшій *н* посредствомъ *е*, впослѣдствії возвратился въ употребленію *н*. Причины у него для этого слѣдующія: 1) посредствомъ ъ можно сохранить старо-славянскую основу въ правописаніи, 2) о буквѣ ъ можно сказать, по словамъ Стейча, „читай его, какъ ты научился говорить отъ своей матери: одинъ,

*) Одговор на ситнице језикословниe. стр. 16.

**) Гласник IV, стр. 7.

***) Писма, стр. 6.

какъ *e*, другой, какъ *и*, третій, какъ *и*, и четвертый, *ie* или *ije*, ибо въ немъ каждый изъ этихъ звуковъ*). Но при этомъ Стеичъ самъ употребляетъ ѿ лишь въ тѣхъ словахъ, которыхъ онъ называетъ славянскими и не пишетъ его въ словахъ сербскихъ, хотя одного и того же корня съ первыми, напр. *бъло*, но *бео*, *лъто*, но *пролеће*, цео, и т. д. Подъ славянскимъ языкомъ Стеичъ здѣсь разумѣлъ ново-церковно-славянской и его ореографію или—правильнѣе—русскую ореографію. Нѣкоторые изъ противниковъ нововведеній Караджича отрицали даже возможность установить единство въ литературномъ языке сербовъ при исключении *и* изъ числа знаковъ сербской азбуки**).

Дѣйствительно, отсутствие *и* въ азбукѣ повело къ произвольному употребленію его замѣнъ, согласно съ различными говорами сербского языка. Въ виду этого нѣкоторые сербскіе писатели, какъ напр. Іованъ Субботичъ, сохраняютъ употребленіе *и* въ корняхъ словъ***).

Знакъ Я, употребленіе котораго со времени реформы Вука Караджича сдѣлалось всеобщимъ у Сербовъ, принадлежитъ къ старымъ знакамъ сербской азбуки, какъ было уже указано. Въ памятникахъ XII и XIII вв. этотъ знакъ встрѣчается исключительно на мѣстѣ мягкаго *d*, и самый ранній примѣръ обозначенія имъ мягкаго *t* встрѣчается въ грамотѣ князя Андрея 1249 года. †). Самое его начертаніе въ его древнѣйшей формѣ, по

*) Гласник, II, стр. 39.

**) Михайловичъ. Обрана и т. д. стр. 78.

***) Калуђер. Истина и поезија од Д-ра Јована Субботића. У Новоме Саду 1881 г. Субботичъ пишетъ тѣло, врѣме, примѣти, вѣнциемъ, и т. д а также: дотѣривао, онесѣнъ осѣнѧње и т. д.

†) Въ имени: Благђинъ Мрђникъ (Monumenta Serbica Миклошича, стр. 34.) Ср. Майковъ: Исторія Сербскаго языка, стр. 508.

мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, составлено по образцу начертанія д. *). Въ боснійской кириллицѣ онъ получилъ значеніе еще болѣе широкое. Матія Дивковичъ въ своей книгѣ „наукъ карстиански“⁴, въ первый разъ изданной въ Венеціи въ 1565 году **) и напечатанной боснійскою кириллицею, пользуется знакомъ Ѯ не только вместо дъ и тъ, но и для обозначенія мягкости л и н и даже въ значеніи ј, слѣдовательно въ значеніи глаголического деревя, напр. аићео, догаћемъ Дивковић, ћлубав, свагдаћни, кїнига, говорећие, моићемъ.

Сербскіе писатели XVIII вѣка стали употреблять знакъ Ѯ со времени Орфелина. Въ *Букварѣ* Орфелинъ замѣчаетъ, что Ѯ замѣняетъ дъ, а Ѯ произносится какъ тъ, такъ онъ и употреблялъ эти знаки въ своемъ *Магазинѣ*: будућыи (стр. 65), освобођеены (стр. 66), доћи (68), разваћъяо (68) и т. д. Въ „Сербскихъ Новинахъ“, выходившихъ въ Вѣнѣ въ 1791 и 1792 гг., а также въ „Славенско-Сербскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣнившихъ „Новины“ въ 1793 и 1794 гг., употреблялся знакъ Ѯ въ двойномъ значеніи, но не всегда: напунићесе (№ 58 отъ 30 Сент. 1791) већя ==већа (№ 32 отъ 15 Апрѣля 1793 г.), ю нарѣєнино (==нарећено, ibidem), третыи (==ныићшнее трећи, ibidem) и т. д. Досиоѣй Обрадовичъ употреблялъ этотъ знакъ также въ значеніи Ѯ и ѯ, но Соларичъ лишь въ первомъ его значеніи. Изобрѣтеніе знака Ѯ Вукомъ Караджичемъ, при ближайшемъ содѣй-

*) Майковъ, ibidem, стр. 507. Шафарикъ производить древнѣйшее начертаніе Ѯ отъ глаголического деревя, отъ которого взята лишь первая половина (Památky hlaholského Písemnictví стр. 13.).

**) Стоячковићъ. Исторія восточно-славенскаго богослуженія и курілскаго книжества кодъ Славена западне церкве стр. 113.

ствіи Лукіана Мушицкаго, устранило двойственное значение Ѽ.

Знакъ ц, заимствованный изъ румынскай азбуки для обозначенія сочетанія *дж*, въ старой сербской письменности встрѣчается въ первый разъ въ надписи отъ 1667 г. на рипидѣ, находящейся въ Крушедольскомъ монастырѣ *). До Караджича онъ уже употреблялся Сербскими писателями **).

Вместо *ш*, Вукъ Караджичъ усвоилъ сербскому правописанію *шт*, основываясь на самомъ происхожденіи этого знака и на его сербскомъ произношеніи. Въ этомъ разложеніи *ш* по его составу, Вукъ Караджичъ поступиль обратно тому, чѣмъ руководствовался, принимая въ сербскую азбуку знакъ ц.

Какъ уже было сказано выше, Караджичъ сначала исключилъ изъ сербской азбуки букву *х*, такъ какъ не находилъ въ языкѣ соотвѣтствующаго ему звука, и потому указывалъ замѣны *х* ***). Но посѣтивъ Черногорію и Далмацию, Вукъ Караджичъ перемѣнилъ мнѣніе, убѣдившись, что и въ сербскомъ языкѣ существуетъ звукъ *х*; въ цетинскомъ изданіи *пословиц* уже находимъ *х* во многихъ мѣстахъ, и съ этихъ поръ онъ вновь принялъ *х* въ число знаковъ сербской аз-

*) Schaffarik. Serbische Lesekörner, стр. 63. Вотъ эта надпись: сме ришиде скова хади иларонъ митрополитъ белиградски и приложи Ѽ монастырь Крѹшедоль о сем труди се хади Спиридонъ ва лето 1664. (Лѣт. Мат. Серб. кн. 114, стр. 136) Миклошичъ считаетъ этотъ знакъ Ц совершенно излишнимъ (Vergl. gramm. d. slav. Spr. T. I, второе изданіе, стр. 412). Гаттала въ своемъ возраженіи на это мнѣніе Миклошича (Rad IV, 124), исходить изъ ученія о простыхъ и сложныхъ звукахъ.

**) Такъ напр. въ 1808 г. въ Будимѣ вышла книга: умна наставле-
ния преведена Михаиломъ Бояцій.

***) Речникъ 1818, стр. XXXIV; Даница за 1826 г., стр. 56—59.

буки, употребляя его тамъ, гдѣ того требовала эти-
мологія *).

При гласномъ р Вукъ Караджичъ, слѣдуя Досиою
Обрадовичу, не употреблялъ ни *a*, ни *e* для обозначенія
его гласности.

Систематически прилагая правило: *ниши, какъ то-*
соришъ къ сербской ореографіи, Вукъ Караджичъ исключи-
чилъ всякое удвоеніе согласныхъ и допустилъ выражать
на письмѣ всѣ фазисы ихъ уподобленія: переходы сред-
нихъ въ тонкіе передъ тонкими и наоборотъ нашли свое
полное примѣненіе въ сербской ореографіи. Эта свобода
въ правописаніи логически вытекала изъ сущности
фонетической системы ореографіи.

И такъ, Вукъ Караджичъ является лишь системати-
заторомъ всѣхъ тѣхъ измѣненій въ русской азбукѣ,
которые были уже указаны его многочисленными пред-
шественниками, говорившими о томъ, что русская и
церковно-славянская ореографіи оказываются недоста-
точными для выраженія звуковъ сербскаго языка.
Фонетическую систему правописанія онъ довелъ до
крайности, и тамъ, гдѣ онъ является самостоятельнымъ
реформаторомъ, какъ въ совершенномъ изгнаніи изъ
азбуки буквы *ъ* и въ допущеніи обозначать на пись-
мы всѣ уподобленія звуковъ, его ореографическая
реформа требуетъ поправокъ и ограниченій.

Предшественники Вука Караджича не владѣли ни
достаточнымъ знаніемъ народнаго языка, ни достаточ-
ною энергию, чтобы ввести въ сербскую письменность
новый литературный языкъ и намѣченныя ими измѣ-
ненія въ азбукѣ. Вукъ Караджичъ кромѣ того, что
обладалъ въ высшей степени тѣмъ и другимъ, наход-

*) Пословице 1849 г. стр. XII—XXVI; Рјечник 1852. Предисловіе.

дился въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя помогли ему не только положить начало въ родной письменности новому литературному языку, но и создать систему сербского алфавита и ореографии. Энергія, обнаруженная имъ въ борьбѣ съ противниками его нововведеній, и настойчивость, съ которой онъ проводилъ все, что проповѣдавъ въ своихъ сочиненіяхъ, ставятъ его на ряду съ вождями сербского народа во время его политического возрожденія. Этой побѣдѣ всѣхъ новшествъ Вука Караджича помогли и его дружескія связи съ лучшимъ славистомъ того времени, Копитаромъ, и такими славянскими и вѣмецкими учеными, какъ Шафарикъ, Срезневскій, Як. Гrimmъ и друг. Дѣятельность Вука Караджича вполнѣ заслуживаетъ названія патріотической.

Издание сербскихъ народныхъ произведений естественно должно было показать всю несостоятельность дѣланаго языка современныхъ Караджичу писателей, и отсюда возникаютъ его заботы сдѣлать языкъ литературы дѣйствительно народнымъ. Во время культурнаго и политического возрожденія сербского народа, такая реформа литературнаго языка была тѣмъ болѣе естественна, что въ западно-европейской и въ русской литературѣ совершился въ это время поворотъ въ чисто національномъ направлениі. Ложь псевдоklassицизма и ходульность романтизма и сантиментализма уступали мѣсто живой естественности и жизненной правдѣ.

Дѣятельность Вука Караджича, какъ собирателя и издателя народныхъ произведеній, оказала и еще оказываетъ сильное и благотворное вліяніе на развитіе сербской литературы. Многочисленные продолжатели Вука Караджича обогатили литературу

сборниками произведеній устной словесности изъ разныхъ мѣстностей, занятыхъ сербскимъ народомъ. Сербская литература сдѣлалась народною и жизненною; сербская повѣсть, до того времени и по содержанію, и по языку чуждая жизни, стала искать матеріала въ бытѣ и жизни народа, а иногда и въ его преданіяхъ и исторіи. Новѣйшіе сербскіе писатели, правда, не создали еще романа, но они создаютъ оригиналную повѣсть, въ которой бытъ народа получаетъ естественное и живое изображеніе. Разнообразіе природы, жизни и положенія областей, занятыхъ сербами такъ велико, что для художника писателя представляется въ этомъ отношеніи широкое поле въ сербской литературѣ. Вліянію Вука Караджича обязана сербская поэзія стихомъ и цѣлымъ рядомъ національныхъ поэтовъ: въ ней теперь уже невозможны ни Лукіанъ Мушницкій съ дидактическою одою и классическимъ метромъ, ни Сима Милутиновичъ со своимъ оригинальнымъ языкомъ.

Но реформа Вука Караджича въ сербскомъ литературномъ языке и орѳографіи была не во всѣхъ отношеніяхъ благотворна. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что всякий изъ живыхъ славянскихъ языковъ имѣеть права на самостоятельную литературу; лишь при развитіи національныхъ литературъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей выразится все духовное богатство цѣлаго племени. Но реформа Вука Караджича въ отношеніи сербского литературного языка была слишкомъ поспѣшна: ею слишкомъ рѣзко порваны всѣ связи сербской литературы съ русской и ея языкомъ, связи столь крѣпкія, что начинающая сербская литература могла надѣяться на широкое развитие совмѣстно съ русскою; ею представлена своимъ

силамъ литература малаго сербскаго народа, которая вслѣдствіе своей слабости легко можетъ стать лишь отголоскомъ направленій совершенно чуждыхъ сербскому народу.

Вмѣсто того, чтобы постепеннымъ внесеніемъ элементовъ живаго языка очистить и улучшить языкъ сербской писменности и такимъ образомъ выработать новый литературный языкъ, Вукъ Караджичъ возвелъ живой языкъ народа, правда мягкий и звучный, но далеко небогатый, на степень языка науки и литературы. Его крайняя боязнь словяно русскаго вліянія побуждала его даже предпочитать русскимъ словамъ турецкія, звучащія такимъ диссонансомъ среди славянскихъ звуковъ сербскаго языка. Самое единство сербскаго литературнаго языка подвергается опасности при послѣдовательномъ примѣненіи правила: *пиши какъ говоришъ*, ибо и самомъ сербскомъ княжествѣ существуетъ нѣсколько болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга говоровъ, не говоря уже о томъ, что весьма замѣтна разница между языками серба Княжества и Далмации или серба Босніи и Старой Сербіи, подвергшейся сильнѣйшему вліянію болгарскаго племени. Сербскіе и хорватскіе ученые и писатели новѣйшаго времени обратили вниманіе на тѣ крайности, къ которымъ можетъ привести ореографическое правило, провозглашенное Вукомъ Караджичемъ, и стараются установить для него предѣлы*). Въ этомъ отношеніи труды извѣстнаго филолога Юрия Даничича неоцѣнимы въ сербской литературѣ; они направлены къ тому, чтобы установить одинъ типъ литературнаго сербскаго языка и правописанія, раскрыть все богатство сербскаго слова и освѣтить его прошедшее.

*) *Knjizevnik*, т. I, стр. 176.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Списокъ трудовъ и изданий Вука Караджича.

1814. Мала простонародна Славено-сербска песнарица издана Вуком Стефановићем. у Виенни. У печатныхъ г. Јоанна Шнирера.

1814. Писменница Сербскага Језика по говору простога народа написана Вуком Стефановићем Сербијанцем. У Виенни. У печатныхъ г. Јоанна Шнирера.

1815. Народна сербска пѣснарица, издана Вукомъ Стефановићемъ. У Виенни, у печ. Јована Шнирера, часть втора.

1817. Новине Србске. № 42 стр. 336. № 43, стр. 342—343, № 44 стр. 350. одговоръ на палинодію, статью, помѣщенню Меркайлемъ въ № 41 подъ заглавиемъ: Палинодія либо обрана дебелога ера. (Вѣроятно Вука Караджича).

1817. о Милошу Обилићу Срб. Нов. № 97. стр. 773—775.
1. Декабря (подписано В.).

1817. Продуженіе рецензіе прве части Любомира у Елісіуму № 59. стр. 469—472, № 60 стр. 477—480, № 61., 485—488., № 62, 493—496, № 63, 501—504., № 64, 509—512, № 65, 517—520, № 66,—525—528, № 67, 533—536, № 68, 541—544. Новине Србске.

Тутъ же рецензія и второй части этого романа.

1817. Новине Србске № 80. стр. 637—640 Малый одвраћакъ на малый одговоръ г. Видаковића. (за подписью: Рецензентъ).

1817. Новине Србске № 83. Писмо къ рецензенту Любомира у Елісіуму Мих. Фил. Груловића и отвѣтъ Рецензента (т. е. Вука) стр. 661—664.

1818. Новине Србске № 21. Второ обявленіе о Србскомъ словару. (Первое обявление было въ 1816 г.).

1818. Српски рјечник, истолкован њемачким и латинскимъ ријечма скучно га и на свијет издао Вук Стефановић. Wolf Ste-

phansohn's Serbisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch. Lupi Stephani F. Lexicon Serbico-Germanico – Latinum У Бечу (Wien, Viennae), gedruckt bei den P. P. Armeniern.

1818. Новине Србске № 28—6 и 7 Апр. Стр. 221—222. Додатак къ мнѣнию о писмены *ијл* у нашымъ причастіямъ (подп. В).

1818. Срб. Нов. № 50. 22 Іюня стр. 389—392, № 51, стр. 397—400. Отвѣтъ на замѣчанія — Ц — на его статью, по-мѣщенню въ №№ 45 и 46 той же газеты. (Подписано В). «Одговор господину ц — на иѣгово мнѣніе о Србской Граматици». (Вѣроятно Вука Караджича)

1819. Срб. Нов. № 68, стр. 517—520, № 69 — стр. 525 — 528. Руска Библія. Перепечатано предисловіе къ изданію русской библії (въ Петербургѣ) и нѣсколько отрывковъ изъ евангелія на славянскомъ, «руссійскомъ и србскомъ». (Вѣроятно Вука Караджича).

1819. Новаковић Ненад. Особитый додатакъ къ Новинама, у Бечу (стр. 637). Неколико ријечи о другом објављенију на третью часть Любомира у Елісіуму. (Вѣроятно Вука Караджича. Сравни Библиогр. Новаковича, стр. 117).

1820. Забавник Давидовича. Статья Вука Караджича: Народна пјесма о кнезу Ивану Кнєжевићу (из преко Дрине из села Попова, имен. Попови) и Добрићком робљу. Отдѣленије «Србство» въ Забавнику стр 165—167. (Подписано Вук Стефановић).

1820. Србске Новине. № 21. (подписано Новаковић Ненад.) Примјечанија на преводе г. Томе Јьубибрата и на примјечаније на њих г. Станимира Живковића. (перепечатано въ Писма Вукомъ стр. 59).

1821. Србске Новине № 66, стр. 388—390. Одговор на Добрићеве погледе «на начин србска писана», додатак къ ч. 53 Нов. Срб. летнуне. — Подпис. В. С. у Бечу 17 Авг.

1821. Неколико ријечи мојим овогодишњим рецензентима а особито Благоју Штипкаловићу и старцу Куцкалу. Додатак къ числу 49 Срб. Нов.

1821. Одговор Јовану Ранитовићу адвокату Штипкаловићеву. Додатак къ числу 63 — 64. Срб. Нов.

1821. Писмо Димитрију Фрушићу, Доктору Медицине. У Бечу 19 Нојембра. У Виени. Додатак къ числу 68. Новина Србски.

1821. Одговор Штипкаловићу или Ранитовићу на његов од-

говор у додатку къ 75 ч. Нов. Срб. у Виенни. Додатакъ въ
числу 79 Новина Србски. У Бечу 27 Сент. В. С.

1821. Народне Српске Приповјетке написао В. С. У Бечу.
Додатакъ къ №№ Новинъ Сербскихъ 89, 90, 91, 95, 98, 100
стр. 1—31. съ 33—48 народныхъ загадки.

1822. Додатакъ къ Санктпетербургскимъ сравнителнимъ речни-
цима свију језика и нарјенија съ особитимъ отгледима Бугарскога
језика. Написао Вук Стевановић. Санктпетербургскога општества
љубитеља Руске словесности и Краковскога ученога друштва член-
кореспондент. У Бечу.

• 1823. Народне српске пјесме. Скупшио и на свијет издао Вук
Стеф. Карадић. (Јадранин из Трибића, а одстарине Дробњак из
Петнице), философије доктор, Санктпетербургскога вољнога општите-
ства љубитеља Руске словесности, и Краковскога ученога друштва
член-кореспондент. Књига друга, у којој су пјесме јуначке Јај-
старије. У Липисци у штампарији Брејткопфа и Ертла.

• 1823. Народне српске пјесме скупшио и на свијет издао Вук
Стеф. Карадић и т. д. Књига трећа, у којој су пјесме јуначке
позије. У Липисци, у штампарији Брејткопфа и Ертла.

• 1824. Народне српске, пјесме. Скупшио и на свијет издао Вук
Стеф. Карадић и т. д.—Књига прва, у којој су различне пјесме.
У Липисци, тамъ же.

1824. Вука Стеф. Карадића, философије доктора и т. д. Ог-
леди Светога писма на српскомъ језику. У Липисци у штампа-
рији Брејткопфа и Ертла,—и другое заглавие:

Огледи Светога писма на српскомъ језику. Versionis Novi Testa-
menti serbieae Specimena auctore Wuk Stephanide Karadschitsch Phi-
losoph. Doctore. Praefatus est Ioannes Severinus Vater Theol. Dr.
et Prof Halensis. Vindobonae. 1824. prost. ap. Antonium Straus
(in commissis).

1824. Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik ver-
deutscht und mit einer Vorrede von Jakob Grimm. Nebst Bemer-
kungen über die neueste Auffassung langer Heldenlieder aus dem
Munde des serbischen Volks und der Uebersicht des merkwürdigsten
jener Lieder von Iohann Severin Vater. Leipzig nnd Berlin bei G.
Beimer 1824.

1825. Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича верхов-
ного вождя и предводителя народа Сербского. Санктпетербургъ, въ
типографии Н. Гречи.

1826. Даница. Забавник за годину 1826. Издао Вук Стеф. Карадић философије доктор и учени друштва: Санктпетербургскога војнога Јубитеља Руске Словесности, Браковскога, Тирингско-Саксонскога за истраживање отаџ. стварије и Краљевско-Гетингскога член кореспондент. Прва година. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира.

1827. Даница. Забавник за годину 1827. Издао Вук Стеф. Карадић, философије доктор и т. д. Друга година, у Бечу.

1827. Житије Ђорђија Асернијевића Емануела, Росијско-Императорскога Генерал-Лейтенанта и Ордена Росијски: Светога Ђорђија III реда, светога равноапостолнога кнеза Владимира великога крста II реда, златне шпаге с надписом «за храброст», Прайско-Краљевскога ордена црвеног орла I реда и Краљевско-Шведскога мача II реда Кавалера, имајућег Росијску колајну, начињену за спомен незаборављене 1812 године, и Аустријску златну с надписом «Für die Tapferkeit». Издао Вук Стеф. Карадић. У Будиму. Словима Краљ. Университет. Пештанског.

1827. В. Стеф. Карадића. Први српски буквар. У Бечу у штампарији јерменскога манастира (Оттисък изъ Даницы за 1827 г.).

1828. Милош Обреновић кназ Сербі; или грађа за Српску Историју нашега времена, написао Вук Стеф. Карадић, философије доктор и т. д. У Будиму, у штампарији краљ. универ. Пештанскога. (Посвящено Јовану Обреновичу и Јефрему Обреновичу).

1828. Даница. Забавник за годину 1828, издао Вук Стеф. Карадић, философије доктор и т. д. трећа година.

1829. Даница. Забавник за годину 1829, издао Вук Стеф. Карадић, философије доктор и т. д. Четврта година.

1832. Писмо Вука Карадића князю Милошу, напечатано въ газетѣ *Србскій Улакъ* въ 1843 г., № 6, 7, 8, 9.

1833. Јуке Милованова опит настављења к србској сличноречности и слогомјерју или просодии. По новом правописања начину сматрајући на повод къ новој весици нужној Србској Писменици или Језиконауку списан 1810. А издао га Вук Стеф. Карадић. У Бечу. У штампарији Јерменскога манастира.

* 1833. Народне српске пјесме скупио и на свијет издао Вук Стеф. Карадић, (Јадранин изъ Тршића, а од стварије Дробњак из Петнице), философије доктор и т. д. Књига четврта, у којој

су различне јуначке пјесме. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира.

1834. Даница. Забавник за годину 1834, издао Вук Стеф. Карадић, философије доктор, учени друштва: санктпетербургскога вољнога љубитеља Руске Словесности, Краковскога, Тирингско-Саксонскога за истраживање отаџ. старине краљевско-Гетингскога и Московскога историје и старине Росијске член-кореспондент и бивши президент славнога магистрата највеће и вароши Београдске. Пета година. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира.

• 1836. Народне Српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи, издао Вук Стеф. Карадић, философије доктор и различних учених друштва член. на Цетињу. У народној штампарији

1837. Одговор на ситнице језикословне Ј. Хацића – М. Светића. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

- 1837. Montenegro und die Montenegriner. Ein Beitrag zur Kenntniss der europäischen Türkei und des serbischen Volks Stuttg. u. Tübingen. (Въ изд. Котта въ Reisen u. Länderbescheinigung). Раније должна бытъ одна статья о Черногорії въ Ausland (Братская помочь стр. 352).

~ 1841. Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Карадић. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1842. Одговор на «Задатакъ Србскомъ филологу» № 32. Пештанско-Будимскій Скоротеча за 1842. (перепечатанъ Вукомъ въ «Писма» стр. 54—59.

1842. Прави узоръ и почетак скупљања нашијех народнијех пјесама. Пештанско-Будимскій Скоротеча за 1842. № 20 и 21.

1842. Сербский народный листъ за 1842 г. № 25, стр. 197—199. Изъ писма едномъ члену Матице Србске писаногъ у Бечу 19 Јануара 1842 г. Вук Стеф. Карадић. Это отрывокъ письма Вука къ епископу Атанацковичу, впослѣдствіи напечатанного въ «Писма» и т. д. самимъ Вукомъ Карадићемъ.

1842. Поп Павле Карапо-Твртковић и Србски споменици од Карадића. № 24 и 25 Пештанско-Будимскій Скоротеча.

1843. Опет г. поп Карапо-Твртковић и «Србски Споменици»—Сербский Народный листъ № 27, стр. 211—212, № 28, стр. 217—218. Подписано В. С. К. въ отвѣтъ на статью, помѣщенну въ томъ же журналѣ, Карапо-Твртковича, отвѣчав-

шаго на статью Караджића въ №№ 24 и 25 Пештско-Будимскаго Скоротечи.

1843. Вуков одговор на Утук Г. М. Светића. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1844. Вуков одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира.

1845. Вука Стеф. Карадића и Саве Текелије писма високо-преосвештеноме господину Платону Атанацковићу, православноме Владици Будимскоме о Српскоме правопису са особитијем додацима о Српском језику. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

— 1845. Српске народне пјесме скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Карадић. Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

— 1846. Српске Народне пјесме скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Карадић. Књига трећа, у којој су пјесме јуначке средњијех времена. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1846. Критика у језику. Одговор Г. Евг. Јоановићу на *при-мѣчанія на књигу Писма Вука Стеф. Карадића и Савве Текеліе*. Сербскій Народный Листъ 1846 г № 19 отъ 16 Маia, стр. 145—148, № 20 отъ 23 Маia, стр. 153—156.

1846. Kolo Станка Враза, IV, 1847 г. стр. 72—79. Od-govor Vuka Stef. Karadžića—Babukića. Ему предшествуетъ письмо Вѣкослава Бабукича къ Караджићу (стр. 70—72), за нимъ идетъ: Dodatak uredništva.

1847. Нови завјет господа нашега Иисуса Христа. Превео Вук Стеф. Карадић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1847. «Утукъ III езикословный одъ М. Светића», отвѣтъ В. С. Караджића на эту брошюру противъ него Хаджића. Сербскій Народный листъ отъ 23 февраля 1847 г. № 8, стр. 57—60.

1848. Господину са два крста. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира. Брошюра, 8 стр. 20 марта 1848 г. Письмо это было напечатано въ Подунавкѣ за 1848 г. № 12 отъ 19 марта, стр. 45—47. Тутъ же и одговоръ господина са два крста.

— 1849. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Карадић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

— 1849. В. С. К. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. I. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1850. Narodne Novine (Загребскія) за 1850 г., (9 Travnj), број 76, стр. 215. Glavna pravila za južno narječe (какъ объяснение къ договору о азбукѣ и литературномъ языке между Сербами и Хорватами).

1851. Кмет написао Вук Стеф. Каракић. Slavische Bibliothek Miklosich'a, I т. стр. 85—89.

1851. Вука Стеф. Каракића. Посланница Антону Кузманићу у Задар въ Slavische Bibliothek Miklosich'a, I т. стр. 90—110.

— 1852. Lexicon Serbico-Germanico-Latinum edidit Vuk Steph. Karadschitsch. Vindobanae. Typis congregationis Mechitaristicae. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупши га и на свијет издао Вук Стеф. Каракић.

— 1853. Српске народне приповјетке. Скупши их и на свијет издао Вук Стеф. Каракић. У Бечу, у штампарји јерменскога манастира.

1857. Примјери српско-Славенскога језика, саставио их Вук Стеф. Каракић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1858. Вука Стеф. Каракића писмо Јовану Стерији Поповићу о српској просодији. Slavische Bibliothek Миклошича. Т. II, стр. 232—236.

1860. Правительствующий Совѣтъ Сербскій за времена Карапорићева или отимање ондашњијех великаша око власти. Написао Вук Стеф. Каракић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1861. Одбрана од ружења и куђења. В. С. К. Отписки изъ газеты Видовдана за 1861 г. № 34, 35, 36.

— 1862. Српске народне пјесме, скупши их и на свијет издао Вук. Стеф. Каракић. Књига четврта, у којој су пјесме јуначке новијех времена о војевању за слободу. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1864. Приправа за Историју свега свијета ради дјеце. Пре-вео с њемачког по А. Л. Шлецеру покојни Димитрије Владисављевић бивши учитељ при српској школи у Трсту, а прегледао и на свијет издао Вук. Стеф. Каракић. Књижница прва. Увод у историју свега свијета. У Бечу, у издавалишту Ане удове В. С. Каракића.

— 1865. Српске народне пјесме, скупши их Вук Стеф. Ка-

рацији. Књига пета, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању Црногораца. Трошком народнијех прилога. У Бечу. У наклади Ане удовице. В. С. Карадића.

— 1866. Српске народне пјесме из Херцеговине (женске). За штампу их приредио Вук Стеф. Карадић. Трошком народнијех прилога. У Бечу, у наклади Ане удовице Вука Стеф. Карадића.

✓ 1867. Живот и обичаји Народа Српскога, описао их и за штампу припремио Вук. Стеф. Карадић. Трошком народнијех прилога. У Бечу. У наклади Ане удове В. С. Карадића.

1870. Српске народне приповјетке скупио их и на свијет издао Вук. Стеф. Карадић. Потпором народнијех прилога. Друго умножено издање. У Бечу. У наклади удовице В. С. Карадића.

1872. Deutsch-Serbisches Wörterbuch.

Примѣчаніе. Такъ какъ миъ не удалось видѣть полныхъ годовъ Сербскихъ Новинъ за 1814, 1815 и 1816 г., то не могу считать этотъ списокъ трудовъ Караджича полнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что вѣроятно нѣкоторыя статьи безъ подписи или помѣченныи буквою *B.* въ додаткахъ къ газетѣ также принадлежать перу Караджича,—напр. Србске Новине № 10, за 1818 г. стр. 78—80. Примѣчаніе о дателномъ и творителномъ падежу сербскомъ мушки и средњи имена—подп. *B.* Рецензія на романъ Видаковича *Усамљни юноша* (въ Серб. Нов. за 1815 годъ № 305, стр. 819—820, № 206, стр 823—824, № 208, 831—832), вѣроятно принадлежитъ также Караджичу. Начала рецензіи романа «Любомиръ у Елісіуму», я не видѣлъ въ тѣхъ экземплярахъ Сербскихъ Новинъ за 1815, 1816 и 1817 гг., которыми я могъ воспользоваться.

Біографіческія свѣдѣнія о Саввѣ Меркайль.

Савва Меркаль или Меркайль, какъ онъ подписался подъ статьею въ Серб. Нов. за 1817 г., стр. 326—328, родился въ 1783 г. въ Горней Крайнѣ, въ селѣ Сѣничакѣ. Въ 1799 году онъ окончилъ въ Барловцѣ духовное училище и сдѣлался учителемъ въ славено-сербской школѣ въ Госничѣ. Здѣсь онъ не могъ ужиться съ офицерами и торговцами и потому вскорѣ, оставивъ должность, поступилъ сначала въ загребскую «академію», а послѣ перешелъ въ Пештскій университетъ, гдѣ слушалъ философию и математику. Онъ хорошо зналъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки и изучалъ греческій и еврейскій. Въ 1810 году въ Будимѣ онъ издалъ свою единственную книгу: «сало дебелога ера либо азбукопретрес», которая обратила на себя вниманіе Копитара, справлявшагося у Мушицкаго объ ея авторѣ. Въ Пештѣ Меркайль пріятельски сошелся съ Лукою Миловановичемъ Георгіевичемъ, сочиненіе котораго «Опіт сличноречности» издалъ въ 1833 году Вукъ Караджичъ. Въ 1811 году Савва Меркайль постригся въ монахи и получилъ чинъ діакона и имя Юліана въ монастырѣ «Гомірія», гдѣ тогда былъ архимандритомъ знаменитый впослѣдствіи патріархъ Іосифъ Раичичъ. Въ монастырѣ Меркайль не ужился съ братиєю и вскорѣ былъ принужденъ оставить его. Не смотря на то, что епископъ Міоковичъ приказалъ принять его въ монастырь, Меркайль не могъ долго оставаться въ монастырѣ и вскорѣ сталъ просить, чтобы сняли съ него монашескій чинъ и отпустили изъ Гоміріи. Въ 1813 году онъ ушелъ изъ монастыря и съ тѣхъ поръ велъ скитальческую жизнь. Между прочимъ всѣ защитники г, дебелоровцы, преслѣдовали его за его книгу, и когда онъ, утомленный скитаніемъ, обратился къ митрополиту Стратимировичу съ прошльбою принять его въ одинъ изъ монастырей фрушкагорскихъ, ему было въ этомъ отказано.

Расчитывая на Лукана Мушицкаго, который и самъ содѣйствовалъ новизнамъ сербской азбуки и съ 1822 г. управлялъ Верхне-карловачкой епархиєю, Меркайль обратился къ нему съ просьбою о помощи, но добиться ничего не могъ. Въ 1827 г. онъ сошелъ съ ума и умеръ сумашедшимъ въ Вѣнѣ въ 1835 году.

Кромѣ его книги «Сало дебелога ера» известна статья «Палинодіј либо обрана дебелога ера» (Серб. Нов. 1817 г. № 41), написанная, вѣроятно, подъ тяжестю преслѣдований за гонение въ изъ сербской азбуки, и стихотворенія: «Гди е радость» и «Старацъ», напечатанныя въ Сербскомъ народномъ Листѣ за 1837 г. (стр. 415), а затѣмъ въ сборникѣ Хаджица: Голубица (т. III стр. 159—160). Въ Голубицу же (стр. 160—173) напечатана его перевѣдѣлка дидактической оды Лукана Мушицкаго «Гласть народолюбца». Отъ него ожидали сочиненія «Језикопретрес», имъ обѣщанаго въ «Сало дебелога ера», но онъ его не напечаталъ. Принимается Меркайлю двѣ пѣсни и письмо за подписью С. М. изъ Далмации въ Серб. Нов. за 1821 г. № 32. (Лѣт. Мат. Серб. т. 120, стр. 215).

Свѣдѣнія о Меркайль заимствованы изъ статьи о немъ Георгія Райковича—въ Јаворѣ за 1877 г., №№ 29, 30, 31 и 32.

Біографіческія свѣдѣнія о Лукѣ Миловановѣ.

Лука Миловановъ Георгіевичъ былъ родомъ изъ Босніи изъ Осата нахіи Сребрничкай. Отецъ его, плотникъ по ремеслу, переселился, предъ началомъ послѣдней Австро-Турецкой войны, въ концѣ прошлаго столѣтія въ Сремъ. Въ то время Лукѣ всего было два года. Сначала его отецъ поселился вблизи Вараждина въ селѣ Черевичѣ, но послѣ перешелъ въ Винковцы, побывавъ два раза въ качествѣ добровольца въ австрійскихъ войскахъ, воевавшихъ съ турками. Онъ умеръ въ 1820 г. Лука сначала учился въ Винковцахъ, а послѣ слушалъ въ Сегединѣ философию и въ пештскомъ университетѣ юридическая науки. Затѣмъ онъ сдѣлался сербскимъ учителемъ въ Пештѣ. Между прочимъ онъ преподавалъ математику пѣвчимъ русской капеллы при церкви Палатины Венгерской Александры Павловны въ Ирѣмѣ вблизи Пешта. Однажды онъ, отправившись туда пѣшкомъ въ большой морозъ, простудился

и послѣ болѣзни лишился слуха. Это несчастіе такъ поразило его, что онъ сталъ пьяницей. Затѣмъ онъ занимался церемоникою въ Будимѣ у адвоката Григорія Димича, а послѣ служилъ въ качествѣ переводчика съ иностранныхъ языковъ у Будимскаго владыки Діонісія Поповича. Тутъ онъ перевелъ на сербскій языкъ нѣсколько латинскихъ сочиненій, которыя епископъ издалъ, предварительно исправивъ языкъ на свой образецъ. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ остались ненапечатанными и хранятся въ епископской библиотекѣ въ Будимѣ (Гласникъ т. 20, стр. 100). Послѣ смерти этого епископа Лука Миловановъ очутился въ крайней бѣдности и вскорѣ умеръ (28 ноября 1828 г.). Естѣніе замѣтимъ, что для изданія его «Просодіи» предлагали средства двое изъ числа русскихъ пѣвчихъ въ Иромѣ Clemens и Feodor еще въ 1811 году, но тогда цензура не пропустила книгу къ печатанію, вслѣдствіе особенностей ея орѣографіи. (Опіт наставлења къ сербској сличноречности стр. IV).

Біографіческія свѣдѣнія о Павлѣ Кенгельцѣ.

Павелъ Кенгелацъ родился въ Бикиндѣ около 1770 года. Его отецъ (Христофоръ) былъ первымъ поселенцемъ въ этой мѣстности. Рассказываютъ, что пока не было православной церкви въ Бикиндинѣ, у него собирались поселенцы, и онъ имъ читалъ молитвы. Послѣ того онъ былъ сдѣланъ обер-кинозомъ (старшиной) въ этомъ новомъ поселеніи Сербовъ и впослѣдствіи сталъ сенаторомъ въ Бикиндскомъ магистратѣ. У него было 12 сыновей, Павелъ былъ одиннадцатый.

Павелъ Кенгелацъ, окончивъ курсъ уѣзднаго училища, сначала служилъ въ одномъ изъ торговыхъ заведеній въ Сегединѣ, но вскорѣ оставилъ это занятіе и отправился учиться въ Шопронъ, откуда перебрался въ Бежмаркъ, где и окончилъ гимназію. Въ 1790 г. онъ былъ уже въ Петербургѣ, где поступилъ въ семинарію при Александро-Невской Лаврѣ. Въ Россіи его называли Кенгелачъ. По словамъ его бiографа г. Райковича (Лѣтоп. Мат. Серб. кн. 124), онъ послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ учения въ Петербургѣ, получилъ степень доктора богословія, и такимъ образомъ сталъ первымъ докторомъ бого-

словія изъ Сербовъ. Изъ Россіи онъ въ качествѣ губернера дѣтей Яновича-Мирьевскаго юздила въ Германію и учился въ Галльскомъ университѣтѣ. Разсказываютъ, что при посѣщеніи университета прусский король Фридрихъ Вильгельмъ, онъ такъ ему понравился своими отвѣтами, что король отвязалъ свою шпагу и далъ ее Кенгельцу, сказавъ при этомъ: *Da haben sie, Herr Collega, meinen Degen zum Andenken.* Въ это время Кенгелацъ посѣтилъ Лондонъ и, вѣроятно, Парижъ. Въ 1797 году онъ вернулся въ родной городъ съ дипломомъ доктора философіи. Жители Бикинды со знаменами и крестами вышли встрѣчать своего ученаго согражданина,

Когда начались притѣсненія сербовъ со стороны мадьярской администраціи, которая хотѣла ограничить привилегіи сербскихъ поселенцевъ, молодой и ученый Кенгелацъ собралъ депутацію изъ своихъ согражданъ и во главѣ ея отправился къ императору Францу II въ Вѣну съ жалобами на притѣсненія областныхъ властей въ Темешварѣ. Это ходатайство имѣло успѣхъ, но возстановило противъ Кенгельца Торонтальскаго поджунана Марфія, и Кенгелацъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, по совѣту епископа Петровича, принялъ монашество, а его помощникъ въ депутації Нико Пайдакъ (не Байдакъ ли?) бѣжалъ въ Россію и впослѣдствіи сталъ русскимъ генераломъ. Въ 1798 г. Кенгелацъ былъ уже архимандритомъ. Но митрополитъ Страти-мировичъ, помимо котораго Кенгелацъ былъ посвященъ въ этотъ санъ, былъ этимъ недоволенъ и вскорѣ лишилъ Кенгельца управліенія монастыремъ Святаго Георгія, въ которомъ онъ былъ архимандритомъ и настоятелемъ. Въ 1801 и 1802 гг. Кенгелацъ былъ преподавателемъ въ Темешварскомъ духовномъ училищѣ. Послѣ онъ вновь былъ назначенъ настоятелемъ Свято-Георгіевскаго монастыря, где и умеръ 7 марта 1834 года.

Въ сербской литературѣ онъ извѣстенъ двумя имъ изданными книгами: Естествословіе (въ Будинѣ Градѣ) 1811 года и Все-мирного Сбытіясловія, часть первая (въ Будиномъ градѣ) 1821 года. Кенгелацъ замышлялъ издать цѣлый рядъ книгъ по естественной и политической исторіи. Изъ его сочиненій, оставшихся въ рукописи, извѣстна «Церковная исторія»; III, IV, V и VI части этого сочиненія находятся въ рукахъ его родственника протодьякона Емиліана Радича въ Карловцахъ. Кроме того г. Райковичъ напечаталъ въ журналѣ «Седница» за 1854 г.

«Проповѣдь о покореніи и повиновеніи къ власти изъ еемы посланія Святаго Апостола Павла къ евреемъ главы 13-їя стиха 7-го Пауломъ Кенгелцемъ Архимандритомъ Свято-Георгіевскими за Сербію составлена 1830 лѣта». Кроме того, по свѣдѣніямъ Е. Чакры (Даница за 1868, стр. 159. Ср. Библ. Новаков. стр. 37), Кенгелацъ писалъ «Славенно-Сербскія вѣдомости», выходившія въ Вѣнѣ въ 1793—1794 г., и побудилъ Стефана Новаковича издавать эту первую сербскую газету.

Кенгелацъ принадлежалъ къ числу образованѣйшихъ людей своего времени: онъ зналъ еврейскій, греческій, латинскій, русскій, юдѣйскій, французскій, румынскій, иѣменскій и англійскій языки, но писалъ лишь на церковно-славянскомъ и иѣменскомъ. По мнѣнію сербскихъ критиковъ, его церковно-славянскій языкъ можетъ быть названъ образцовымъ (Огледало Хаджи-ча 1864, стр. 119, въ статьѣ Г. С. Поповича о Павлѣ Кенгелацѣ). Онъ умѣлъ приспособить сербо-церковно-славянскій языкъ къ выраженіямъ чисто свѣтскіхъ наукъ. Самъ Кенгелацъ такъ отзыается о языкахъ своихъ сочиненій: Печахся, елико славянски самъ разумѣваю, чисто славянски писати. Большымъ отъ мене славяномъ возникнится твореніе или стуль мой простъ: мнѣ равнымъ угоденъ, якоже и мнѣ: полуученнымъ и школскимъ ясновомъ высокъ и теменъ. Они да напишуть болше, и азъ поклонюся имъ; они да примутъ съ онаковыми усердіемъ, съ каковыми азъ писахъ сіе: сіи да будутъ подражатели мнѣ, и большымъ отъ мене славяномъ. (Предисловіе къ Естествовію, стр. 11 и 12.)

Въ Естествовію Кенгелацъ разсуждаетъ о происхожденіи земли, о горахъ, о моряхъ, рѣкахъ и источникахъ, вѣтрахъ, землетрясеніи, вулканахъ, ятосчислѣніи и временахъ года, причемъ сообщаются свѣдѣнія и астрономическая. Послѣдняя глава занята разсужденіемъ о человѣкѣ: въ ней между прочимъ Кенгелацъ отводитъ значительное мѣсто вопросу о зарожденіи человѣка, строеніи человѣческаго тѣла и говорить о душѣ. Онъ приводить мнѣнія важнейшихъ ученыхъ по естествознанію отъ Аристотеля до Бюффона и даетъ свое мнѣніе о вопросахъ, о которыхъ разсуждается. *Естествовіе* педаго-певодъ завистникамъ ученой славы Кенгелаца, къ новымъ начадкамъ на автора книги: стали утверждать, что онъ перевѣлъ эту книгу съ русскаго, хотя это опровергалось фактами, вѣшедшими въ книгу и

извѣстными лишь однимъ сербамъ въ то время, какъ напримѣръ извѣстіями о голубачкой мухѣ. Кенгелацъ обратился въ предсѣдателю Академіи Наукъ въ Петербургѣ А. С. Шишкову съ просьбой разъяснить дѣло,— и въ своемъ отвѣтѣ Шишковъ называетъ «совершеннѣйшо неправдою», будто Кенгелацъ перевелъ сть русскаго свои сочиненія. «Сіи сочиненія Ваши, какъ по содержанію своему, такъ по добротѣ мыслей и слогу, весьма достопочтенные, Вамъ собственно принадлежать и дѣлаютъ Вамъ честь. Академія съ удовольствіемъ это свидѣтельствуетъ.»

Самъ Кенгелацъ въ своемъ предисловіи къ «Сбытіясловію» такъ отзывается о людяхъ, обвинявшихъ его въ plagiatѣ: Нѣцы о моемъ естествословіи мудрствующе, или паче реци, безумствующе, обуродѣша, и до таковаго скудоумія пришедшe, сумнихуся, яко мое есть твореніе. Иніи еще горше заблудиша, обезславити и омерзити мя у народа хотящe, рѣша: яко оное изъ Россіи украдъ, подъ моимъ именемъ печатати дасть есмъ. О! да бы си и ты, доброненавистный бѣсе, въ Россіи былъ, не бы тако о честнѣмъ человѣцѣ злоумствовалъ. Аще иное что не бы тя тамо разумило, поне Россійскій книутъ привель бы тя въ разумъ, да не блядословиши на болшаго отъ тебе; хулиому языку молчаніе требъ есть наложити. (Предисл. къ Сбытіясловію, 1821 г., стр. 3). На свое авторство, Кенгелацъ смотрѣлъ какъ на долгъ, возложенныи на него самимъ монашескимъ его званіемъ. «Должность званія моего исполняю, яложе и прочіи, древніи монашескаго чина преподобніи отцы, имже иѣсмъ достоинъ нарещиши преемникомъ, со всякимъ тщаніемъ и огненною любовію исполниша, (ibid. стр. 5). Въ этой первой части Сбытіясловія разсказана исторія Іудеевъ, при чемъ въ послѣдней главѣ описаны судьбы іудейскаго народа сътъ Рождества Христова до нашихъ временъ, иѣта Христова 1-го до 1821-го.

Какъ «Естествословіе», такъ и «Сбытіясловія» — вышло только по одной книгѣ, хотя первого предполагалъ Кенгелацъ написать 4 части: о царствѣ животныхъ, о царствѣ растеній и о царствѣ камней. Оба эти его произведения напечатаны славянскимъ шрифтомъ съ наблюдениемъ всѣхъ надстрочныхъ знаковъ и особенностей церковно-славянского алфавита.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

ВАЖНІЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКИ	ВАПЕЧАТАНО	НАДОВНО
9	сверху	18	небольшою
21	—	6	православной
22	—	15	Романомъ
35	—	17	общественое
38	—	14	шутливыя
48	—	6	Бълградъ
61	снизу	6	б)
65	сверху	2	переписать
67	—	13	Копитаръ
68	—	13	ријечима
84	—	4	удноенія
93	—	19	соленою
101	—	3	сербами
110	—	11	писателей
116	снизу	1	Совѣтъ
127	—	3	Schrifftthums
128	—	4	Писаничами
133	—	3	так е
135	сверху	9	русско-славянского
146	—	3	изданія
147	—	19	но
155	—	10	25
159	—	9	Евстаеій
162	—	12	мене
163	—	14	Караджичъ
167	—	7	сербъ

II

СТРАВ.	СТРОКИ	НАПЕЧАТАНО	НАДОБНО
181	—	15 пародныхъ	народныхъ
182	—	16 пушутъ	пишутъ
183	снизу	8 сербскій,	сербскій
187	—	8 издалъ	напечаталъ
192	сверху	12 подраженія	подражанія
—	снизу	5 смоемъ	своемъ
199	сверху	1 отъ	онъ
205	снизу	8 Сербска	Сербска
206	—	8 измѣненія	измѣненія
208	—	6 цѣлесообразнѣе	цѣлесообразнѣе
214	сверху	1 сличнорелности	сличноречности
220	снизу	2 ријеги	ријечи
221	—	14 злополучное	злополучное
226	—	8 въ	къ
227	сверху	2 ie	какъ ie
228	—	9 догађаемъ	догађаемъ
230	снизу	9 письмы	письмъ

